

АНАСТАСИЯ КОСТА

Мисля, че е една вярна и
Мисля, че, как такава, не могат да
ане, презнессно, условията или кактоса
не първостно, не проруби слъб, на.

ДНЕВНИК

Анастасия Косташ

**Дневник Эммануила
Разумовского**

«Издательские решения»

Косташ А.

Дневник Эммануила Разумовского / А. Косташ —
«Издательские решения»,

Книга уносит читателя в недалёкое будущее. Политическая карта мира перекроена. Реальная власть принадлежит тайной мировой элите, скрытой в тени политиков. Им подчиняются армии большинства стран, в том числе Северо-американского союза. Главный герой, Эммануил Разумовский, офицер элитного военного подразделения САС, сын российских эмигрантов, во время спецоперации в Балучистане находит старинные письма, написанные по-русски. находка интригует. Чтение писем радикально меняет жизнь главного героя.

© Косташ А.

© Издательские решения

Содержание

Дневник Эммануила Разумовского

Анастасия Косташ

Книга посвящается Валерию Косташу

© Анастасия Косташ, 2016

© Анастасия Глушенкова, иллюстрации, 2016

Дизайнер обложки Анастасия Глушенкова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«НЕТ НИЧЕГО НЕВОЗМОЖНОГО: ФИЛОСОФИЯ, МИСТИКА И ПСИХОЛОГИЗМ В КНИГЕ АНАСТАСИИ КОСТАШ «ДНЕВНИК ЭММАНУИЛА РАЗУМОВСКОГО»

Если изложить фабулу книги Анастасии Косташ «Дневник Иммануила Разумовского», то она будет выглядеть так. Существует некий мир со своими континентами, странами, языками, религиями, политическими интересами, интригами, борьбой и т. д. Управляет этим миром Мировое правительство, насквозь лживое, со своей разветвлённой системой тотального слежения за людьми и подавления всякого инакомыслия. Ради удержания власти оно готово уничтожить и уничтожает миллионы людей (и это в середине двадцать первого века!).

В центре повествования – две основные коллизии, две борьбы. Одна (внешняя) – против тех тех, кто живут ради себя любимых и во вред своему народу, используя бесчеловечные методы и приёмы управления обществом вплоть до изоляции и уничтожения миллионов людей. Другая коллизия (борьба) – внутренняя, то есть она затрагивает мысли и чувства человека. Даже ощущая свою скорую гибель и готовясь к ней, герой думает о том, кто продолжит его дело, его борьбу. И этот кто-то – спасённая им девочка Надя. В ней он видит будущего лидера Сопротивления. Ещё одна параллель в произведении – это параллель преемственности поколений: «отец-дочь» (русская девушка) и «Ману-Надя» по схеме «учитель-ученик». Особенно чётко это сходство между двумя парами преемственности иллюстрируется словами Наденьки в последней записи дневника, которые она берёт из писем русской девушки: «И теперь, спустя много лет, я благодарю его за то, что он не жалел меня, и уроки его были порой слишком суровы для девочки 7—9 лет. Я не знаю, где он сейчас, но верю: там, где меня нет, он однажды увидит эту запись во сне, прочтёт её, и на душе станет теплее. Пусть он знает, что, несмотря ни на что, он – единственный светоч в моей жизни, на который я иду, как на луч маяка в мёртвой темноте безнадежности самоубийственного человечества».

В композиции книги, её стиле, много такого, что приятно удивляет. Здесь и философские письма русской девушки, и любопытные, порой насыщенные динамикой дневниковые записи главного героя Э. Разумовского (Ману), и сны, над которыми надо размышлять и которые одновременно и мистические, и вещие. Роль писем в произведении особенно существенна. Без них Разумовский так бы и остался офицером элитного подразделения, прислуживающего Большому брату. Благодаря откровенности, убедительности, глубочайшей философии мысли эти письма девушки изменили мировоззрение главного героя, и то ли Судьба, то ли «материальные» мысли Эммануила свели его с международным движением «Сопротивление».

Русская девушка, имя которой совпадает с именем писательницы и в которой можно распознать прототип автора, обращается в своих письмах к отцу, как бы беседует с ним. Она

ставит под сомнение целесообразность современной модели общества, основанного на приоритете денег, ставит под сомнение и достоверность истории мира как науки.

Среди ключевых тезисов писем русской девушки следующие:

- v «Мы – хранители и распространители неосязаемых потоков информации»;
- v «Необходимо помнить, что мы состоим из несметного количества частиц, бесконечно малых и, в то же время, бесконечно великих, наполненных жизнью, а потому бурлящих мыслями, деяниями и речью»;
- v «Противоречий не существует. Всякое противоречие является следствием ограничения и деления»;
- v «Духовное наполнение человека привносит огромные изменения не только во внешнюю среду, но и во внутреннюю структуру молекул самого тела»;
- v «Система выращивает в своих зомбариамах овощелюдей, живущих настоящим моментом и плюющих на прошлое и будущее своей Родины и мира в целом»;
- v «Общество, мыслящее в двухмерной плоскости, никогда не освободится от жажды иллюзий»;
- v «Измерение мира с помощью денежного эквивалента основано на мимолётном мираже; цена – это просто условность. Вселенная не оперирует категориями ценности»;
- v «Желание и намерение поистине творят чудеса, когда эти чувства тесно сплетены и чисты в своём проявлении».

Письма девушки становятся тем толчком, благодаря которому главный герой по имени Эммануэль начинает борьбу против Нового Мирового порядка. Картины действительности, которые рисует главный герой в своём воображении, читая эти письма, настолько расшатывают, казалось бы, нерушимые столпы его мировоззрения, что перебираются в подсознание и всплывают метафорическими образами в мире сновидений. Как бы продолжая размышления русской девушки, главный герой пишет в дневнике уже свои мысли:

- «Система делает всё, чтобы люди не задавались главнейшими вопросами морали, не брались за изменение общества всерьёз, не спрашивали друг друга и самих себя: «Неужели мы не можем жить по-другому? Неужели это – единственный путь?»;
- «Наша мыслительная сила, насыщенная любовью, – как лекарство на травах. Она лечит мир и нас самих изнутри без хирургического вмешательства»;
- «Высокими чувствами и глубокими мыслями можно возбудить в себе такие вихри, что они поднимут сознание на качественно другой уровень»;
- «Я не жив и не мёртв, я вышит из мысли и слова Бытия, я вечен и всемогущ, как и всё во Вселенной».
- «Это она... истина, которую невозможно описать так, чтобы не утратить и кванта первородного смысла... она воплощается в виде волшебства, удивительных вибраций этой ночи... истина окружает меня повсюду, дышит, перерождается в изменениях,

пульсирует... она касается кожи, разума и сердца и проникает в самую глубь существа».

В книге приводится немало рассуждений второстепенных персонажей (Джеремии, Ромайлы, Ярослава и др.), их взгляды на жизнь занимательны, трогают ум и чувства читателя. Их реплики лишний раз подтверждают, что человек (*Homo sapiens*), прежде всего, – существо разумное. Вот только несколько примеров из рассуждений героев:

- «Твоё сознание полностью зависит от твоей головы. Никто не знает, что такое правда». (Джеремии)
- «Вечность задаётся вопросом: а был ли человек? „Хм, – напрашивается ответ, – Нет. Мимолётная иллюзия. Так, померещилось, показалось“. Всё вокруг – иллюзия. Я – иллюзия. Они – иллюзия. Мы все – случайные миражи, волею каких-то неведомых явлений проявившиеся в этом мире» (Ромайла).
- «Люди стали бестолковыми существами... Их жизни не имеют ни реальной цены, ни какого-либо коэффициента полезного действия... Забавно наблюдать со стороны, как они набивают себе цену, соревнуются друг с другом ради статуса и господской подачи; каждый хочет доказать, что он стоит дороже других» (Ярослав).

Характерен эпизод со строительством пирамиды во сне Эммануила Разумовского. Этот символ власти, могущества и вечности возводится преступным миропорядком на растворе из пепла не только простых людей, но самих строителей. Подобных эпизодов, имеющих символический характер и львиную долю мистики, в произведении немало и каждый из них, так или иначе, воспринимается персонажами на уровне подсознания. Чаще всего такие мистические сцены живут во снах героев, но иногда мистика проявляется и в мире яви.

Итог повествования автором вынесен в начало книги в главу «Постановление», где Э. Разумовский оправдан новым Советом Свободного Евразийского континента, ему посмертно присвоен статус интернационального героя, а имя увековечено в материальных и интеллектуальных памятниках.

*Мартынов Анатолий Николаевич,
филолог, художник,
руководитель литобъединения
«Балтийские Зори».*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Выслушав дело офицера Сопrotивления Эммануила Разумовского, Совет Свободного Евразийского континента постановил:

– Официально рассекретить и опубликовать во всех средствах массовой информации найденные в архивах разведки Мирового Правительства и отмеченные грифом «Совершенно секретно» дневниковые записи Эммануила Разумовского, осуществив переводы, наиболее приближенные к оригиналу, не нарушая хронологического порядка и включив в них письма русской девушки, которые были найдены вместе с записями; считать оба свидетельства единым историческим документом под названием «Дневник Эммануила Разумовского»;

– Оправдать офицера Сопротивления Э. Разумовского по всем пунктам предъявленных ранее обвинений;

– Присвоить офицеру Сопротивления Э. Разумовскому статус интернационального героя посмертно, изучать его дневниковые записи в учебных заведениях в качестве документального свидетельства развития и гибели движения «Сопротивление»;

– Признать дневниковые записи Э. Разумовского важнейшим историческим документом, достоянием прошлого и хранить оригинал должным образом;

– Увековечить имя Э. Разумовского в материальных и интеллектуальных памятниках; присвоить имена героев Сопротивления городским объектам, улицам и населённым пунктам;

– Добавить дневниковые записи к Генеральному Делу о Всемирной Оккупации, использовать их в качестве документального подтверждения бесчеловечных методов управления человеческими и природными ресурсами, применявшихся органами Мирowego Правительства и приведших к тяжелейшим душевным, физическим страданиям, гибели миллиардов людей и животных;

– Назначить международным днём траура дату массовой гибели членов Сопротивления;

– Считать рассмотренное дело офицера Сопротивления Э. Разумовского официально закрытым.

Ниже приведена копия «Дневника Эммануила Разумовского»; в копии писем русской девушки опущены буквы дореволюционной орфографии (т.е. бывших в употреблении до революции 1917 года) за исключением слов с корнем «мір» (в значении «планета», «вселенная», «окружающая действительность», «уровень бытия») для отличия от термина «мир» («отсутствие войны», «согласие»).

ДНЕВНИК ЭММАНУИЛА РАЗУМОВСКОГО

Меня зовут Manuel Razumovsky. Возможно, это глупая затея: вести личный дневник. Но жизнь в обществе, в котором практически каждое твоё движение фиксируется и записывается в гигантских базах данных, то есть сам по себе такой образ жизни ущемляет простую человеческую потребность в уединении. Иногда хочется закрыться дома, сесть в тишине и просто помолчать или поговорить самому с собой, чтобы никто не слышал этой беседы. Я всегда был и буду за действующую Систему мира. Просто сейчас я всего лишь пользуюсь своим правом на одиночество, на эмоциональную разгрузку, на тайну внутренних размышлений.

Я офицер элитного подразделения, основанного на слиянии лучших спецслужб мира, и являюсь гарантом общественной безопасности. Рождён и воспитан в лучших традициях сионизма, поистине горд своим еврейским происхождением. Опустим тот факт, что мой папа – ашкенази, а мама – украинка. Но говорят, что такая смесь даже сильнее и громучей простой еврейской генетики. Мои родители первое время жили в России, поэтому я говорю по-русски, хоть и хуже, чем на иврите или английском языке; писать мне намного проще. Здесь, где я живу, знание русского языка среди людей – большая редкость, поэтому я пишу именно на нём, а не потому что я люблю или уважаю этот гойский язык.

В наше время писать дневник – что-то необычное. Во-первых, люди мало пишут и читают, во-вторых, некогда. Последнее время я вообще веду себя странно... произошёл со мной один случай...

Это было не так давно, недели две назад. После долгого затишья шиитское подполье заявило о себе в Балучистане. Поступил приказ «сверху»: подавить сопротивление и уничтожить его лидеров, участников и всех, кто так или иначе помогал или поддерживал их преступную деятельность. В общем, обычная военная операция по устранению исламских фанатиков, которых я за свою молодую жизнь передал немало. Мы вылетели в город Карачи, что на юге страны. Наша разведка давно вычислила место дислокации противника. Балучистанские власти прислали на подмогу своих людей. Операция началась на окраине города рано утром, перед самым восходом солнца. Террористы укрывались в небольшом квартале или селении. Принцип неожиданности сработал, и оплот диких исламистов был разгромлен, а местные жители квартала уничтожены как потенциально опасные элементы. Стандартная зачистка... если бы не одно «но»... По обыкновению, перед уходом я отдал приказ группе проверить территорию. В одном из домов, куда я зашёл, лежали изуродованные взрывом тела мужчины, женщины и двоих детей лет пяти-шести. Изучая комнаты, я наткнулся на подозрительную металлическую петлю в полу. Я подозвал троих солдат, и мы вместе открыли люк, ведущий в подвал. Не желая цацкаться с его неизвестным содержимым, мы бросили в него гранату. Прогремел взрыв. Как только он затих, я услышал автоматную очередь прямо у меня за спиной и кинулся в укрытие. Двое наших были убиты, один — ранен. Стрелявший прятался в смежной комнате. В короткой перестрелке я попал ему в грудь, он упал и больше не двигался. Я всадил в него ещё немного свинца, так, на всякий случай. На этот момент раненый солдат был уже без признаков жизни. Я прошарил весь дом и никого не нашёл; связался по радиации с группой и начальством и доложил обстановку. И тут моё внимание привлекла деревянная шкатулка средних размеров, лежавшая раскрытой на окровавленном половике. На крышке шкатулки был вырезан солнцеворот калашей, — религиозный символ вымершего языческого горного народа, который жил до 30-х годов 21-го века на границе Афганистана и Пакистана. Но не это озадачило меня. Я поднял защитное стекло шлема, отключив на нём видеотрансляцию, и подошёл ближе. Взял вещицу в руки: ритуальный узор был окружён крупной янтарной крошкой, покрытой лаком! Откуда здесь, в богом заброшенном азиатском пригороде столь редкий и дорогой камень, большая часть которого добывается на Балтике и реализуется на чёрном рынке? Калашаи и янтарь... Несвязные понятия. Но это было ещё не всё. В шкатулке лежали пропагандистские книжонки шиитов на урду и какие-то записи на бумажных клеточных листах. Развернув их и выйдя на свет разбитого окна, я прочитал написанное от руки по-русски:

«Чем больше начинаешь узнавать обо всём этом, тем больше противоречий обнаруживаешь вокруг себя. Несмотря ни на что, помни: на самом деле противоречий не существует. Всякое противоречие является следствием ограничения и деления. Мироздание не ведаёт ни границ, ни противоположностей. Узость нашего разума не способна видеть это единство, сотканное из единств различных уровней. Противоречие существует только в нашем сознании. Уяснив это, нужно стараться воспринимать Вселенную как всеобъемлющую общность и великую цельность всего сущего».

Необычная находка возбудила во мне щекотное любопытство. Только я успел спрятать бумажки в карман военной формы, как подоспели мои сослуживцы...

Закончив операцию, наш отряд вернулся домой. Почти сразу после приезда я получил нагоняй от командования за то, что всего на минуту выключил видеотрансляцию со своего шлема. Но отвертелся. Я у начальства на хорошем счету.

Уже дома, уставший, как собака Баскервилей, я отправился отмокать в ванне. Оставшись наедине с самим собой, я прокручивал в памяти последнюю военную операцию, пытался связать калашей и янтарь, шиитский фанатизм и русскую философскую нудятину... В конце концов, я пришёл к выводу, что у меня на руках всего четыре элемента огромной мозаики, состоящей из миллиона таких же составных частей, которые вне зоны моей досяга-

емости. Засыпал я тоже с трудом, хотя вроде хотел спать; долго лежал с закрытыми глазами, что-то себе представлял, думал о Саре: как она там, на родине, без меня... Где-то глубоко внутри меня что-то чесалось, и всякие усилия почесать это что-то мысленными поисками приносили смешанные ощущения: не то боль, не то удовольствие. Я снова и снова вспоминал про русские записи. Своей пятой точкой я почувствовал, что ступил на опасный путь одним только фактом сокрытия от начальства возможного сотрудничества русских экстремистов с шиитскими боевиками. Рискую попасть в немилость Большого Брата. А Его зоркость, мудрость и справедливость не имеет границ. «Во что я ввязался?!» – думал я, но каждый раз успокаивал себя, что ничего страшного не случится, никому в голову не придёт идея подозревать меня в чём-либо нечистом, поэтому чего мне бояться? Обыска?.. Просто прочитаю и уничтожу, – решил я.

И вот прошли две недели. Сегодня, воспользовавшись свободным временем, я достал русские записи из потайного места и попытался расположить их в хронологическом порядке. Ну, и что мы имеем... судя по первым абзацам, эти записи – не что иное, как письма женщины или девушки, адресованные отцу. Письма без конвертов, без указания года их написания. Я бы датировал их концом 20 – началом 21 века. Стиль текста немного необычен – с буквами, не свойственными для русского языка. Вероятно, это один из региональных диалектов. Наверно, так писали в Приднестровской республике, там вроде бы русский язык был в статусе государственного. Или так писали в Северной Осетии? Ладно, не важно... Пришью двумя скобами одно из писем и проанализирую. Хоть и гойская эта писанина, но интригует... Никогда не читал ничего подобного:

*«14 марта 16:31
г. Царская Горка*

Нет ничего невозможного. Ограничения, которые мы сознаём, являются лишь доказательством узости человеческого разума. Но если принять внутри себя мысль о том, что всё возможно, и всё невозможное реально здесь и сейчас, и всегда, и всюду, – то начинаешь понимать, как ленива человеческая сущность, которая отказывается от истины просто потому, что не желает брать на себя ответственность за содеянное ею по ходу жизни. Этот страх ответственности за каждое прожитое мгновение, за игнорирование Истины, за нарушение законов естества – всё это приводит человечество к глобальному положению дел на Земле, которое мы зовём цивилизацией. За каждой её пёстрой вывеской, за каждым сладостным словом и взглядом её передовых участников скрыт животный страх, который в итоге становится рассадником других низких чувств и поступков. А почему низких? Да потому что частота колебания таких энергий низка и разрушительна для тех, кто попадает в радиус её действия.

Человек в большинстве случаев отказывается принимать мир таким, какой он есть, боится воспринимать мир, отменяя все рамки и категории сравнения, – ибо они, а не реальная картина вещей, – жизненные ориентиры человека. Дробление Истины на примитивные составляющие необходимо, чтобы переосмыслить её мельчайшие молекулы тремя-четырьмя процентами рабочей зоны головного мозга...

Никто не видел Истину, не касался её и не может описать её даже самыми приблизительными эпитетами. Но каждый из нас верит в неё где-то в глубине души, молится ей в самые суровые и опасные моменты жизни и получает от неё поддержку, как бы случайно, или же подсказку, подарок «Судьбы»; и всё это мы, по невежеству своему, зовём совпадениями и стараемся скорее забыть вместе со связями событий, которые могли привести к этим «совпадениям».

Я была слишком маленькой, чтобы понять всё это тогда, когда ты был моим учителем жизни. Но теперь, спустя много лет, я благодарю тебя за то, что ты не жалел меня, и уроки твои были порой слишком суровы для девочки 6—9 лет. Я не знаю, где ты сейчас и что с тобой, но я верю: там, где меня нет, ты однажды увидишь моё письмо во сне, прочтёшь его, и на душе станет теплее. Конечно, ты не любишь трогательных откровений и плаксивых интонаций, поэтому и наш письменной разговор я постараюсь выдерживать в строгой форме. Но всё-таки знай, что ты единственный светоч в моей жизни, на который я иду, как на луч маяка в мёртвой темноте безнадёжности самоубийственного человечества. Знай, что я очень скучаю по тебе.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Всё-таки решил в своём дневнике не записывать даты. Зачем они нужны? Я ни перед кем не отчитываюсь. Мне плевать, какое сегодня число. Today я позволил себе немного кошерного винца. Сегодня можно. Сегодня я был на похоронах друга. Не то, чтоб лучшего... Страшная смерть! От рук собственной жены! Но ничего, скоро будет суд; скорее всего, приговорят к смерти. Я говорил ему: славянки – самые опасные из гойских женщин! Я предупреждал! Глупый, наивный сефард! Приютил в своём доме убийцу!

Дожили – в собственном доме покоя нет! Прав Священный Талмуд!..

Ну, ладно уже... разошёлся... спокойно... спокойно... Вроде отпустило...

Мир... да, он меняется... мы меняем его так, как нам надо. Великий народ! Народ величайших умов! Чего стоят один только Ахад Хам или Эйнштейн, Фрейд, Мессинг! Вот на кого надо равняться! Но через что нужно пройти, чтобы достичь их уровня просветления! Надо постоянно работать над собой! Над своим сознанием! Над твёрдостью убеждений! В чём эти письма мне и помогут! Прочту их и останусь при своём мнении. Это, конечно, ничтожное испытание, скорее, разминка. Ну что ж... Продолжим чтение:

«21 марта 17:00

г. Царская Горка

Каждый из нас являет собой штрих к портрету определённой эпохи. Манеры нашего времени мы принимаем за норму, за образец правильного мышления и поведения. Мы – хранители и распространители неосязаемых потоков информации, циркулирующих в определённом промежутке времени и пространства. Мысленные токи приходят во взаимодействие с уплотнённой энергией, называемой словом «материя».

Мысли, высказанные и осевшие в материи много лет или даже веков назад, прозвучавшие, явленные миру через какое-то время, приобретают свою раритетную ценность в эпоху новой обыденности, новых жизненных ценностей. Распространяя и пронизываясь старыми идеями или же упоминаниями о былых событиях, мы оживляем их, даём новую жизнь в виде вихревых потоков чувств и событийных нитей, накладывая их на информационное поле настоящего момента...

Тому, что я пишу и буду писать тебе, не учат в школе, не преподают в университетах, не рассказывают по телевизору. Мы живём в эру сочинённой и канонизированной истории, глобального автоматизированного зомбирования и облапошивания людей, принесения их в жертву богам человеческой жестокости. Одна эпоха сменяет другую; деньги, как бумажное золото, перетекают из одних карманов – в другие; сменяются декорации всемирного спектакля, скорость смены актёров и всего крупномасштабного театрального

представления. И только одно остаётся: его режиссёры и постановщики, реальные хозяева бумажного золота, которое никогда не покидает их владений. И глядя на всю глобальность этого чудовищного обмана, обмана миллиардов людей, людей всех рас, народов и классов... Поражаешься, как глубинные знания о мире и человеке смогли привести к власти, – настоящей власти, – беспощадных и подлых людей. Или они и не люди вовсе... В этом вопросе я колеблюсь.

Как и всякий на земле, я – человек своей эпохи. Признаю, по степени маразма она вряд ли отличается от предыдущих. Ведь мы помним поговорку: «Хорошо там, где нас нет». Но я своё время хвалить не буду. Его похвалят за меня коллеги и современники. Им за это выдадут премии, награды, одарят пожизненной и посмертной славой. За то, что они своими бестолковыми фантазиями морочили людям головы и заставляли верить в то, чего не существовало. Корпорация иллюзий щедро награждает своих трудолюбивых авторов за умение убедительно продвигать в общество желаемые элитой идеи.

Когда я была маленькой, я ничего этого не понимала. Мой мир начинался с посёлка, откуда вышла моя родня, и заканчивался где-то за гаражами моего двора, за которые каждый вечер заходило солнце. Степенность жизни ассоциировалась с бесконечно тянущейся за горизонт полоской железной дороги, по которой мы с тобой часто ходили к матери на работу. Моей радостью была тёплая летняя зелень, окутывавшая наши дворы, и радостные крики сверстников, увлечённых командной игрой. Однако в душе, где-то глубоко-глубоко, словно впитанная с грудным молоком, жила во мне скорбь и злость за всех обиженных в мире. Это скользкое, тягучее чувство жажды мести за несправедливость, с которой кучка прохиндеев обокрала мою Родину и довела мой маленький мир до убогости и нищеты. Мне кажется, что будучи ещё в утробе матери, я чувствовала все веяния того времени, исполненного хитрейших мистификаций и мошеннических комбинаций, спрутом опутавших моё Отечество. Пока я игралась в песочнице и беззаботно носилась по двору с соседскими детьми, уничтожалось былое могущество моей страны, всё то, чем я всегда хотела гордиться. У моего мира отбирали последнюю надежду на завтра. Круг сжимался. То были годы разрухи и беспредела. До сих пор в памяти ужас, с которым мы, дружелюбные и открытые сердцем дети, прятались от молодых парней, одетых в стиле «рипк» и избивавших всякого, кто попадался у них на пути. Это были войны улиц: стенка на стенку, район на район...

А потом грянул дефолт. Деньги превратились в мусор; тогда и рассеялся мираж их материальной ценности, обнажив истинную суть. Рубль обесценился настолько, что мне приходилось покупать самую дешёвую детскую жвачку за две тысячи рублей. Почему так произошло? что стало с народной валютой? куда исчезли миллиарды потом и кровью заработанных коммунистической Россией денег? – эти вопросы тогда меня мало волновали. Но я всегда чувствовала и знала, что нас всех обвели вокруг пальца, с нашим же участием сменив власть и разграбив богатства страны. Не случайно в те времена по телевизору показывали комедийную передачу «Деревня дураков», ставшую видео-карикатурой на всю Россию.

На фоне всего этого шла война на самом конце российского мира, где по неведомым мне причинам соотечественники безжалостно убивали друг друга; то и дело на выпуклом экране нашего советского телевизора взрывались бомбы, стреляли танки, пушки и автоматы, бородатые мужчины отрезали пальцы и головы русским парням в военной форме... И только и было слышно из уст ведущих новостных телепередач: «Чечня», «Грозный», «война», «боевики»... В те годы, классе во втором, я начала писать стихи. Первое произведение было патристическим и называлось «Москва». Уже тогда я знала, что документирование действительности будет делом моей жизни.

А тогда перед нами разворачивалась трагедия, большая похожая на проигрыш в мировой войне. Пала громадная крепость, защищавшая русских и не только русских людей от финансовых стервятников из-за бугра, и каждый человек, имевший отношение к Советскому Союзу, воспринял это огромное горе как личную драму, как смерть самого близкого человека. Люди, посвящённые в реальное положение дел, оплакивали крушение мощнейшей империи, иные же, легкомысленные, доверчивые и неопытные, живой стеной шли защищать тех, которые, разбрасываясь обещаниями налево и направо, входили в стены Кремля и учебники истории как освободители порабождённых народов. Однако, какими бы репрессиями и пороками не сопровождалась коммунистическая эра в России, большинство россиян с плохо скрываемой паникой ожидало времён ещё более тяжёлых. И этот период в жизни страны, ознаменованный разбившимися надеждами моих соотечественников, их моральной усталостью и страхом перед неизвестностью завтрашнего дня, стал отправной точкой моей осознанной жизни и творчества, зачатки которого вышли из боли за родную землю и хроническую несправедливость мира. Одновременно с этим, ты учил меня быть несломимой по жизни, хотя сам очень часто грустил вместе со всеми, кто понимал, что происходило на самом деле; эта, по большей части, скорбь лилась тогда с экрана каждого кинескопного телевизора, из уст каждого плёночного магнитофона струилась она то похоронным маршем, то раскатами протестного движения, то откровенно пошлой безвкусицей. Пример того, как поступают хозяева мира с неудобными, не раз был продемонстрирован в те годы. На равных «убирали» воров в законе и бесстрашных интеллигентов, политиков, военных, работников культуры и искусства... На наших глазах, практически не скрывая своих преступлений, мировая элита учинила в стране анархию и массовый грабёж. Тогда по научению американских «консультантов», аналогичных тем, что преподают в «Мон Пелегрин», нашими же политиками был принят закон, по которому все полезные ископаемые, добытые из недр российской земли-матушки и поднятые на поверхность, автоматически становились собственностью мирового правительства. Говорят, несколько лет спустя этот закон был отменён. Но то ли ещё будет... Теперь же видятся мне те годы не более чем подготовкой к этапу окончательного, бесповоротного завоевания и дробления России.

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

Я понял. Это письма российской девушки. Хоть по ним и трудно определить её национальность, но когда я читаю, мне видится девушка разумная. Вполне возможно, что она еврейка. Скорее всего. И возможно, что она тоже ашкенази. Я, конечно, погорячился, когда решил, что автор этих писем однозначно русский человек. Многие народы в то время говорили по-русски. Россия была в то время многонациональной страной; была в ней и наша, еврейская область! Политика, философия... Она знает про «Монт Пелегрин»... Не. Это определённо еврейка.

Стоп!.. Почему письма оказались у шиитов? Хм... Ну, это можно объяснить разными причинами... Например... Когда она сидела в международном аэропорту, какой-нибудь панджабец незаметно украл у неё эти письма из папки и увёз к себе в тогда ещё единый Пакистан. Там никто всё равно ничего не понял из этих текстов, их отложили и забыли. А потом, много лет спустя, под ними решили спрятать пропагандистскую литературу, которую хранили в шкатулке... Да и мало ли какая причина могла заставить эти письма сделать ноги и очутиться в Балучистане... Так что читаем дальше:

«1 мая 17:47

г. Царская Горка

Национальная принадлежность никогда не была для меня определяющей сущность человека. Цвет кожи, волос, глаз, рост, фигура, сила – всё это подобно различным формам и узорам сосуда. Только система понимания мира создаёт наши поведение и манеру мышления и рождается под воздействием окружающей информации, ибо, впитывая события и внешнюю эмоциональную окраску каждой клеточкой своего существования, мы приспособляемся к этой энергетической среде так же, как зверь приспособливает свой организм к изменениям климата.

Вечное сопротивление людей друг другу – это прежде всего, сопротивление наполняющих разум идеологий, сформированных переосмыслением личного жизненного опыта и внушённых знаний. В этой бесконечной борьбе мировоззрений люди – всего лишь «материальные» вместилища идей. Именно поэтому я сторонник интеллектуальной, а не физической борьбы.

Духовное наполнение человека приносит огромные изменения не только во внешнюю среду, но и во внутреннюю структуру молекул самого тела. Мысленное поле является одним из видов энергии. И если увеличить масштаб обзора и увидеть, что материя – это уплотнённая энергия, то можно понять процессы её общения с энергией мысли, осознать, что мысль как энергия образов, влияет на работу всех клеток. Мысли, заряженные положительно, более того, если они имеют примеси активного намерения и пожелания добра, станут полезными как для их создателя, так и для окружающих. И наоборот.

Это правило касается не только силы мысли, но и силы других невидимых энергий человека, которых, как утверждает древняя мудрость, помимо мыслительной, ещё пять; они, как и любые природные системы, взаимозависимы и взаимовключены друг в друга. Изменения в одной духовной оболочке неминуемо повлечёт за собой перемены в других. Многие из этих облаков энергии являются мыслями, душами и волновым проявлением деятельности клеток нашего организма; другие, как я понимаю, действуют на более глубоких началах и упорядочивают работу частиц, управляя, таким образом, всеми процессами в теле человека, связывая его с другими системами вселенной.

Я помню тебя почти всегда умиротворённым, практически без эмоций. Улыбка редко касалась губ. Это кажущееся спокойствие скрывалось за грустью твоих голубых глаз. Мне всегда казалось, что ты более всех остальных всерьёз воспринимал происходящее, пуще других задумывался над всем, что творилось вокруг; в минуты горестных раздумий ты крепко сжимал тонкие губы, хмурился... И на земле было всего несколько человек, которые могли бы понять причину твоих напряжённых раздумий. В конце концов, все твои переживания, уплотнившись в теле, превратились в комок болезней, от которых могла спасти только озарённая духовным светом, известная в народе Живая вода.

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

Сегодня большой праздник в моей стране... Раньше, лет 20—30 назад, её по старой привычке называли Соединёнными Штатами Америки. Теперь это Северо-американский Союз. Теперь это монолит, мощь! Надежда и главная опора Большого Брата! Блеститель мирового порядка! Защитник прав и свобод лучшей расы человечества! Я рождён и воспитан лучшей в мире системой образования для того, чтобы служить Новому Мировому Порядку в период всемирного ожидания прихода Всемогущего Мессии, который откроет эру абсолютного властвования тринадцати колен Израилевых над всеми народами мира.

Вчера был на задании. На этот раз на Ближнем Востоке. Кромсали радикальных исламистов. Саудиты сильны. Мы тесно работаем с ними. Они готовы порвать каждого, кто хоть слово пикнет против их религии. Арабы – наши союзники, но пока, до поры до времени... Пусть не обольщаются. Есть золотое правило в политике: дружи с врагом, если это необходимо для достижения собственных задач. Я уверен, придёт день, когда для мусульмов протрубит погибельный рог так же громко, как он трубил для шиитских еретиков. Ислам сейчас крепок как никогда, да и то лишь потому, что мы дали ему эту силу. А мы просто так ничего не даём. Никогда. У нас в руках поводья и хлысты. Арабы – наши ослы, они работают на нас и наше благополучие.

Теперь что касается писем. Читал... Какая «прелесть»... Пакостная вещь, конечно... Духовное обновление, духовные оболочки, духовное стремление... Бла, бла, бла... Кто её всему этому научил? Не еврейская школа, явно... Кто она такая, черт возьми?! Что за идиотизм? Меня уже начинает тошнить на первых строках её писем. Что это? Бездарная пародия на индуизм? На байки Дэвида Айка? На китайское целительство? Да пусть она даже еврейка, пусть она даже самых чистых сефардских кровей, я не постесняюсь обложить её самым грязным и позорным матом, какой только имею в своём лексиконе. Какого хрена?? Я не могу читать этот гойский бред!

Спокойно! Я дал себе слово. Я его сдержу:

«2 мая 19:29

г. Царская Горка

Вывод это всегда только толкование. Даже то, что я пишу, есть ничто иное как видоизменённая, искривлённая истина, потому что она создана ограниченным человеческим разумом. Истина же, как таковая, не может быть в полной мере осознана, произнесена, услышана или написана. Поэтому «всё то, что речи не подвластно, не пробуй слову приручить». Мы являемся крупницами бесконечности, но нам никогда не вместить её в рамки нашего сознания. Люди мыслят категориями, расчленяя Истину на более мелкие составные части, удобоваримые их скудоумием. Чтобы обхватить эту систему взглядом разума, нужно подняться над нею. Этот способ познания хорош на начальном этапе понимания мироздания. Поднимаясь всё выше и выше, в конце концов, приходишь к выводу, что невозможно подняться над тем, что не имеет ни верха, ни низа, ни какого-либо края.

Отбросим абстракции, и поговорим о том, что создано человеком, а потому чисто формально и во всём ограничено. Поговорим о Системе современного общества. Писать её должно с большой буквы, ведь она по праву заслужила такое написание, потому как, без преувеличения, является Режимом жизни всего человечества. Как бы мы к ней не относились, как бы она не относилась к нам. Система была, есть и будет... есть. Будет есть нас, каждого из нас. Постепенно и беспощадно...

Эта Система имеет сложнейшую структуру, ветвится, множится на тысячи мелких подобий в разных сферах человеческой деятельности. Есть в Ней администраторы, есть смотрители, координаторы, менеджеры, распорядители... Каждый занимает отдельную нишу, отвечает за свою вотчину, получая заслуженную выгоду. Таких людей можно выделить в группы по роду занятий: одни определяют цели, другие задают тон работы более низких звеньев, третьи разрабатывают методы выполнения поставленных задач, четвёртые работают на местах, следя за обстановкой в народе и передавая отчёты «верхам»...

Система, о которой идёт речь, это глобальная корпорация лжи, махинаций и самоистребления, перемалывающая всех, кто посмеет встать между её жерновами и потребовать останков этого процесса, который, кажется, уже не в силах остановить даже

тем, кто его запустил; теперь вся критическая масса изменений, причинённых природе и человеческому обществу, катится вниз, как снежный ком, по инерции, и никто не знает, как предотвратить приход надвигающейся катастрофы; действительно, страшно даже представить себе её масштабы. Да, возможно, мы протянем ещё не одну сотню лет, но во что превратится наш мир, и каким станет простой человек?

Система выращивает в своих зомбарiums овощелюдей, живущих настоящим моментом и плюющих на прошлое и будущее своей Родины и мира в целом. Это делается для того, чтобы превратить толпы людей в двуногие стада, которые по одному только зову очередного авторитетного лжепророка последовали бы за ним хоть в самую преисподнюю. За годы или даже века работы Система накопила колоссальный опыт в искусстве манипулирования людскими массами и продолжает накапливать свои знания в этой области. Как и столетия назад, тот, кто не подвержен управлению и внаглую разоблачает планы мировой элиты, становится злейшим врагом государства, личностью, «опасной для общества». Этого человека объявляют сумасшедшим, юродивым, фанатиком, провокатором или, на худой конец, – вражеским агентом. Конечно, ты не поднимал за собой революционное движение и не свергал правительства, но если бы имел чуть больше хитрости и самоуверенности, то мог бы стать одним из таких людей. Несколько лет назад я начала осознавать в полной мере, чему ты в действительности учил меня и чему наставлял... Знай: твои уроки дали чудесные всходы.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Я видел чудовищный сон! Настолько реалистичный, настолько чёткий! Это не было простым ночным кошмаром! Я весь в мокром поту. Сердце колотится, как бешеное! Сон... улетучивается...

Какая-то старомодная квартира... Небольшой коридор... Я прохожу на кухню, за столом сидит девушка. Я знаю, это она! Славянка или смешанная ашкенази: русые волосы, светлый взгляд, худенькая, лет 18... Она пишет что-то на бумажных листах пером, который макает в бутылочку с чернилами. На столе лежит всякое съестное в тонких целлофановых пакетах и цветных пачках, но я не узнаю в них современных брендов... «Поставь, пожалуйста, чай», – она поднимает на меня спокойный, немного усталый взгляд. Всё происходит так, как будто мы знакомы тысячу лет; как будто она меня помнит, и я её помнить должен. Ставлю чайник на старинную газовую плиту и включаю под ним огонь так, как будто каждый день это делаю. Сажусь рядом. Она старательно выводит буквы на бумаге. Я спрашиваю: «Почему ты так пишешь?», – имея ввиду нерусские буквы в её письме. «Потому что так правильно, так писали до Ленина», – отвечает она, не поднимая на меня глаз. «Хм... О чём ты пишешь?», – спрашиваю. «Хочешь покажу?», – смотрит она мне в глаза, мягко улыбаясь. «Покажи», – на этих словах я случайно сталкиваю пузырёк с чернилами себе на штаны, они разливаются на брюки. «Иди в ванную... Брось в корзину, я постираю», – она укоризненно качает головой. Я ухожу в душевую комнату, набираю воду в ванну. Раздеваюсь догола, сажусь в воду... А она становится красноватой прямо у меня на глазах! Вода краснеет, соприкасаясь с моим телом! Я поднимаю руки из воды: капли воды краснея превращаются в кровь. Я спускаю всю воду из ванной и моюсь с распылителя: совершенно чистая вода, стекая с тела, становится кровью под моими ногами. Тогда я вылезаю из ванны, начинаю вытираться полотенцем, потом его разворачиваю – оно всё в крови! Тело – целое, а кровь идёт! Я оделся, открыл дверь из душевой комнаты. Вышел и очутился на улице, точнее, на поле. Обернулся назад: оказывается, я выходил из двери старинного автобуса. Из него следом за мной выхо-

дили люди. Я оглянулся: кругом поле, усеянное деревянными крестами, гранитными могильными плитами и пёстрыми похоронными венками. Подъехал грузовик с открытым кузовом; достали гроб, открыли его. Я подошёл ближе и увидел в нём худощавого мужчину, одетого в старый смокинг. Руки, скрещенные на груди, были связаны белой повязкой; глаза закрыты. Люди со скорбными лицами и редкими репликами окружили гроб на расстоянии полуметра. Перед гробом стояли две девочки и тучная женщина, – все с чёрными повязками на головах. Девочки были немного похожи друг на друга; старшая успокаивала младшую, потому что та плакала сильнее всех, её глаз я почти не видел: она часто закрывала ладонями своё заплаканное личико. Женщина тоже плакала. Она и младшая девочка, которая, скорее всего, была её дочерью или внучкой, – плакали навзрыд, захлёбываясь от горя. В воздухе висела убийственная атмосфера. Во мне проснулась жалость, о существовании у себя которой до этого я мог только догадываться. И тоже заплакал. Мне стало так плохо, так паршиво, так невыносимо жалко, как будто я теряю самого дорогого, самого родного и горячо любимого человека. В пелене слёз всё вокруг начало сливаться в беспорядочную кашу красок. Я громко и тяжело зарыдал. Горе сдавливало горло, и мне стало тяжело дышать. Через мгновение я начал не то захлёбываться слезами, не то задыхаться от нехватки воздуха... Я думал, что всё, – умираю...

...И проснулся. В холодном поту. В ознобе. Выпил лекарство от простуды и снова лёг. «Завтра рано вставать, надо выспаться», – я заставлял себя спать, но волнение не давало покоя. Когда я заснул, в голову полезли ещё более страшные вещи...

Какой-то североамериканский город. Между плоскими крышами высоких небоскрёбов растянута седое одеяло туч. Меня окружают знакомые магазинные витрины, вывески, – вроде бы я здесь уже бывал. И вот я, похоже, заблудился. Шагаю по улице и не знаю, куда иду, оглядываюсь по сторонам: по дорогам шныряет транспорт, пешеходная зона забита спешащими прохожими, по-зимнему одетыми. И вдруг в одном из них я узнаю ту самую девушку, с которой разговаривал в прошлом сне; она равнодушно проходит мимо меня и исчезает в толпе. Я бегу за ней, расталкиваю людей, задираю голову и смотрю поверх голов, но её не обнаруживаю. Пошёл снег, крупными белыми хлопьями оседая на город. Я запрокинул голову к небу, и снег начал падать на лицо, превращаясь в капли воды. Понимая, что это всего лишь сон, я закрыл глаза и мысленно приказал себе проснуться... Опустил голову, вытер глаза, и...

– На вас праха не напасёшься! – закричал грубый мужской голос.

В лицо ударил холодный солёный ветер. Я открыл глаза, просыпаясь, и увидел перед собой пёстрое море, океан людей, тянущийся до самого горизонта. Все они, замороженные или ослеплённые светом холодного солнца, сияющего в зените, рвались к пирамиде, толкая друг друга локтями, вступая в рукопашные схватки. Я стоял на ступени этой невообразимо колоссальной, настолько гигантской пирамиды, что пирамида Хеопса и даже самые большие пирамиды Китая и Южной Америки не идут ни в какое сравнение с ней. Она поднималась высоко-высоко, вершиной своей теряясь в занавесях чёрных облаков. Я поднял глаза к небу и понял, что солнцем служит светящийся глаз, рептильный глаз, очертания которого были еле различимы в короне ярчайшего, но совершенно не греющего света. Он то и дело выглядывал из-за чёрных облаков, которые стремительно ползли по бордовому небу.

– Вы уснули там?! – раздался раздражённый крик снизу. У подножия пирамиды кипела работа: мужчины вывозили из больших печей белую золу, грузили в корзины и поднимали специальным подъёмным деревянным устройством на верхние ступени. Я и мой сослуживец Аарон должны были проталкивать очередную корзину с золой наверх. Я взглянул на него: он выглядел как никогда плохо: потный, вымотанный и морально подавленный. Корзина над нашими головами покачнулась: то ли я делал что-то неправильно, то ли мой сослуживец, – корзина накренилась, и её содержимое посыпалось прямо в глаза.

Сквозь жгучие острые боли в глазах, сквозь эту пелену золы, виделись мне угар ночных клубов, смеющиеся девушки, пьянки, драки, раскаты бомб и детские слёзы; я слышал чей-то ядовитый мат и шипящие, захлёбывающиеся в торопливом разговоре новостные реплики.

– Какого чёрта!!! – доносился рёв снизу, – Тридцать третья ступень!!!

– Собирай, быстрее! – я протёр глаза и увидел Аарона, торопливо собирающего руками с пола горсть за горстью рассыпанный пепел, – Не стой! Помоги!

Я бросился на колени собирать золу обратно в корзину, висевшую над нами. Скоро она продолжила свой путь на следующие ступени пирамиды.

– Где мы? Что происходит? – я в ужасе кинулся к нему с вопросом, как снизу подоспела новая партия золы.

– Это твой мир, Мануэль! Мой мир! Наш мир!

– Как?! Это невозможно!

– Никогда не путай видения с реальностью! Учись отделять иллюзию от истины! – он посмотрел на меня усталыми глазами, в которых я прочёл тоску и обречённость.

Я вопросительно посмотрел на него, захлёбываясь от удивления.

– Как?! Ведь то, что я видел... Вся жизнь... От рождения до этого момента!..

– Ничего этого не было, нет и быть не может. Всё – сон. Ты просто рассыпал золу...

Его слова врезались в сознание, как клещи. Он настолько серьёзно сказал это, что я поверил ему, поверил! Мой внутренний голос говорил мне, что Аарон прав. И я почти смирился...

– Но если моя жизнь была всего лишь видением, тогда что это? Кто эти люди? Кто эти рабочие? Что это за солнце, которое не даёт тепла и радости?

– Много веков избранная раса возводит всемирный храм Света, который по окончании строительства станет лестницей к Богу, который дал нам право быть хозяевами мира и пользоваться всеми его богатствами себе во благо. Он дал нам великое Знание и генетический код превосходства над остальными, посвятил нас в тайну изготовления философского камня. Для строительства этой пирамиды мы используем человеческий пепел, слёзы, другие ингредиенты и, таким образом, получаем бетонный состав с особыми свойствами, который высыхает и превращается в камень, не подверженный воздействию времени. Ты видел, как людишкам не терпится попасть в наши печи?! – он кивнул в сторону печей.

Я опустил вниз глаза и поразился, насколько свирепо сражается внизу толпа за право первым пройти в печи, дым из труб которых поднимался до самых небес, превращаясь в чёрные облака.

– Они – наш расходный материал. Они рождаются и живут для того, чтобы стать частью нашего вселенского замысла...

– Брат! Руку!.. – слышится вопль сверху; ещё мгновение, и человек срывается и падает с мягким звуком удара на нижние ступени, скатываясь с них и падая всё ниже и ниже. В конце концов, его подбирают, спускают к подножию пирамиды и предают огню печей.

– Большой Брат не прощает ошибок! – укоризненно комментирует Аарон, – Так что... смотри, не оступишься!

На этих словах мне становится страшно, очень страшно. Я кричу внутри себя: я не хочу так жить! Верните меня в мою иллюзию! Лучше сладкая ложь, чем такая правда! Кто-нибудь, верните меня! Мама! Забери меня! Я мысленно сжимаю виски, мысленно молюсь, причитаю, но на самом деле продолжаю стоять неподвижно, иступлённо глядя на Аарона. Я подхожу к самому краю бетонной ступени и расправляю руки, словно крылья. Делаю шаг вперёд...

– Ману! – кричит за спиной Аарон.

– Тш-ш-ш! – голос совсем рядом, под самым ухом. Что-то холодное и мокрое ложится на лоб. Тёплая рука гладит волосы и щёки. – Не читай больше моих писем на ночь... Береги

нервы... Они не тебе предназначались... Но раз уж так случилось, значит, так, видимо, должно быть...

Я открываю глаза, и вижу её – девушку из сна. Я дома, в своей комнате. Трудно поверить, но теперь это точно явь! Женский силуэт сидит на моей кровати, тёплая рука касается моего лица...

– Не оставляй меня! Мне страшно! – шевелятся мои губы, а мысли удивляются этим словам.

– Я всегда рядом... – нежно улыбается она, – Теперь здесь – мой дом.

– Кто ты? Скажи мне, наконец! – я задаю ей вопрос, который терзает меня с самого начала знакомства с этими загадочными письмами.

– Не дели то, что изначально едино, – тихо говорит она, – Мы достигаемы друг другу, потому что – одно целое.

– Ты не ответила на вопрос, – я хотел было подняться на локтях.

– Ты сам ответишь на все вопросы, – она встала с кровати.

Я открыл глаза и проснулся. Девушка исчезла... Поднялся на локтях, сел... Вокруг та же обстановка, один в один: всё на тех же местах, тот же запах, те же светотени. Слабый утренний свет проникает в комнату через занавешенное окно.

Я совсем один. От холодной мокрой тряпки на лбу – вода, а тряпки нет... Хотя... Какая там вода, какая тряпка... Пот, самый обычный пот...

«14 мая 19:48

г. Царская Горка

Этот месяц выдался дождливым. Вымокшие парки вздрагивают своей молодой листвой, в мокром шелесте которой так нежно и радостно щебечут птицы. Этот вечер напоминает мне наши с тобой поздние прогулки, когда солнце, раскаляя край неба на западе, опаливало рваные облака и бросало золотые лучи на твоё красивое лицо... Ты учил не полагаться на вес авторитетного мнения, кем бы оно не было высказано. Повинуясь совету, я не ищу кумиров. Однако, есть человек, который создал меня духовно и физически, указал мне жизненный путь, и я не могу найти в себе силы изменить к нему своё благоговейное отношение. Ты для меня больше, чем просто отец... Ты духовный учитель, луч, освещающий путь. И какими могущественными не были бы наши враги, они не смогут отобрать тебя у меня. Ты во мне, ты течёшь в моих жилах, будишь каждое утро и задаёшь цель для нового дня, наполняя разум и сердце идеями, надеждами, мечтами. Ты сделал больше, чем просто воспитал меня...

Я не знаю, где ты сейчас... Но я верю, что твои дела обстоят намного лучше моих. И я верю: когда я испытываю какие-нибудь жизненные трудности, ты молишься за меня и посылаешь мысленные потоки добра и удачи. Думается, обо мне больше некому молиться.

Пасмурная погода каждый раз навевает мне воспоминания о девяностых годах прошлого века, годах моего детства, времени, пропитанном сыростью, пылью и унынием... Каждый раз в памяти всплывают обшарпанные заборы, сопливые, размалёванные надписями серые переулки, и ощущается, как тогда, дыхание призрака сожжённого на костре истории российского коммунизма. Кое-где: на старых военных памятниках или гербах давно некрашеных фасадов, – ещё можно видеть символы Советского Союза, точно иконы трагически павшей религии. Один крупномасштабный миф сменяется другим. На лживую картину прожитых событий наносятся новые штрихи, ещё более искажающие то, что происходило на самом деле. Так пишется всякая история, и надо приложить колоссальные усилия и беспристрастность исследований, чтобы вскрыть все наслоения, спрятавшие от нас ушедшую в небытие реальность. Соблюдая логическую последовательность

в создании реалистичной и близкой к Истине картины мира, мы должны воздать славу достойным и учесть прошлые потери и ошибки для того, чтобы человечество их более не повторяло. История должна учить и наставлять, а не вводить в заблуждение. История должна избавлять нас от невежества и страданий, а не становится их причиной. Неверно истолкованная летописная фраза может быть использована подстрекателями в качестве информационного напалма в веке грядущем. Всякий политический режим пишет молодому поколению свою собственную версию истории; понимая это, я давно отошла от навязанных государством взглядов на историю. По вертлявости слова, которым учебники беседуют с идеологически неокрепшей недорослью, создаётся впечатление, что их писали такие же «акулы пера», какие орудуют в крупнейших политических партиях и медиа корпорациях. Молодёжь – вот за кого охотнее всего берутся политехнологи и уже с ними! Да, да! Чистые листы сознания, не познавшие всех трудностей жизни, доверчивые овцы, блеющие в поисках своего пастуха – вот их добыча! Прикрываясь бутафорскими лозунгами и обещаниями, крысолюди заманивают в своё логово наивных людей, натаскивают их на мифические цели и друг на друга, чтобы их душевная нищета и жизненная неопытность превратились в ярость, в поверхностные, гнилостные чувства злобы, зависти, тщеславия; вырастая, такие люди не наживают мудрости; не воспитавшие в себе чувства совести, они не способны критически мыслить и объективно анализировать; в их сердцах – всё та же пустота, пустота и животный страх, прикрытые надменностью! Именно на таких «шестёрках» и держится Система, – тюрьма, в которой жили наши предки, живём мы и, по-видимому, обречены жить наши потомки. Но поверь мне, рано или поздно настанет момент, когда Система, не видя более проку от своих пешек, безжалостно выбросит их на помойку цивилизации; Она избавится от всех, кто ещё вчера видел в Ней смысл жизни и потому отдал себя без остатка. О, наивность! Система никого не пожалеет. Подписав однажды договор с Дьяволом, смиришься с мыслью, что обратного пути нет. Есть такие люди... точнее, были, которые посмели прислушаться к шёпоту своей совести; по большей части, именно благодаря им теперь мы знаем многое, что долгое время надёжно скрывала Система за семью печатями, за десятью замками. Такие люди идут на смерть осознанно, – это последний шанс искупить вину за сотрудничество с Системой перед миллионами жертв и пострадавших.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

*«26 июня 19:54
г. Царская Горка*

Желание и намерение поистине творят чудеса, когда эти чувства тесно сплетены и чисты в своём проявлении. Важно избавиться от чувства страха за то, что твоё желание по каким-то причинам может не исполниться, и потому необходимо быть абсолютно уверенным в скором достижении цели. И тогда чудо произойдёт... Это называется магией мысли, магией слова и дела, когда мы усиливаем идею осязательными явлениями – действием и звуком. При этом мысль, как особая энергия, волна определённой частоты, не должна быть приглушена какими-либо звуками, произнесёнными внутренним голосом, – будь то словами или музыкой. Иначе результата не будет. При мысленном воздействии, то есть при создании в сознании нужного многомерного образа и действия, в пространство вбрасывается поток информационных пульсаций, которые изменяют состояние Вселенной на всех Её уровнях, начиная со всех бесконечно малых частиц, которых по сути и не существует (ибо это просто игра понятий) и заканчивая всеми планами бытия и небытия. Воплощаясь в качественно новую ипостась, наши помыслы и деяния по-прежнему продолжают под-

чиняться Закону всего сущего, влияя на всё, что происходит сейчас и будет происходить в будущем, поэтому человек должен пропитать всё существо своё осознанием того, что факт его существования, каждое его малейшее действие и даже случайная мысль строят реальность на всех уровнях согласно неписанному Законом Бытия.

Необходимо помнить, что мы состоим из несметного количества частиц, бесконечно малых и, в то же время, бесконечно великих, наполненных жизнью, а потому бурлящих мыслями, деяниями и речью, которые вносят свой непомерно огромный вклад в положение дел во Вселенной. А ведь именно благодаря им люди существуют и, творя деяния, создают настоящее, перетекающее в будущее через грядущее; таким образом, их невообразимо колоссальная сила влияния на мир составляет основу всякого существа человеческого: их сила есть сила наша. Во Вселенной не существует границ, всё есть всё. И мы, если взглянуть совсем глубоко, – есть не только частицы Истины, но мы и есть Истина. И даже ложь наша – часть Её, ибо ложь существует лишь в человеческом понимании. Ты только подумай: любая мысль, любое явление, проявленное каким бы то ни было способом, – уже часть Вселенной, часть Истины, а значит, является Ею самой.

Не измерить и не выразить мою благодарность тебе, отец. Жизнь – сложная наука, обучающая нас развиваться, обретать новое, воплощая его в себе. Это такая игра, в которой никто, в конечном итоге, не выигрывает и никто не побеждает, поскольку в мире всё сбалансировано. Таков Закон Истины, – с Ним не поспоришь. Хотя кто-то и пытается идти против Него, так до конца не уяснив, что борьба с самим собой ведёт к самоуничтожению...

Я всё реже разговариваю с деревьями – сказывается занятость. Это большое упущение с моей стороны, которое пора устранять. Беседа с природой всегда отличается от других разговоров особой мерой искренности и взаимопонимания. Никаких разногласий, даже самых мельчайших. Разум деревьев лишён человеческих пороков. Растения живут в своей системе времени, в своей шкале жизненных координат. Общаясь с ними, ты понимаешь другой мир со всеми его порядками, отличными от наших, и только тогда осознаешь, насколько узок взгляд человеческого мировосприятия и насколько невежествен ум людей самоуверенных и напыщенных. Но хочу пояснить: такая беседа – это беседа мыслей, чувств и чего-то ещё, какой-то неведомой мне важнейшей составляющей наших душ и всего сущего. Возможно, это и есть тот самый универсальный язык Вселенной, основанный на образах, язык того, из чего состоит всё видимое и невидимое. Извини, но порой я не могу объяснить словами явления, возникающие в моём сознании и относящиеся к существам другого измерения, а потому не попадающие ни под одну категорию человеческого языка.

Истина абсолютно беспристрастна, она не ведаёт ни сожаления, ни поблажек кому-то и чему-то. Всем в итоге воздастся в равной степени; чем дольше ответ отсрочивается, тем больнее он ударит; я вижу этот принцип в виде пружины или эха, ведь мы включены в систему, которой вредим или помогаем. Чтобы понять единство взаимосвязей этой системы, нужно поместить своё сознание в чужое тело и прожить его жизнь; чтобы понять это в абсолютной мере, необходимо прожить жизнь всего сущего на протяжении всей истории Вселенной; нужно жить везде и сразу, одновременно или в разные моменты... И тогда ты увидишь себя со стороны, и всякие твои насущные заботы будут казаться какой-то бессмысленной мышью вознёт, собственная радость начнёт забавлять и умилять, а глупость очертится особенно явно, отчего горькое чувство стыда сдавит сердце. И ты поймёшь, какими пустыми были твои претензии и жалкими – наивные стремления и мимолётные мечты.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Sarah¹ приехала! Как я скучал! Единственная моя радость в этой жизни! Приехала, обняла, я бы расплакался, если бы был девушкой! Засыпала меня новостями. Наговорила мне всяких нежностей, захвалила, залелеяла... Я не заслуживаю всего того, что она приписывает мне... Золотая моя Сара! Чудо моё! Как я тебя люблю!

Когда она спросила про мои дела, я ответил, пожав плечами: «I'm fine»². Не мог сказать правду. Не надо втягивать её в эту мистику, в эту чертовщину. Мои проблемы... Если бы я сказал про эти письма, она бы сразу сожгла их... Но они ещё нужны мне. Теперь они для меня больше, чем просто чьи-то письма... Я уже почти поверил в их скрытую силу... Вопреки моим взглядам на мир я начинаю признавать и убеждать себя, что есть в этом мире что-то по силе равное учениям Каббалы. И это что-то врывается почти в каждый мой сон и ведёт со мной диалог. Или я схожу с ума? Можно было бы обратиться к врачу, но в гипнозе он выведает всё и передаст моему начальству, а это страшнее всех мучений, которые испытывает сознание во время кошмаров. Я готов терпеть. Я хочу понять, к чему ведут эти сны, иногда настолько реалистичные, что я всё больше начинаю верить в то, что в этих сновидениях я бодрствую по-настоящему, а вся моя настоящая жизнь – галлюцинации, бред... Но я ещё не сошёл с ума окончательно, я пока только рассматриваю вариант о том, что всё реальное – иллюзия... Да уж... во мне рождается философ.

Недавно «сверху» пришла новость – чипы оплаты и обнаружения местонахождения, внедрённые в тело каждого гражданина Северо-американского союза, должны быть заменены на усовершенствованные чипы, которые буду корректировать поведение и состояние здоровья чипованного человека. По всему союзу и миру началась обширнейшая пропаганда внедрения этих чипов, их расхваливают, доказывают необходимость внедрения в наши тела в условиях участвовавших эпидемий и террористических актов. И запуганный народ готов на всё, что предложит правительство. Я слышал, что говорят на улицах люди. Почти все высказываются «за» и спешат в правительственные клиники за чипами нового образца. В этот раз я впервые усомнился в правильности политики, которой придерживается наша власть. Я никогда никому не скажу этого, но в глубине души я проклинаю эти чипы со всеми их создателями и рекламщиками. Почему? Я отвечу! Потому что они покусились на святую святых – права человека. Скоро наша власть создаст какой-нибудь всемирный прецедент, чтобы окончательно убедить мир поставить новое клеймо на тело населения.

Я начал мыслить по-другому... И впервые в жизни я задал себе вопрос: «За что на самом деле Большой Брат убивает людей?». Кажется, я схожу с ума. Впервые я начал сомневаться в Его правоте. И пусть за такие слова я рискну быть застреленным в ту же секунду, я не боюсь... Я понял, что вся моя жизнь стояла на столпах страха и ненависти. Я человек... По факту рождения имею права, данные мне Природой и Законом. Но Закон начал изменяться такими же людьми, как и я, всё больше превращаясь из документа защиты в документ насилия. Я не согласен. Но что я могу сделать? Ничего...

*«16 июля 19:54
г. Царская Горка*

¹ Sarah (англ.) – древнееврейское женское имя.

² «I'm fine» (англ.) – «Я в порядке», «У меня всё хорошо». Стандартный автоматический ответ на английский вопрос «Как дела?».

Ты не поверишь, этим вечером я снова пережила на несколько секунд то самое чувство, которое посещало меня в детстве, ещё до того, как я начала ходить в школу. Тогда я вставала с матерью на вечернюю молитву, и прямо во время чтения «Отче наш» перед моими глазами, как бы поверх видимого окружения, проступала темнота, в которой я плыла, словно в космическом пространстве, но вокруг не было ни звёзд, ни галактик, только впереди какие-то геометрические фигуры, составленные из цветных светящихся трубок, которые летели прямо на меня; я пролетала сквозь них, но впереди появлялись всё новые и новые фигуры: красные квадраты, жёлтые треугольники, синие круги... и казалось, это будет длиться вечно... Я слышала много голосов: мужских, женских, – они говорили на незнакомом языке или языках; вместе со всем этим я чувствовала ни с чем не сравнимое чувство оцепенения, пробирающее до костей, восхитительно-пугающее чувство неземного полёта, неведомое доселе ощущение... В такие моменты я пыталась совладать с этими странными видениями, голосами и жутким страхом, однако невольно прерывала чтение молитвы, и жмурясь, закрывая лицо ладошками, начинала плакать. Мама не знала, что со мной происходит.

Пребывая в таком состоянии, обнятая встревоженной матерью, я пыталась заснуть, охваченная этой колдовской вакханалией. Уже в постели, уставшая морально и физически, я постепенно погружалась в мир сна. И порой даже утром, ещё в лёгкой дрёме, я продолжала слышать голоса тех людей. Иногда я запоминала целые слова и рассказывала об этом моему другу Артёму и он верил мне; пожалуй, только он и верил.

Эти приступы мучили меня почти каждый вечер на протяжении нескольких недель, заставляя за молитвой, которую мы читали перед сном, стоя на коленях под образами. А порой, даже ещё не встав на колени, я начинала ощущать, как это чувство постепенно врывается в моё сознание, и тогда мать совсем отказывалась от вечерней молитвы; мы ложились спать, но это чувство преследовало меня до тех пор, пока я полностью не засыпала. Этот кошмар прекратился лишь после того, как местная знахарка отшептала его от меня: мощная энергетика женицины оказалась сильнее неизвестного явления.

А сейчас поговаривают о том, что ещё в девяностых годах двадцатого века (в годы моего детства) закрытым российским клубом учёных была изобретена электронная система воздействия на мозг человека посредством ультрафиолетового или ещё какого-то спутникового облучения. Сообщается, что с его помощью можно вызвать в сознании подопытного человека абсолютно любые эмоции, развить способности мозга либо наоборот довести человека до сумасшествия. Что ж, такая версия выглядит довольно правдоподобно, и если это правда, то думается, что и войны уйдут в прошлое, ведь поработить весь мир можно будет всего одной такой «гуманной» спецоперацией.

Ладно, примем эту версию за причину моих детских галлюцинаций. Но тогда как объяснить то, что всего пару лет назад я слышала голоса на крыльце дома, когда вокруг не было ни души? На дворе стоял тёплый поздний вечер, клонившийся к полуночи. Я вышла с собакой из подъезда и только хотела спуститься со ступенек крыльца, как вдруг два голоса, – мужской и женский, – где-то совсем рядом прошептали мне на левое ухо: «На-а-асть»... На глазах проступили слёзы, и я поспешила ретироваться домой. Через две недели после того события я попала в реанимацию. Врачи уже не надеялись на то, что я выживу. Спустя 20 часов я открыла глаза. Для моих близких это было настоящим чудом. В большинстве подобных случаев люди отходят в мир иной. Как я ни старалась вспомнить, видела ли я что-то в бессознательном состоянии, так я и не вспомнила. Меня будто вырвали из нормального хода событий и внезапно вернули обратно, но уже в новую временную точку; я была совершенно растеряна и не понимала, где я, и что происходит.

Моё полное имя «Анастасия» с греческого языка переводится как «воскресшая». Теперь действительно, можно сказать, что я воскресла. Но хочется верить, что этот использованный шанс воскрешения не оказался для меня последним, поскольку что-то словно подсказывает мне, что жизнь ещё не раз проверит на прочность и живучесть.

Вся эта мистика не столько пугает, сколько интригует и раззадоривает меня. Уже в детстве она стала частью моей жизни, иногда напоминая о том, что мир не так прост, как кажется, что там, вне досягаемости органов чувств, бурлит другая жизнь, другие миры и времена, и лишь изредка они проявляются в нашем мире. И по сей день для меня остаётся загадкой причина их таинственных визитов.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

*«19 августа 19:19
г. Царская Горка*

Без преувеличения нас можно назвать летописцами своей эпохи. Ещё не известно, что о ней напишут будущие официальные учебники истории. Если уже сейчас слушаешь федеральные новости, и создаётся впечатление, что наши самоуверенные средства массовой информации, а также элита, взращенная государственным рэкетом, начатым с лихих девяностых, живут в какой-то другой России: там и промышленность процветает, и экономика – в гору, и рождаемость – как в Китае. Только почему-то я и все мои близкие с грустью наблюдают, как увеличивают свои владения нищета, эпидемия алкоголя, наркотиков, моральное уродство городских подворотен и вымирание целых деревень.

Горькая правда истории заключается в том, что, чаще всего, страной правит не тот, кто заявлен миру в качестве лидера государства. Даже полутайное мировое правительство, состоящее из воротил глобального бизнеса и королей банковской системы – не истинные властители мира, нет... Даже они – всего-навсего исполнители со своей долей власти и богатства. Я чувствую это, я знаю... Было у меня несколько случайных (а если разобраться, то совсем неслучайных) встреч с ними (я имею ввиду встречи не физические, а на духовном уровне), с теми, кто стоит за спинами «бильдербергских клубов», «круглых столов», «комитетов трёхсот» и тому подобных... Не знаю, кто они; знаю только то, что они могущественнее и беспощаднее всех комитетов и конгрессов вместе взятых. Знаю лишь, что могущество их заключено не в деньгах, оружии или ещё в чём-то видимом. Знаю лишь, что в них мало вообще чего-то человеческого. Чем выше поднимаешься над общепринятыми рамками понимания жизни, тем явственней проступает всемирная ложь, тем отчётливей в сознании прорисовывается вся Система порабощения человечества. И люди, увлечённые с головой в эту Систему, – все эти её «винтики», её расходный материал, – никогда не осознают этой чудовищной правды; они всю жизнь будут заниматься самолюбованием, с гордостью и благодарностью Судьбе провозглашать себя независимыми и самодостаточными личностями, называть своё интеллектуальное и духовное рабство свободой и правильным образом жизни. Эти люди разучились чувствовать и воспринимать истинное положение дел, разучились видеть, что они, на самом деле, заключены в тюрьму собственных страхов и пороков, закованы в цепи ограниченности разума, в кандалы религий, народных предрассудков и навязанных обществом предрассудков. Эти люди пусты, вся их кажущаяся ценность, – напускная, искусственная, – принадлежит только их внешнему образу, их репутации, заработанной верным служением Системе человеческой цивилизации. Такие люди, по существу, всего лишь оболочки, живущие по заложенной в них программе. Они запрограммированы на выполнение своей роли в рамках построения Всемирной империи зла; и если ввести в их программу нечто новое, чужеродное, противоречащее этой про-

грамме, то она даёт сбой и рушится, рассыпаясь на тысячи, миллионы вопросов, ответы на которые не способна дать программа. И тогда сознание начинает искать их в окружении и в себе, – обновлённом и освобождённом, раздвигая границы восприятия бытия.

Я нечасто позволяю себе одевать подобные мысли в одежду слов. Но всё чаще скорбь и страх за мир и Отечество сжимают сердце. Я вижу, как под личиной заботы о простом народе принимаются самые гнусные и беспощадные законы, уничтожаются моральные устои и бывшее достояние культуры. Уже сегодня власть денег запускает щупальца в то, что ещё вчера принадлежало сфере человечности и совести. Чужаки, полонившие мою землю, работают заодно с выходцами из моего народа, поставившими своё краткосрочное благополучие выше независимости и безопасности родной страны. События разворачиваются всё стремительнее, словно в каком-то американском триллере, и вот уже запахло приближением печальной развязки. На нашей территории, на наши деньги и нашими же силами против нас же самих ведётся многолетняя война, какая-то засекреченная операция вражеской разведки, носящее какое-нибудь безвкусное название. Под впечатлением от происходящего я всё чаще теряю веру в реальность. Сознанию проще поверить в то, что это очередной кошмарный сон. Всё более и более я убеждаюсь в том, что в ночных сновидениях мне открывается настоящая жизнь, а этот трёхмерный мир со всеми его множественными ипостасями – всё ложь, иллюзия, наваждение... В этом кошмарном сне события, как каннибалы, поедают друг друга; каждый новый момент проглатывает следующий и содержит в своём чреве всё произошедшее, изжитое, чтобы быть проглочённым будущим мгновением. В этой непомерно масштабной иллюзорной действительности весь мир и Отечество, породившее мою плоть для этой жизни, на возрастающей скорости неумолимо движутся к пропасти, ведомые грёзами, несбыточными постольку, поскольку воплощение их неминуемо приведёт ко всеобщей катастрофе; по глупости, по недалёковидности своей люди не понимают или не желают понимать, что несутся не жалея ни себя, ни других, по головам, по телам, по черепам и костям других существ, не в рай, а навстречу собственной гибели; и рыдают по ней, и жаждут до потери рассудка, и с содроганием молятся ей, и изнемогают от того, что всё ещё не близко осуществление их желаний. Все несутся, распахивая друг друга, подставляя подножки рядом бежущим, сталкивая их с дороги... Но в конце этого пути, озаменованном итоговим смертельным прыжком в бездну, уцелеет лишь тот предусмотрительный, кто будет прыгать последним, приземляясь на обломки разбившегося человечества.

Единственная надежда – на Закон Истины, на то, что пройдёт несколько эпох, прежде чем маятник сил качнётся в обратную сторону, и все побегут туда, откуда прибежали (если успеют это сделать до самоубийственного «прыжка»), и баланс на планете уравнивается. Трудно представить себе, как изменится мир к тому времени, как изменится сам человек и его общество. И уж совсем невозможно предположить, что будет думать он о нашем с тобой веке...

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

Опять сон. Я начинаю относиться к своим снам серьёзнее и даже начинаю любить тех, кого вижу в своих видениях... Как будто у меня две жизни, в которых я путешествую последовательно: немного там, немного здесь. И ценю каждое прожитое в обоих жизнях мгновение.

Во второй жизни возможно всё: силой мысли я могу перевоплощаться, менять ход событий и времени, то же самое могут делать все и всё, окружающее меня. В той жизни

будто неисчерпаемое множество миров сплетены вместе, и оттого пространство там куда многомернее, чем здесь.

Я видел Восток. Нечто среднее между Палестиной, Ираком и Афганистаном. Узкие бетонные улочки с редкими надписями на арабском. Я маленький мальчик, у меня есть семья: мама и младшая сестра. Помню момент, когда мама ставила нам по тарелке с обедом, и, когда она отворачивалась, я плевал в тарелку сестры, чтобы девочка отказалась от своей порции, а я забрал её обед себе. Сестра обиженно плакала, мама ругалась, а мне ни капли не было стыдно...

Помню свои игры с дворовыми мальчишками и девочкой, очень красивой и доброй. Помнится момент, когда мы, спрятавшись от друзей во время какой-то игры, присели на корточки совсем рядом. Я тихо сказал ей: «Я тебя люблю». Она, смутившись и даже не взглянув на меня, ответила тем же, загадочно улыбаясь. Я был счастлив. Она поцеловала меня в щёчку и убежала. И я побежал за ней...

Был у меня друг немного старше меня, жил рядом. Он был другой национальности, немного чужой, но в то же время друг, может быть, даже самый лучший. Он называл меня «Салам», а я его – «Юсеф» или как-то так... Я испытывал к нему самые братские чувства, он всегда помогал мне; улыбка никогда не сходила с его детского личика.

В событийной неопределённости, сквозь сонную дымку я слышал оглушительный рёв сирен и раскаты грома. Люди моего городка в панике пробегали мимо меня. Задыхаясь от страха, я бежал к своему дому по узким улочкам, в которых была настоящая давка. Удары грома учащались. Откуда-то сверху сыпался песок и крошки бетона. Я чудом выбрался из толпы и, добежав до места, увидел вместо дома только пылающие руины. Я звал маму и сестру так громко, что охрип, побежал к горящим обломкам дома, чтобы искать их там, они должны были быть живы! Они не могли вот так бросить меня! Но почти у самого огня кто-то схватил меня – это был мой старший друг Юсеф. Он кричал: «Ты умрёшь!». Я кричал, обливаясь слезами: «Они там! Я найду их!». Вырывался изо всех сил, ревел как взбесившийся зверь, но друг держал меня крепко, не отпускал; я знал, что они там и не мог их бросить, не понимал, насколько опасно было находиться среди горящих руин; не боялся смерти. В конце концов, обессилев, я упал на колени, мой друг, держа меня за рубашку, присел тоже. Я закрыл лицо руками и заплакал. Юсеф обнял меня и стал утешать. К нему подбежали его родители. Ругая и причитая, они увели сына, а я остался рыдать, и плач мой не прекращался, наверное, до тех пор, пока огонь не погас.

Потом я помню скитания с какими-то родственниками и близкими... Палатки, грязная вода, рваное бельё, жестяная посуда, голод и нищета. Бродяжническое существование на улицах; то один, то с кем-то. Какие-то парни учили меня обращаться с огнестрельным оружием, стрелять, закладывать мины. Я стал не последним человеком среди них, и вроде уже вырос, стал взрослым, командовал солдатами, молился по-муслимски. Я запомнил своё отражение: невысокий, с чёрными глазами и густыми бровями, редкие борода и усы. И продолговатый рубец от ожога (видимо, полученного в тот самый день) на правой щеке...

Каково же было моё удивление и шок, когда я увидел своего друга детства Юсефа, уже взрослого и потолстевшего, оказавшись у него в плену. Передо мной стоял уже совсем другой человек, и не человек вовсе, а самый настоящий дьявол. Он узнал меня и потому пытал с ещё большими наслаждением и жестокостью. На этом сон прервался, – Сара разбудила меня, сказала, что я громко стонал. На всякий случай дала выпить успокоительного и усыпила теплом и нежностью своего тела.

*«11 сентября 20:10
г. Царская Горка*

Религия (если она вообще должна быть) обязана основываться не на поклонении, а на знании Законов Истины, то есть на мудрости. Ведь, если говорить начистоту, религия, то есть то, что мы подразумеваем под этим понятием, претендует на должность главного «секретаря» бога. Таких «секретарей» великое множество. Оно образовано дроблением изначальной, древнейшей мудрости человечества. Тогда ее части всё ещё держались рядом благодаря силе притяжения однородных частиц и гурьбой своей напоминали калейдоскоп, пёстрый и многоликий. Движимые целью занять главенствующее положение на поприще секретарей Истины, кусочки мудрости прервали былые связи и отправились в свободное плавание. Мудрецы, руководящие ими, поддались на искушение властвовать над мировоззрением своих народов, поспешили заштукатурить ложью ломаные края на своих кусочках изначальной мудрости для того, чтобы придать им вид завершённости и окончательно скрыть связи с братскими идеологиями.

Жизнь человека определяется двумя общественными явлениями – религией и политикой. Политика является ипостасью экономики, потому как политическая ситуация подчиняется течению капитала и наличию ресурсов. Религия – это тоже своего рода политика. Есть в ней свои президенты, премьер-министры, местные чиновники. Есть такое же несметное количество партий и подпартий. Уровень жизни их руководителей и средних «менеджеров» во многих Европейских странах, в Америке и России, ничуть не уступает уровню жизни настоящих политических деятелей. Почти вся современная религия, уподобляясь политике, стремится туда, где вращается больше денег и потенциальных клиентов. Политики играют людскими судьбами, а религиозные деятели – душами. Политики оправдывают свои дела стремлением ко всеобщему благополучию, а священники – стремлением привести всех к богу. Если расписать эту мысль в виде уравнения, зачеркнуть политику общественную и политику духовную, остаются такие слагаемые, движущие силы упомянутых явлений – это деньги и ресурсы. Политика и религия постоянно меняют человеческий мир: его законы, бытовой уклад, строй ума и уровень жизни людей; воистину колоссальна власть того, кто держит в руках уздечки от этой парочки вороньих коней, которые уносят человечество в незавидное будущее.

Меня интересует политика общественная больше других сфер деятельности, ибо львиная доля глобальных перемен привносится в мир по указанию людей в деловых костюмах. Они указывают нам, где и как жить, учиться, работать, сколько получать за свой труд и так далее. В обработку всемирного сознания подключаются акулы пера и психологи. Мастера своего дела, знающие человеческую природу, как свои пять пальцев, искусно внедряют в нашу жизнь способы скрытого убеждения в то, что соприкасается с органами чувств публики. Такие люди решают за нас, как думать, как вести себя, как говорить, как одеваться, как и с кем дружить, как и с кем враждовать, кого бояться, высмеивать или возносить в идеалы. Политика более других сфер нашей жизни заслуживает статус строителя людского мира, и для этого строительства она имеет свою многочисленную армию специалистов из разных областей деятельности: от брокеров и мерчендайзеров до кинорежиссёров и врачей. В их арсенале самые изощрённые методы внушения. Они редко говорят или пишут: «Делай так! Думай так! Говори так!». Они знают, что большинство не любит выполнять открытые команды и следовать чьим-то советам. Поэтому мировая элита выстраивает события, условия жизни и ведет нашу логику таким образом, чтобы мы пришли к нужным для неё выводам и делали то, что ей хочется. А если будешь делать наоборот, то рискнёшь прослыть отсталым от жизни, нестандартным, опасным для общества человеком, «белой вороной» или ещё кем-нибудь из этого списка. Именно политика, а точнее те, кто ею управляют, решают за нас, как мир будет жить завтра. Знание тайн человеческой психологии наделяет их поистине сказочным превосходством над

остальным человечеством. Специалистам в этой специфической области удалось взять под контроль все аспекты нашего существования. Понимая это, важно помнить, что жизнь в обществе, руководимом так называемой социальной инженерией, каждую секунду влияет на наше восприятие мира; важно не забывать о том, что всё, окружающее нас, вмещивается в создание и постоянное изменение наших душевных и телесных качеств, а значит, формирует нас как личностей. И чем дальше поднимается общество по лестнице такой «эволюции», тем изощрённее становятся методы массового внушения, тем бесчеловечнее – их цели, и тем неестественней – принципы людской жизни. Однако, не стоит забывать, что все эти специалисты с их лабораториями и массовыми опытами – всего лишь один из цехов глобальной корпорации, именуемой «цивилизация».

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

«7 октября 20:10

г. Царская Горка

Страх порождает жестокость, а жестокость порождает страх. Хотя есть ещё такой порок, как равнодушие, – оно позволяет действовать и размножаться жестокости как следствию страха. Большинство уверяет нас в том, что она заложена в наших генах, что она, как и наша цивилизация, созданная ею, – признак нормального развития рода человеческого. Эта идея взята за основу понимания общественных процессов для того, чтобы узаконить жестокость, объявить её нормой человеческой сущности использовать в качестве козыря. И внедряется эта идея в наше сознание, несмотря на все религиозные заветы и нравственные традиции культуры, которые, по сути, становятся либо пустым звуком, либо прикрытием для актов свирепого насилия. Жестокость врывается в нашу жизнь чаще всего под масками благодетеля и заботы, оставляя неизгладимый след в душе каждого, кто попадает в объятия её железных вериг. Рубцы после них остаются навсегда; боль может со временем притупиться, забыться, но опытные психологи знают, что при желании в любой момент можно достать её и дёргать за эту ниточку, управляя человеком, словно марионеткой, посредством его страхов. Они знают, что накопление опыта зверского отношения к себе толкает личность к переосмыслению своей роли в этом мире, к выводу о том, что лучшая защита – нападение. Изначально вложенное в человека чувство равновесия сил и справедливости искажается и искривляет реальную картину вещей; в сердце загорается пожар мести к чудовищному, безжалостному миру. Таким образом, сознание возжелает мщения окружению, и чем строже и жестче были условия, воспитавшие человека, тем беспощаднее будет его поведение человека в будущем. Жестокость порождает новую жестокость, порой ещё более жестокую; размер последствий зависит от того, насколько близко к сердцу воспринял человек эту боль, насколько его психика чувствительна и насколько поведение окружающего мира противоречит канонам внутренних совести и милосердия, заложенных предыдущим опытом жизни в сознание данной личности.

Страх искажает без того искажённое восприятие окружающей обстановки. Паника блокирует нормальные мыслительные процессы в мозге, расстраивает порядок работы всего тела. Мыслеформы страха распространяются вокруг и, усиливая вероятность осуществления тех или иных коридоров «пространства вариантов», воплощают в реальность наихудший сценарий; не секрет, что схожие частоты колебания в этом пространстве притягиваются друг к другу, переплетаются, и мощь их воссоединения даёт толчок к воплощению себя в мире материальном. Невозможно вообразить всю картину тонких миров, в которых живут в бесконечном танце наши чувства и взаимосвязи; страшно вообразить мир

тонких энергий нашего общества, которым правит страх и его последствия. Это он, – страх, всех оттенков и запахов, пусть даже самый мимолётный и малозначительный, – правит каждым из нас и заставляет, в конечном итоге, делать то, что навязывается строителями и блюстителями современного миропорядка.

Тогда как объяснить безразличие к насилию и жажду жестокости самых обеспеченных и влиятельных людей планеты? Эта тончайшая прослойка человечества не подвергалась жестокости и душевным страданиям – этих людей с самого рождения холят и лелеют. Они не знают, что такое голод, холод и кредитная кабала. Казалось бы, эти люди должны быть самыми снисходительными и щедрыми на свете. Однако, воспитание в стиле «Рабы живут ради моего благополучия» и страх потерять всё делают этих людей равнодушными к чужим страданиям. Здесь важно вспомнить старинную мудрость: «Норма – лучшая мера». Страх за своё состояние давно перерос у богачей в хроническую болезнь жадности. В их руках сосредоточены рычаги управления самым безнравственным и жестоким существом, когда-либо существовавшим на планете – современным обществом. Они возомнили себя богами и даже называются в своём кругу обитателями Олимпа. Для них миллиарды порабождённых страхом и невежеством людей, гордящихся и воспевающих свои кандалы, – всего лишь средство достижения их величайших планов. Ничего не скажешь, великие комбинаторы: им удалось обмануть практически всё человечество! Они провоцируют «протестанство вариантов» на задуманный ими сценарий развития событий, зная, как воздействовать на невидимые связи существа, доступного их пониманию. Правду, которая должна быть достоянием и средством духовного развития всего человечества, они скрывают за толстыми стенами потайных храмов, бесконечно разнообразной ложью и кровавыми расправами. Никто не посмеет встать у них на пути – ни пророк, ни гангстер, ни президент, ни банкир. Они маскируют её в самые изоцирэнные одежды, дробят, кромсают, перетирая с пылью лжи и порохом пороков. Эти люди извратили исконную мудрость и продолжают измываться над ней, называя этот процесс естественной революцией древнего знания. Они оправдывают скрытность своих планов якобы из страха огласки великих истин о мироздании и человеке, потому что эти знания могут превратиться в опасное оружие в руках корысти и откровенной беспринципной жестокости. А разве это уже не произошло?..

Хорошо известно, что одним из видов сокрытия исконной человеческой истины является подмена понятий. Грубо говоря, то, что ещё вчера считалось белым, завтра в сознании миллионов людей становится чёрным, и наоборот. Вертухаи людского миропорядка меняют не только буквы в словах, что приводит к замутнению первоначального смысла, но и целые слова и даже фразы. Этими людьми уже давно вымыты из нашей памяти азбучные истины³, и мы забыли, что каждая буква есть образ определённого явления жизни, а группы этих образов, соединённых в определённом порядке, так же как и законы, которым подчиняются процессы образования слов, фраз, предложений и самых долгих повествований – всё это образы реальности; зашифрованные в звуках, символах, интонациях и жестах, они становятся доступны восприятию нашим мозгом. Искажая прежние коды, спутывая комбинации, мы теряем возможность воспроизводить в нашем разуме многомерные образы действительности, т.е. образы другой волновой реальности, считывать их с окружающей нас вечности. Наш мозг подобен проводнику, передатчику, антенне; он способен настраиваться на тот или иной канал и улавливать его энергоинформационные сигналы... Мысли распространяются далеко за пределы личного пространства, они

³ Азбучные истины – изначальные мислеобразы букв («Аз», «Буки» («Боги»?), «Веды», «Глаголь» и т. д.), являвшие собой в совокупности старинную систему кодирования природного языка образов в многомерные мысленные структуры, наиболее подходящие для осмысления его людским разумом.

циркулируют повсюду, в предметах, явлениях, взаимодействуют с мыслями другого человека, провоцируют «пространство вариантов» на свершение того или иного события... Мы суть великие сущности, мы можем бесконечно много, потому как всё может быть всем. И в этом – главная тайна тех, кто держит во тьме невежества и тюрьме денежной системы всё многомиллиардное человечество. Они понимают, что если люди узнают правду о единстве мироздания, в котором одно состояние может переходить в другое на всех уровнях существования прямо здесь и сейчас и в котором можно добыть всё необходимое одной только силой мысли, то весь их миропорядок разрушится в ту же секунду; он существует лишь потому, что мы выполняем скрытые приказы тех, кто оказался хитрее нас, кто, поддавшись своей хронической болезни жадности, постоянной жажды власти, превратил некогда цветущий мир в измученное существо, готовое покончить собой.

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

«14 ноября 00:06

г. Царская Горка

Вселенная удивительна. Вглядываясь в звёзды, в это облако застывших в полёте брызг Заветного Света, ощущаешь на глубинном уровне мощь и родство всех пространств и жизней, находящихся на самых невообразимых расстояниях от себя. Это и есть наш мир, но люди взирают на него из недр своей земной суматохи сквозь запотевшее стекло слоистой атмосферы. Космос... Перед нашим взором открываются тайны, способные ответить на все основополагающие вопросы о себе, о жизни, цикличности, справедливости, о том, что именуется Истиной. Я снова и снова понимаю, что познать Её до конца невозможно, ибо у Истины нет ни конца, ни начала. То далёкое, недоступное, неизведанное, окутанное дымкой таинственности, влечёт разум человека к раскрытию тайн, к желанию заполнить бреши в мировоззрении. Чем больше начинаешь узнавать обо всём этом, тем больше противоречий обнаруживаешь вокруг себя. Несмотря ни на что, помни, что на самом деле противоречий не существует. Всякое противоречие является следствием ограничения и деления. Мироздание не ведаёт ни границ, ни противоположностей. Узость нашего разума не способна видеть это единство, сотканное из единств различных уровней. Противоречие существует только в нашем сознании. Уяснив это, нужно стараться воспринимать Вселенную как всеобъемлющую общность и великую цельность всего сущего.

В детстве я очень любила выходить во двор поздним вечером, одна или со своим лучшим другом, и, запрокинув голову, столбенеть в созерцании солнц и галактик, точно символов, начертанных самой Истиной, невозмутимой, беспристрастной, и созерцая прислушиваться к дыханию многоликого Изначалья, вечно перевоплощающегося, вечно живущего и уравнивающего всё внутри себя... Это прекрасно... И даже теперь, измотанная кутерьмой человеческой повседневности, я при каждом взгляде в звёздное небо останавливаюсь и, как тогда в детстве, запрокинув голову, благоговейно перед очами самой Истины; всё тревожное затухает, суэта испаряется, и воспоминания о земной жизни рассеиваются как страшный сон... Это ни с чем не сравнимое чувство умиротворения и благодати.

Теперь я понимаю, почему урок астрономии вычеркнут из школьной программы. Корпоратократия опасается людей думающих и неподкупных. Она выращивает в своих странах-сотах безвольных гибридов, воплотивших в себе качества потребителей и каторжников. Она поработочает сознания миллиардов людей, навязывая им то, в чём нет реальной нужды, и уговаривает брать кредиты под грабительские проценты, чтобы покупать то, что им, на самом деле, не нужно! Система производит некачественные, недолговечные материальные ценности, чтобы люди снова и снова шли в магазин и, купив очередную доро-

гостящую безделушку, кичились ей высокой ценой перед родными и друзьями. Это чудовищный мир, в котором логика и целесообразность сведены к минимуму, в котором всем наплевать на всё, не приносящее выгоду. В этот прогрессивный, как многие заверяют, век, стоящий на пороге информационной эры, люди так и не осознали до конца, кто они, где они и что, в действительности, происходит. Увлечённое игрой в цивилизованность, в бедность и богатство, человечество мировоззрением своим осталось в Средних веках. Пускай игрушки меняются, меняются правила глобальной игры, но общество, по-прежнему, живёт во тьме невежества и себялюбия. Дрейфующее между разными политическими и религиозными течениями, модными тенденциями и национальными стереотипами, они разучились думать самостоятельно; Система думает за них. Она рождает в людях всё новые и новые различия, чтобы сталкивать их лбами, лишая какой бы то ни было воли к единству и сопротивлению реальному и действительно могущественному врагу.

«Эффект толпы» основан на слитии всего истинно однородного, на взаимном притяжении схожих колебаний; этот закон природы проявляется в том, что мысли примерно одних и тех же настроя и силы притягивают к тебе одинаковые мысли других существ и похожие версии будущего из «пространства вариантов». Если наблюдать это на более высоком уровне, становится понятно, что таким образом работает Вселенский закон единства. На нём основаны все процессы созидания, роста, увеличения, когда из «ничего» вырастает «всё». Действуя вместе в одном направлении, клеточки целостного организма природы словно из ниоткуда получают огромный импульс силы для совершения общего дела; самое поразительное то, что мощность этой силы во много раз превышает общую мощность сил частей системы, сложенных вместе; но это противоречит общепризнанным законам природы! Одно дело: импульс, и совсем другое – проявленная неизвестно откуда колоссальная сила, ведущая действия объединённых частиц. Ни эта ли сила рождает всё сущее из таинственного «ничего»? Не кроется ли разгадка этого явления в той бесконечности уровней состояний и бытия, содержащихся во всём и везде; даже самая малая частица, именуемая «ничем», есть космос, такой же безграничный, как тот, какой созерцают люди по ночам, изумляясь неограниченной величественности и совершенству? Ведь если всё содержит свои уровни бытия и включено – в другие, т.е. состоит из их вечности со всей немисливо грандиозной силой!.. Подумай только, пап, сколько силы, жизни, стремления и всего-всего возможного и невообразимого скрыто в каждой песчинке, в каждой молекуле, в каждом дуновении ветра! Осознавая всё это, ты начинаешь чувствовать себя богом! Да, да, мы боги! Отметая все рамки и ограничения нашего мировоззрения, мы должны, наконец, понять, что мы и есть Вселенная, мы и есть Истина.

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

Сегодня я брлся в ванной и на какое-то мгновение задумался, посмотрел на себя в зеркало, пытаюсь понять... Заглянула Сара и удивилась моей глубокой задумчивости. Зашла, обняла сзади за плечи.

– Ты изменился, – сказала мне Сара.

– Странно... почему ты так думаешь?.. Да и с чего мне меняться?

– Нет, что-то случилось, – она посмотрела мне в глаза, потом немного помолчала, – Случилось? Может, у тебя есть другая? – то ли серьёзно, то ли в шутку спросила она.

– Сара! – раздражённо бросил я.

– Шучу.

– Плохая шутка, – укорил я.

– Тогда о чём ты думаешь?

– Обо всём....

Она молчала и ждала продолжения фразы.

– Я просто думаю... Думаю: зачем я живу? Зачем живём все мы?

– И что ты надумал?

– Много чего я не понимал раньше. И только сейчас я. Как будто проснулся... Я спал. И все спят... до сих пор.

Сара подошла к раковине, аккуратно взяла бритву из моей руки, положила её на стеклянную полку, и обняла меня. Я смотрел на своё отражение в зеркале не отрываясь: одна щека была выбрита, другая – нет.

– Я сейчас внутри такой же, как снаружи: две личности в одном теле. Одна зовёт лгать, пытаться и убивать... А другая – просить прощения у всего живого, что страдало и страдает по моей вине.

– Это просто депрессия. У тебя такая работа... она очень давит на психику... Это скоро пройдёт.

Я тяжело вздохнул:

– Возможно... Но я не хочу, чтобы это проходило. Я хочу знать правду. Я даже знаю её, но не могу принять. Я слабак... Сара... – я обнял её.

А на следующее утро, когда она уехала к подруге, я достал письма из потайного места и продолжил читать письма.

«23 декабря 19:31

г. Царская Горка

Просматривала вчера своё предыдущее письмо к тебе... Перестаралась, конечно...

Сейчас я озабочена другим. Вот уже пятый месяц очередная жертва трепещет в цепких лапах масонского феникса. Страна, о которой идёт речь, парализована политически, экономически, информационно... Крупнейшими и авторитетнейшими медиа-холдингами в мировое общественное мнение запущена клевета; в общем, всё как обычно, – ничего нового. Все эти масс-медиа, все так называемые «независимые» эксперты, аналитики, корреспонденты и иже с ними, – все до единого так или иначе связаны со спецслужбами Америки, Израиля и Европы... Противнее всего то, что даже их исламские братья, – Арабия, Катар и Турция, подкупленные шелестом зелёных банкнот, – переправляют в другие страны своих хорошо обученных бою партизан, финансируемых западными разведками и обеспеченных оружием и амуницией на деньги крупнейших корпораций и правозащитных фондов. Падкие на слабости короли и принцы Саудии и Арабских Эмиратов ещё в семидесятых годах двадцатого века продали с потрохами независимость своих вотчин и опорочили высокие моральные идеалы старинного ислама взамен на предложенные корпоратократией самую роскошную жизнь, какая только может быть у смертного, и власть над религией, которая должна будет стать самой влиятельной в мире... Помимо финансового бума, превратившего Арабский полуостров в крупнейшего игрока на международной арене, арабские эмираты и шейхи получили в качестве приятного подарка эротические развлечения с белыми женщинами; европейки всегда были в глазах смуглых восточных мужчин окутаны каким-то ослепительным ореолом женской чистоты и божественной красоты, затмевающей всякий рассудок. Властителей ислама быстро поработили их собственные же пороки, и теперь сунниты бомбят города и селения в очередной мусульманской стране, и в принципе даже не важно, шиитская она или своя, суннитская. В данном случае мы наблюдаем, как осуществляется тактика, основанная на теории Карла Шмидта: чтобы объединить под одной идеей большое количество людей, например население страны или всего челове-

чества, нужно найти общего врага, и тогда общество сплотится перед лицом опасности и попытается изо всех сил искоренить его всем миром. Глобальные масс-медиа объявили злейшим врагом человечества международный терроризм, созданный теми же самыми людьми, которыми созданы все государственные и всемирными организации. Быть может, ты подумаешь, что эта тема мелочна и важна лишь в диапазоне одного-двух веков. Я бы тоже решила, что она не заслуживает столь пристального рассмотрения, если бы не ужасающие последствия, ожидающие нас в будущем. Политика «одного ребёнка», пропагандируемая белым семьям незаметными упоминаниями и под всяческими благовидными предложениями, приведёт к постепенному вымиранию белой расы, её слиянию с тёмными народами Юга и Востока; я читала, что нас осталось не больше 10%. Изгоняемые со своих земель западной агрессией в период нового экономического передела мира, тёмные народы бегут в развитые страны Европы и Америки, в которых семьи с двумя или тремя детьми уже считаются многодетными. К чему приведут заигрывания с законами природы?! Ох, до добра они не доведут!

Пусть общество, мнение которого формируется психологами из институтов, подобных Сассекскому и Тавистокскому, думает, что международный терроризм, «Аль-Каеду» и прочих основали немытые бородачи, необразованные, фанатичные мусульмане, что они где-то высоко в горах прорабатывают свои дьявольские планы, которым не может противостоять даже самый могущественный союз спецслужб, состоящий из ЦРУ, ФБР, МИ5, МИ6 и МОССАДа. Какая-то кучка неграмотных арабов против мощнейшей на Земле разведывательной сети, опутавшей каждый город, каждый регион, каждое государство и целые континенты. Власти заявляют нам, что до сих пор не могут обнаружить пути переправки наркотиков и сырья для их изготовления. Это на редкость лживое утверждение. Достаточно отследить направления продажи и транспортировки редких химических соединений, используемых для очистки сырья и доведения его качества до уровня наркотика, готового к употреблению. Это касается любой крупной контрабанды. Чтобы наладить изготовление и логистику чего-либо в таких колоссальных размерах, какие мы наблюдаем в истории с наркотиками, не достаточно того, что имеют нынешние мафии, потому что при пересечении государственных границ фуру с контрабандой должны принимать свои люди. Или же они должны сидеть в кабинетах начальств и служб, связанных с транспортировкой грузов. На самом вершине международных торговых организаций была принята упрощённая форма проверки большегрузных машин при пересечении границ: всякая фура, обозначенная надписью «TIR», не подлежит остановкам на границах. То есть провозить в таких грузовых машинах можно что угодно, и наркотики в том числе.

Я устала... Чаше и чаще у меня пропадает всякое желание обсуждать подобные темы с кем-то и даже думать обо всём этом. Хочется уйти куда-нибудь в лес, поселиться на опушке в старом домике или землянке и на всю оставшуюся жизнь избрать путь отшельника. Обыватели, эгоистичные и напыщенные, они никогда не поймут меня. Они никогда не поймут, что каждый из нас в ответе за всё, происходящее с нами. Этот мир мы создали и меняем собственными руками. Но нельзя думать только о себе. И каждый новый день я провожу в мучительных раздумьях о том, как можно изменить ухудшающуюся мировую обстановку в ситуации, когда меня никто не слышит. Я не хочу прослыть человеком, который взял на себя смелость диктовать миру, как жить. Воистину, мне не по силам тягаться с теми, кто формирует каждую секунду образ жизни для всей человеческой цивилизации настолько мастерски и незаметно на протяжении сотен лет, постоянно оставаясь в тени, за кулисами этого всемирного театра иллюзий.

Крепко обнимаю.
Твоя дочь».

«28 декабря 19:52

Г. Царская Горка

Продолжу мысль, затронутую в предыдущем письме. Она необходима для того, чтобы понять процесс возникновения такого широкого спектра идеологий с их разношерстными мутациями. Теми же людьми, какими в своё время были раздуты мифы о таланте «Beatles» и святости многих российских патриархов, и теперь практически каждый день раздуваются новые мифы и создаются всё очередные «актуальные» сообщества, секты, уличные идеологии, которые быстро перерастают в массовые явления и теснят множество закоренелых общественных движений и партий. Обобщая выше написанное, подведу итог: все крупные идеологии, их ветвления и разновидности так или иначе были намеренно созданы и внедрены в подходящие для них головы. Но бывает и так, что какая-то идея, поднявшись из самых глубин человеческой души, начинает прорываться в общество, завоёвывая сердца сотен и тысяч людей; однако, обязательно рано или поздно, в самый важный для идеи момент, когда у неё набирается достаточно сторонников, она садлается агентами мирового правительства, которые направляют его в нужное для элиты русло. Молодые головы, горячие, думающие в чёрно-белом формате «да-нет», легко поддаются искушению быть активистом, общественным деятелем, быть учителем жизни для сотен, тысяч и миллионов людей. Репутация. Слава. Всенародное уважение... Заманчивая перспектива. Эти люди не понимают: то, против чего они сражаются, является лишь следствием неведомой никому гигантской причины, разглядеть которую с их нынешней точки зрения практически невозможно. Чтобы увидеть её со всех сторон и выработать решение по её устранению, необходимо подняться над нею, воспарить разумом на порядок выше, ломая стереотипы, разбивая рамки сложившегося мировоззрения, что означает полный отказ от приверженности какой-либо конкретной идеологии. Каждое течение является собой смесь Истины и её искажений, выработанных узким человеческим сознанием. Освобождаясь от ограничений, продиктованных прошлыми изысканиями общества, ты освобождаешься ото лжи, выгод и всяческих изощрений людей, возводивших столпы той или иной общественной идеи и участвовавших в её преобразованиях и дроблениях на новые идеи. Чем ближе человек к Истине, тем он неумолимей, ибо знает путь. Система пробует сбить таких людей с толку, однако, испробовав все методы, принимает окончательное решение о физическом устранении идеи с её прародителем и активными участниками. «Лучшего из гоев убей!», – гласит одна из заповедей в Талмуда.

Крепко обнимаю.

Твоя дочь».

«15 января 19:19

г. Царская Горка

Говорят, все ниточки ведут к Королеве и её прославленному семейству. Известно, что они не являются чистокровными британцами, а принадлежат всё-таки немецкой народности. Причину этого стоит искать в историческом событии, приведшем ближайших немецких родственников британской династии к полному обладанию Туманным Альбионом. Британская корона руководит сетью всех масонских лож мира и других организаций, которые находятся в родстве с таковыми, а в этот список входят всемирные: Трёхсторонняя комиссия⁴, Бильдербергский Клуб⁵, Совет по международным отношениям⁶, ООН, Римский

⁴ Трёхсторонняя комиссия – международная организация, якобы занимающаяся решением мировых проблем; создана по инициативе Дэвида Рокфеллера в 1973 г.

⁵ Бильдербергский клуб, Бильдербергская группа, Бильдербергская конференция – тайная совещательная организа-

клуб⁸ и все фонды, союзы и конгрессы, созданные их участниками. Можно предположить, что нынешняя Британская династия и есть главное звено в глобальной цепи кантор мирового правительства, ибо почти все президенты мира скрыто подчиняются ей, и это становится особенно заметно на их совместных встречах с Королевой. Но что-то говорит мне: всё не так просто. Конечно, можно припомнить и английскую Ост-Индскую чайную компанию, занимавшуюся контрабандой наркотиков в те пыльные, окутанные старинным светом лампад столетия. Можно, конечно, учесть бесчисленные провокации мировых и местных войн, революций, государственных заговоров, установивших республиканскую форму правления во вражеских странах. И почему-то ни у кого не вызывает подозрений то, что Великобритания по-прежнему, несмотря ни на какие потрясения мировой политики, продолжает оставаться одной из немногих стран, сохранивших монархию не для красоты, а в качестве полноправной законодательницы и устроительницы своей страны (хоть британская корона и старается изо всех сил заработать себе образ безвластной, не более чем декоративной дани монархическому прошлому Англии). Никого почему-то, не удивляет, что практически все страны Европы к настоящему моменту были преданы жерлу революций, приведших страны к свержению династий и созданию республик; Англия же, или Британия, – называй как угодно, – до сих пор назло всем республикам носит статус Объединённого Королевства. Так же никого не смущает, что во времена двух предыдущих мировых войн ни одна бомба не посмела упасть на «святую землю» Швейцарии, которая издавна является государством-банком мирового правительства, оплачивающим из своих счетов военные действия всех участников тех войн. Казны многих «независимых» стран хранятся в сейфах Швейцарии, и Россия в том числе держит там свои государственные деньги, как утверждают знающие люди. Да, британская корона могущественна и хитра; вполне вероятно, что именно она управляет всей сетью организаций оккультно-политического толка, начиная храмовниками и ассасинами и заканчивая сионистами. Однако, кажется мне, – не знаю, почему, – что это далеко ещё не вся правда, что есть кто-то или что-то, стоящее над британской короной, прячущее свой лик от прожекторов и телекамер. В раскрытии этой великой тайны заключена огромная правда обо всех мотивах, толкавших человечество к тому состоянию, в котором оно пребывает сегодня.

Большинство людей считает именно Северную Америку всемирным гегемоном, однако, поверь мне, придёт срок, и ей, так же как и другим странам и союзам, придётся видоизмениться по шаблону, нарисованному британской короной или кем-то, кто стоит за нею. Мало кому известно, что Соединённые Штаты Америки, начиная со дня объявления независимости и до сих пор, платят современной Англии по своим старым долгам, т.е. зависят денежно, а значит, зависят абсолютно. Таким образом, Америка явлена миру чем-то вроде бульдозера, за рулём которого, скорее всего, сидит королевская семья Британии. Кто-то может указать, что английский язык стал международным именно бла-

ция, названная так исследователями по наименованию отеля «Бильдерберг», в котором проходила первая встреча участников организации. Совещания клуба, на которые приглашаются высокопоставленные лица различных стран; проходят тайно каждый год в разных отелях мира, гостиницы на время встреч охраняются беспрецедентной по масштабам системой безопасности. На встречах обсуждаются вопросы мировой экономики, политики, культуры и других сфер, а также пишется глобальный сценарий, распределяются обязанности между лицами для его реализации.

⁶ Совет по международным отношениям (СМО) (англ. Council on Foreign Relations, CFR) – частная американская организация, занимающаяся внешней политикой; больше других частных организаций влияет на внешнюю политику США. Основана в 1921 г., расположена в г. Нью-Йорк.

⁷ ООН (Организация объединённых наций) – международное учреждение, которое якобы призвано сохранять в мире баланс сил и стоять на страже мира между странами. Создано после Второй мировой войны вместо Лиги Наций. Штаб-квартира расположена в г. Нью-Йорк (США).

⁸ Римский клуб (англ. «The club of Rome») – международный аналитический центр, созданный в апреле 1968 года для сотрудничества крупнейших представителей различных сфер государства, а именно финансовой, политической, культурной, научной.

годаря Америке, а я укажу опять же на слово «английский язык», а никак не «американский», хотя они уже давно являются разными диалектами. Внедрённый в мировое сознание американцами, английский язык остался английским. Здесь мне хочется привести такой пример абсурда мирового масштаба. Местный молдавский язык в государстве Румыния, созданном в 1859 году путём объединения нескольких балканских регионов, стали именовать румынским, и выставили это так, будто молдавский происходит от румынского. Это дало право некоторым прозападным политиками обзывать молдаван румынами второго сорта. Дошло до того, что в школах Молдавии на тетрадях по изучению родного языка пишут: «Тетрадь по румынскому языку». Операция по созданию латинских Балкан, т. е. Румынии, была осуществлена для того, чтобы отнять у России западного братского союзника в лице Балканского народа, который всегда тяготел к славянам и православию. Сейчас Румыния пытается всячески присоединить к себе земли Молдавии... И многие молдаване искренне верят в сказку про древний румынский язык. Это при том, что молдавский язык был тогда, когда Румынии ещё в проекте не было.

Что же касается создания самих США и установления основ этого государства, то здесь главнейшую роль сыграли масоны, те самые агенты Британской короны, принимавшие клятву циркулю и угольнику в разных странах Старого Света. Масонская сущность так и прёт изо всех щелей, куда не глянь в США. Центральные улицы её столицы, города Вашингтона, образуют классическую пятиугольную звезду, задолго опередив создание пентаграммы Советской России. В перевёрнутом вверх ногами виде, этот символ обозначает бога цудо-масонства – козло-человека по имени Бафомет; вероятно, он является одним из ипостасей самого Дьявола... А если приглядеться ещё внимательней, то можно разобратить в планировке главных улиц американской столицы старинный символ совы, каковой является одним из самых заветных в бесовской идеологии иллюминатов.

Ну что ж... У меня впереди намечается много дел. Не знаю, когда напишу в следующий раз, но напишу обязательно.

Крепко обнимаю.
Твоя дочь».

Непонятно, зачем я сам на себя пишу компромат. Хотя, конечно, в любой момент можно сжечь их, поэтому они не представляют для меня большой опасности. Куда бóльшую тревогу вызывает прослушивание звонков и видеослежка. Даже если всё происходящее в моём доме записывается и проверяется внутренней разведкой, ей трудно будет понять, что я пишу и что читаю. Стараюсь ничего против власти не произносить даже в пределах собственного дома. Возможно, я уже упоминал: я на хорошем счету у наших, и им в голову не придёт копаться в этом более подробно. Вот уже пятый месяц я веду этот дневник. И – никакой реакции со стороны босса, разведки и others.

Я ездил в нижний город. Сколько живу здесь, ни разу там не был. Не знал, как живут там местные люди, какие они и каково их понимание мира. На пропускном пункте въезда пришлось использовать свой чип для идентификации. Дежурный просканировал насквозь мой транспорт, ничего не выявил и пропустил.

И вот, я в нижнем городе. Нищета и разруха этого района не просто бросились в глаза, а начали жечь их, как едкий дым. Тухлый запах пробивался сквозь щели моего электромобиля, мне даже пришлось включить очиститель воздуха. Отвратительное зрелище открылось моим глазам: обшарпанные, некрашенные, облезлые, немые улицы, по которым бегал бытовой мусор, гонимый ветром; меня встречали ржавые заборы, люки, двери; окна жилых домов – грязные, пыльные, иногда без штор и тюля, иногда без стекол, обтянутые целлофаном. Я ехал по одной из улиц ада. По-другому не скажешь. Прохожие – в скудной и не самой чистой одежде; их лица – без эмоций, с ввалившимися глазами, в которых читались усталость и обречённость. Чаще всего я видел чёрнокожих. Даже птицы здесь не пели, не играла музыка. Только шум ветра, бегущих по асфальту склянок и рёв редко проезжающих автомобилей давно устаревших моделей. Иногда прохожие обращали внимание на мой car⁹. Кто знает, может, они впервые за свою жизнь видят такую дорогую машину. Но в эти минуты я не гордился своим социальным положением, а к собственному удивлению – застыдился. Я понимал, что они живут так только потому, что такие как я, живут в достатке и роскоши.

Бедность людей нижнего города – причина нашего богатства. Их покорность – причина нашей власти. На всём пути я пытался поставить себя на место каждого из них и прочувствовать их страдания, и чем лучше у меня это получалось, тем большей ненавистью к Системе я проникался. Мне становилось жалко себя и всех, кого Новый Мировой Порядок приносит и приносит в жертву... А они ведь тоже люди! Иудаизм с его цепным псом сионизмом, которые были для меня смыслом жизни, священной тайной, разгаданной только представителями еврейства, – обманули меня! Я верил в избранность моего народа... Теперь я стал много думать об этом... Больше, чем всю прожитую жизнь. Да и какой из меня теперь еврей? Кто я? Ашкенази? Украинец? Я, прежде всего, человек. Я человек, чёрт возьми! И теперь никто никогда не будет играть моими национальными или религиозными чувствами! Теперь я в этом плане я свободен! Я больше не позволю манипулировать моим сознанием, играть со мной, я не кукла! Раньше я смеялся над теми, кто становился жертвой Большого Брата. Но ведь я сам... Я сам – жертва! Все – жертвы! Каждый человек, на какой бы общественной нише не находился, – жертва. Ресурс. Мы все – равны, нет избранных и нет нечистых, это разделение есть только в нашем сознании. Теперь для меня всё явственней проступает искусственность, это пошлая наигранность в поведении среднего класса и элиты; их мечты, стремления и богатства – всего лишь иллюзии, временные декорации, за жизнь в которых они готовы продать себя и всех, кого смогут, со всеми потрохами, готовы унижаться и унижать других, готовы быть съеденными Системой. И лишь здесь, в этих бедняцких районах, в разрушенных городах Юга и Востока – жизнь настоящая со всеми причинами и следствиями! Вот – реальность, результат нашей работы! Какие мы молодцы! Вся красота и блеск современной цивилизации, богатство, мода, привилегии – это всё приходящее и уходящее, ширма, которая скрывает настоящее уродство эры человеческой гегемонии в мире; эти блага современной жизни – не больше чем прикорм, побуждающий самых бессовестных в мире людей служить интересам Большого Брата – Дьявола нашего времени, – вопреки законам морали и природы. Этот бес, Бафомет, создал современное общество, каким мы его знаем со всеми войнами, классовыми и религиозными расслоением и противостояниями. Всю жизнь я бежал от понимания этих простых, но очень страшных истин, которые очевидны для каждого ребёнка, каждого взрослого человека нижних городов и «третьих» стран. Они

⁹ Car (англ.) – автомобиль, машина.

знают о жизни больше меня. Всё это время от рождения до нынешнего момента я не был готов осознать своё реальное положение в мире. Я был воспитан ложью и мифами, созданными для взращивания убийц и подонков. It's finish. По старому пути я больше ни на шаг не сдвинулся, – решил я в тот момент, когда увидел на тротуаре очень худого чёрного мальчика, спящего у стены здания на картонной подстилке; рядом стояла банка из-под сливочного масла, в которой лежало несколько монет. Положение мальчика было каким-то неестественным для обычного сна, и я усомнился, жив ли ребёнок вообще. Выйдя из машины и подойдя к нему, я присел на корточки: «Эй, парень!». Тот никак не отреагировал. Я потеребил его за плечо. И почему-то в голову даже не пришла мысль, что, возможно, он чем-то болен, что я рискую заразиться. «Эй... Ты жив?». И опять ноль внимания. Я нащупал пульс на его шее – удары были едва ощутимы. Я оглянулся по сторонам и принялся сверлить мальчика взглядом. Опустил голову, закрыл глаза и тяжело вздохнул... «Всё к чёрту!», – выдохнул я, подхватил ребёнка на руки и отнёс к машине, положил его в багажник, и, развернувшись, поехал назад – к выезду из нижнего города. Дежурный снова хотел просканировать мой саг, но я надавил всем весом своего статуса:

– Будьте любезны, избавьте меня от этой унижительной процедуры!

Тот не стал спорить и выпустил из нижнего города без проверки транспорта. По дороге домой я спешно обдумывал место, подходящее для временного содержания мальчика. В какой-то момент я даже пожалел, что вообще его взял; риск был слишком велик. Но... «Всё к чёрту!», – говорил я себе, – «Я человек! Человек!».

Чем ближе к центру города, тем чище и приятнее улицы, веселее и опрятнее прохожие, теплее и чище воздух. Проезжая центр, я определился с местом, где будет находиться мальчик. Я увёз его за город, туда, где камеры не следили за моим передвижением – в уединённый райончик с семью домами и маленьким продуктовым маркетом. Внёс парнишку в мой бывший загородный домик, уложил на старую кровать и позвонил одной знакомой женщине: в своё время она сильно помогла мне. Когда она приехала и увидела тощего, чумазого чернокожего ребёнка, то сильно испугалась. «О Боже!», – она прижала ладони к щекам, – «Что случилось? Откуда этот мальчик? Он же беспризорник!». Я постарался успокоить её и объяснить, что я хорошо ей заплачу: «Я знаю: у вас медицинское образование. Определите, что с ним». «Необходима полноценная диагностика!». «Я просил захватить с собой медицинский набор. Он у Вас с собой?». Она кивнула, выпучив глаза, и продолжила паниковать: «А если он заражён! По всему „третьему миру“ ходит новая эпидемия! Вы понимаете, настолько это серьёзно?!». «Я почти уверен: он просто истощён. Не поднимайте истерику, в самом деле!», – я начал раздражаться.

«Ну... хорошо...», – она надела операционные перчатки, медицинскую маску, белый докторский халат и разложила на столе инструменты, – «Фу, как он воняет!». Я присел неподалёку и наблюдал за её действиями. В конце осмотра женщина сняла маску и уже спокойным голосом произнесла: «Я не обнаружила следов инфекции... Хотя данный метод не самый точный... Больше склоняюсь к тому, что у него просто истощение».

Я решил выходить его. Женщина, которую я вызвал к нему, потеряла работу ещё на первой волне экономической депрессии, и я предложил ей небольшой труд за очень неплохую плату. Она согласилась на мои условия: «Выделю Вам столько денег, сколько потребуется... Но жить Вы будете здесь», – Ей только надо было уладить вопросы с близкими; она солгала им, что накопила деньги на туристическую поездку в Арабские Эмираты и уезжает на неделю, но предупредила, что может задержаться ещё не некоторое время. Я позаботился о том, чтобы обеспечить безопасность и удобство на всё время её пребывания в этом доме.

Сегодня та женщина позвонила мне и сообщила, что мальчик идёт на поправку. Я очень рад. Намерен взять отпуск и поехать туда, как только он сможет обходиться без медицинского контроля.

Сегодня приехал к Jeremy, сказав Саре, что отправился в длительную рабочую командировку. Отдал его няне вторую часть зарплаты и отпустил женщину домой. На пороге она дала мне пару советов по уходу за мальчиком и добавила, что он очень сообразительный, и не всегда просто найти ответы на его вопросы.

Мой загородный дом за время её пребывания ожил, посветлел и стал ещё уютнее, чем был. Это дом моего отца, здесь до сих пор висят на стенах фотографии моих давно умерших родственников. Я вошёл в комнату, где находился Jeremy, поздоровался и присел рядом. Мальчик разглядывал картинки в книге, сидя на кровати, потом отложил своё занятие и посмотрел на меня. Его выразительный взгляд, казалось, пронзил меня насквозь. В эту секунду я осознал, никогда раньше не замечал, насколько люди чёрной расы могут быть красивыми. Я чувствовал, будто души всех людей, убитых мной, разом смотрят в меня из этих чёрных глаз. Но они не жаждут мести, вовсе нет, и даже не укоряют, – наоборот, они смотрят с чувством снисхождения взрослого человека над бравадой ребёнка. Глаза Jeremy затягивали мои мысли как воронки водоворота, поэтому я старался не слишком часто встречаться с этим взглядом. Разговор состоялся примерно следующий:

– О чём книга, которую ты читаешь?

– Я не читал, а просто смотрел... Я не умею читать...

Я хотел задать вопрос: почему? – но ответ напросился сам собой.

– Хм... Меня зовут Мануэль, – я пожал ему руку, – А как тебя зовут?

– Мама дала мне имя Джереми, чтобы я не отличался от остальных, но я не христианин.

– Хорошо, а что ты исповедуешь?

– Ничего. Религия говорит людям неправду.

– А что есть правда?

На этих словах он пристально посмотрел на меня, как бы усмехаясь.

– Этого никто не знает.

– Ну разве? Вот сейчас ты видишь правду? Вот здесь стоит стол, вот окно, дверь, – я показываю рукой на предметы, – Видишь тюль? Он голубого цвета. А стол – из стекла. Видишь? Ведь это же правда?

Он замотал головой, выказывая своё несогласие.

– Нет... Ты видишь и понимаешь то, что показывает тебе твоё тело: глаза, нос, уши, язык, кожа... Всё, что ты видишь, создано в твоей голове. Ты живёшь тем, что создаёт твоя голова. Когда ты спишь, тебе всё кажется правдой, ты можешь чувствовать прикосновение предметов, ощущать запахи, слышать... Всё, что происходит с тобой во сне, кажется правдой. Если даже там ты не уверен, спишь ты или бодрствуешь, то как можешь быть уверен, что здесь твоя жизнь – реальность, настоящая правда? Твоё сознание полностью зависит от твоей головы. Никто не знает, что такое правда.

– Кто тебе это сказал?

– Мама.

– Хм... Умная у тебя мама.

Мальчик улыбнулся.

– Мистер Мануэль, можно я пойду домой? Меня мама ищет.

– Мистер Разумовски, – поправил я его, и добавил, – Если ты сейчас появишься на пункте пропуска в нижний город, тебя арестуют, как беглеца.

– Но это Вы меня увезли оттуда! Если бы не Вы...

– ...Ты бы уже был мёртв.

Он возмущённо замолк.

– Я не боюсь смерти. Я бы просто проснулся в другом сне. В другом мире.

– Возможно...

– Всегда, когда мне плохо, когда я очень хочу есть, или когда мне тяжело жить, я успокаиваю себя: это всё существует только в моей голове, это просто результат работы моих нервных нитей. Кто я? что я? – мне эту загадку, наверное, никогда не разгадать. Где границы моего существования – мне неизвестно. Сон, в котором я сейчас живу, мне не нравится, это настоящий кошмар. Неужели ты думаешь, что я много потеряю, если умру?

– У тебя очень пессимистичный взгляд на вещи, – тяжело вздохнул я.

– А тебе нравится твой сон? – спросил он.

– Если назвать жизнь сном, то, скорее, нет, чем да...

– А я вот слышал, что как и в любом другом сне, здесь твой мозг – хозяин всего того, что происходит, и что силой мысли можно заставить мир быть таким, каким ты хочешь.

– И ты в это веришь?

– Я – да! Я думаю, что во всём этом нет ничего удивительного. Только я не умею этого делать... Почти никто не умеет.

– Ну ясно, – подытожил я; потом немного помолчал и начал новую тему, – Я буду жить с тобой в этом доме две недели. И придумаю, куда тебя пристроить.

Жегету как-то неохотно кивнул, и мне показалось, что у него есть возражения, которые он пока скрывает от меня. В общем, первый наш разговор состоялся не совсем так, как я запланировал.

Уже ночь. Третий день нашего с Жегету общения. Сегодня вечером я читал ему письма той девушки, конечно, переведя на наш язык.

«1 марта 19:35

Г. Царская Горка

Прекрасен вечер. Холодно. Я сижу у зашторенного окна в своей комнате на Польской улице и при свете настольной лампы пишу тебе письмо. Зима в этом году была сама на себя не похожа. Снега почти не было. С погодой творится что-то неладное... Знаю, чьих рук дело. Быть может, наконец-то докажут, что HAARP на Аляске тут не причём, даже если поверить в то, что эти километры антенн, будоражащие чувствительные слои атмосферы нашей планеты своими колкими разрядами электричества или чего-то ещё, – не для того, чтобы менять погоду в нужном для иллюминатов направлении. Даже если будет доказано, что эта гигантская мощнейшая антенная установка создана для других целей, я всегда буду знать, что мировое правительство нашло способ нагнетать тучи, ураганы, сильнейшие штормы, непрекращающиеся ливни, вызывающие наводнения, либо сдерживать облачность и обращать заснеженную тайгу в африканские курорты, а африканские курорты в заснеженную тайгу... А почему бы и нет?! Да, это должно быть под силу климатическому оружию. Поговаривают, что изобретено ещё и сейсмическое оружие, способное раздражать стыки между плитами земной коры под тем или иным участком человеческого обитания и с удовлетворением нашкотившего мальчишки-бродяги наблюдать за тем, как

в руины и обломки тел превращается неуютное изобретателю государство. Чего только не придумают! Пускай крутит у виска непросвещённый обыватель; совершенно очевидно: то, что ещё вчера было наивной фантазией, сегодня становится привычной реальностью; а то, что ещё сегодня кажется невозможным, завтра окажется легко достижимым. Так будь блажен всякий, кто ещё вчера достиг того, что даже завтра будет видаться миру невозможным.

Кем бы я была, если бы не твои уроки жизни? Мы живём во времена, когда люди не делятся своей мудростью либо из опасения быть услышанным властью (а это чревато последствиями), либо из переживаний за других, которые узнают и будут услышаны властью (и это опять же чревато...), либо не открывает своих знаний, просто-напросто ревнуя их к другим людям и желая почитаться самыми умными и скромными среди остальных. И лишь немногие понимают, насколько необходима человечеству правда здесь и сейчас; о, сколько шансов каждую секунду разбивается о камни общественного самолюбия и равнодушия. Ведь если бы даже половина тех, кто сейчас живёт по правилам навязанного глобализмом и «демократией» миропорядка, сбросила свои вериги и пошла против его бесовских законов, то ручаюсь: вся Система рассыпалась бы, как песочный замок, ведь именно они, простые люди, являются его фундаментом, своеобразными механизмами в этой глобальной машине самоуничтожения, захваченными токами денежной системы, словно электричеством; они увлечены в этот длительный процесс под контролем некоего одноглазого оператора, на фуражке которого вышит золотыми нитками сияющий треугольник, а на комбинезоне чётко прорисована буква «G». Я думаю, даже этот надзиратель – всего лишь исполнитель. Чтобы узреть всю картину мировой ситуации, мы должны пробить лучами прожекторов дымку многовековой тайны, скрывающую лица истинных господ мира. Верю, есть на свете люди, которые знают об этих теневых властителях и не только несут своё знание в массы тихо, почти незаметно, но также используют его в борьбе против глобального зла; что ж, вряд ли мы услышим о тех свидетелях, о тех рыцарях света от нашей глобальной корпорации лжи.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Письма ему очень понравились, и он попросил продолжения, хотя не понял и половины из всего услышанного.

Когда я закончил, оказалось, что Jeremy уже давно спит. Я отложил письма, поправил одеяло, подушку и ушёл спать.

Сегодня Сара каким-то образом выследила меня, наверное, когда я был в городе по делам. Она ехала за мной до самого дома, где я живу. Честно, я растерялся, когда увидел её на пороге. Как она кричала! «Где она?! Где ты прячешь её?!», – носилась она по комнатам, пока не ворвалась к Jeremy. Увидев чёрного ребёнка, смотревшего в окно, она застыла. Мальчик обернулся и миролюбиво, с ноткой удивления остановил на ней взгляд.

– Мануэль?.. – вопросительно посмотрела она на меня, – Кто это?

Я постарался натянуть улыбку на своё лицо.

– Это Jeremy...

– Я понимаю! – она начала поднимать голос, – Я спрашиваю: что он здесь делает?! Что ты здесь делаешь?! Кто этот ребёнок? – возмущалась она, – Или это твой?! Ты скрывал его от меня?! Ты переспал с чёрной?!

– Ты слышишь, что ты говоришь?! – я помрачнел и начал говорить громче.

В общем, между нами вспыхнула ссора. Я пытался объяснить ей банальные вещи, которые для неё, видимо, были невыносимы. Она не могла понять, как можно взять с улицы неизвестно кого, выходить его и полюбить. Она не хотела меня слышать, не хотела понять моих чувств, моих переживаний. Она хотела жить как раньше. «Ты изменился! Ты другой! Ты не Мануэль! Верни мне его сейчас же!», – рычала она. Я не отрицал: «Да, я изменился, но я стал лучше!». Она стояла на своём: «Мне не надо лучше, мне надо как раньше! Чтобы я его здесь больше не видела! Ополумел: бомжа в дом привёл! Так в один прекрасный день проснёшься в пустой квартире! И хорошо ещё, если живым останешься! Дай ему денег и пусть катится на все четыре стороны».

Jeremy стоял у окна, сжав руки в кулаки и глядя на нас исподлобья. Я отказался оставить беззащитного мальчика на улице. Сару это взбесило до предела, она хлопнула дверью и уехала. Женщина есть женщина, ею управляют инстинкты и эмоции!

– У тебя из-за меня большие проблемы, – констатировал факт Jeremy, – Мне лучше уйти...

– Нет! – отрезал я, – Ты останешься здесь! – возможно, это прозвучало грубовато.

Мальчик немного обиделся на мой командный тон:

– Я не пойду в нижний город... Не беспокойся. Попробую прижиться здесь. Может быть, здесь найдутся такие же добрые люди, как ты... Я буду работать и платить за ночлег.

– Я же сказал!

– Ты мне не отец, чтобы приказывать, – напомнил он.

Я и без того был крайне раздражён из-за испорченных отношений с девушкой, и мне было не до его капризов.

– Я тебя здесь запру и ты будешь сидеть столько, сколько потребуется! Это в твоих же интересах, – отчеканил я, но потом понял, что лучше смягчиться и объяснить глупышке, – Ты ещё маленький и многого не понимаешь! Нужно ценить помощь, которую тебе оказывают. В мире каждый день от голода гибнут тысячи таких, как ты. Я спас тебя, и будь добр ценить моё мнение.

Но обида уже закралась в сердце мальчика. Это было видно. Он недовольно произнёс: «Хорошо», и скрестив руки на груди, резко сел на кровать, насутился, уставившись на носки своих домашних тапочек.

– Не надо обжаться. Я твой телохранитель. Ангел. Я знаю, что для тебя сейчас лучше.

– Ты не ангел! Ты демон! – он бросил на меня злобный взгляд.

Я тяжело вздохнул и, вспомнив давний урок психологии, на пороге комнаты добавил:

– Хорошо, ты выиграл, можешь идти! Тебя никто не держит! Иди! Все замки для тебя открыты!

И ушёл.

Уже полночь. Я сижу в своей комнате и прислушиваюсь к шороху за стенкой: не собирается ли он, в самом деле, покинуть меня. Но пока тихо.

Не знаю, что делать со своей девушкой, как убедить её прекратить эти глупые истерики. Я же люблю её! Как она этого не понимает? Я не хочу потерять её и Jeremy. Почему я должен выбирать кого-то одного?! Вот глупая женщина! Будет она мне ещё условия ставить!

Manu. Меня зовут Ману. Я один из тех, кто противопоставил себя обществу лицемерия и страха, которым был рождён и воспитан. Я с трудом удержался от искушения сжечь дневник, который вёл в прошлой жизни; я был бы рад стереть её из своей памяти, включая все преступления, к которым был причастен, будучи юным и глупым, ведомым животными

инстинктами. Однако, вопреки моему желанию, она останется для меня колоссальным опытом, пройденным уроком, которым преподала мне сама Судьба.

Я давно раскаялся, но уже не смогу воскресить тех, кто умер по моей вине, не смогу вернуть кров, надежду и счастливую жизнь тем, у кого их отнял. Но я смогу дать тем, кто нуждается в них прямо сейчас. Больше года прошло с того момента, когда я сделал выбор, радикально изменивший меня и мир, которым живу. Ещё ни разу я не разуверился в том, что это было единственным верным решением за всю мою ничтожную жизнь. Я встал в ряды Сопrotивления, и с гордостью заявляю об этом...

Решил продолжить дневник. Но это не совсем продолжение потому, что может создаться впечатление, что те записи и эти написаны двумя разными авторами. Да, это действительно так. Мануэля Разумовского больше нет. Он погиб в перестрелке со своим подразделением, которое по приказу командования устроило облаву на этого офицера, как на дезертира и пособника террористов. Пожалуй, нет, он умер ещё раньше, когда нашёл в себе наглости прочесть письма, представлявшие «идеологическую опасность для общества».

Мы используем другой вид электричества для того, чтобы не быть обнаруженными спутниковой системой «Эшелон». Там, где мы прячемся, на данный момент тихо и спокойно. Жара спала. Я сижу в военной форме Сопrotивления за деревянным столом. В окно красными лучами заглядывает заходящее солнце. Скоро заступаю на дежурство. И не сомкну глаз до самого утра...

В дневнике нашёл письма той русской девушки, которые так и не успел прочитать по причине неожиданно настигших меня событий.

«7 мая 20:21

г. Царская Горка

«Мы благодарны „The Washington Post“, „The New York Times“, „Time Magazine“ и другим крупным изданиям, чьи директора посещали наши встречи и выполняли своё обещание сохранять конфиденциальность на протяжении почти сорока лет. Нам было бы невозможно разработать наш план для всего мира, если бы он был предан огласке в те годы. Но теперь мир стал сложнее, и он готов идти к мировому правительству. Наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия».

*Отрывок из речи Дэвида Рокфеллера,
произнесённой на встрече Трёхсторонней комиссии в г. Эссен.
Германия. 8-го июня 1991 года*

Ни один политический строй нельзя назвать подходящим для человечества, ибо он изначально основан на принуждении. Большинство недалёких людей, услышав подобную фразу, вешают на неё ярлык анархизма. Однако, зачем бросаться из одной крайности в другую? Порядок возможен без принуждения, и правители мира ни на мгновение не прекращают очернять своими провокациями это священное правило. Первопричина людской жестокости заложена в самой основе существования этой цивилизации, которая построена на неравенстве. Жестокость невозможно искоренить в обществе, которым правят страх и принуждение. «Новые тираны порождают новых убийц», – поётся в песне. Так же, как невозможно победить коррупцию во власти, исключается и полная победа над воровством народа, которое, как правило, всегда и везде совершается вкупе с преступлениями иного рода. Надо понимать, что существование денег это уже воровство. Устройство

денег и особенности их оборота, неминуемо создавшие неравенство и правовой разрыв в обществе, становятся причинами обострения всего возможного спектра пороков у подавляющего большинства.

Деньги, как современная основа общественного строя, противостоят истинной сути человека. Большое различие в уровне жизни разных людей, ставшее неотъемлемой частью денежной системы с этой воровской сущностью долгового процента, является главной тактикой кнута и пряника в арсенале мирового правительства. Люди, очарованные блеском и наслаждениями богатства, готовы на сделку хоть с самим Дьяволом, лишь бы урвать себе место под солнцем. Разве деньги – это стимул? Нет, деньги это – прежде всего, принуждение, заставляющее человека делать то, что противоречит его истинному назначению, данному самой Вселенной. Желание обладать большим количеством денег заставляет нас идти против самих себя. А если учесть, что банкноты и монеты уходят в прошлое, почти повсеместно превратившись в терабайты электронной памяти, то представь себе, что будет, если по какой-то причине произойдёт остановка большинства головных банковских серверов, ведь они все связаны так или иначе! Миф ценности денег взят из воздуха; весь их номинал – лишь разряды электричества, бегущие по нервным окончаниям наших извилин. Тогда что такое деньги без веры людей в их всемогущество?

Чтобы общество в рамках денежной системы двигалось по курсу, намеченному мировой элитой, необходимы сильные рычаги воздействия: возбуждения, сдерживания... Это – насильственная ипостась денег, а именно: армия, полиция, политика, спецслужбы, фармакологический бизнес и т. д. Более мягкое проявление силы денежной системы это информационные технологии, включающие все идейные, новостные ресурсы, все виды развлечений, религия («Боже, царя храни!», «вся власть от Бога»...), социальная инженерия и многое-многое другое. И каждая из этих сфер деятельности пронизана воровством, соперничеством, предательством, провокациями, убийствами... Преступления против человечности встречаются везде, начиная правительственными учреждениями, заканчивая самыми нищими подворотнями. Денежная система питается нашими преступлениями и страданиями. Она живёт за счёт них. Она – самое главное страдание людей за всю их ничтожную, бестолковую жизнь. Это наша самая большая глупость – поклонение золоту, бумаге, или если так угодно, – цифрам на экране, – как божествам, дающим всё, что пожелаешь. Измерение мира с помощью денежного эквивалента основано на мимолётном мираже; цена – это просто условность. Вселенная не оперирует категориями ценности; каждая частица в этой невысказанно бесконечной игре бытия выполняет свою роль, а потому в космосе всё ценно в равной степени, в нём нет иерархичности. Уровни есть только там, где обозначены верх и низ. А коли мы являемся частью Вселенной и потому равны по значимости со всеми остальными частями, то и само явление иерархии в человеческом обществе абсурдно и неестественно, оно может существовать лишь в рамках разума, балансирующего между да и нет, белым и чёрным, верхом и низом. Общество, мыслящее в двухмерной плоскости, никогда не освободится от жажды иллюзий. Именно такое мышление внедрялось сотнями лет в головы и сердца миллионов людей законом, религией, всяческими идеологиями, модами, наркотиками скрытыми и явными; при этом уничтожались хранители древних знаний. Мировая элита каждый день разрабатывает всё новые и более действенные методы искажения человеческого мировоззрения, его упрощения, деградации. Начиная со времён группы «Битл'с», они уничтожают гармоничную музыку, заменяя её атональной, т.е. музыкой ритма одной-двух нот, её удары имитируют ритм бьющегося сердца. Технология проста: барабан и другие схожие по звуку инструменты аналогичны по своей структуре и принципу звукоизвлечения с желудочками и клапанами сердца, которое задаёт тон работе всех органов тела; сердце – это часы нашего организма, части которого ориентируются во времени по биению сердца и потому действуют абсолютно синхронно. Схо-

жесть служит главным условием объединения; попадая в поле звуковых волн, аналогичных собственному ритму, сердце взаимодействует с ним и подстраивается под его особенности, изменяя свою мелодию ударов; таким образом, наши часы начинают идти так, как было задумано создателям атональной звуковой композиции. Только подумай, к каким последствиям в работе всех органов тела приведёт одно только изменение ритма сердца! А если зайти ещё дальше, то учитывая способность жидкостей к эмоциональному запоминанию, то представь какую кровь и в каком ритме (монотонно-медленном или сумасшедше-быстром) понесёт сердце всем частям тела!

В наше время мода на атональность практически полностью вытеснила богатейший спектр звуков и переливов естественной гармоничной мелодии. Музыка «новой эры», – по большей части неестественная, электронная, – не просто оупляет слух, она сильно вредит его рецепторам, несущим полученную из музыки информацию в различные зоны головного мозга. Давно замечено, что ритм её ударов дробит всякую мысль, образованную в голову слушателя, и окончательно расстраивает способность человека вести долгое и глубокое размышление. Таким образом, была изобретена музыка, вызывающая разные негативные психические состояния. С помощью частого и громкого прослушивания некоторых песен можно довести человека до суицида, эпилепсии или сумасшествия. Это опасное оружие, и самое страшное то, что оно действует на массы людей абсолютно законно и всячески поощряется, а порой используется по заказу самих властей. Кто изобретает такие вещи, мы знаем; нет надобности повторяться.

И так урезается всё, что должно нести людям знание и мудрость; искажается и упрощается язык, литература, искусство, жизненный уклад, культура поведения, ход общественной мысли... Русский язык калечат уже давно; ещё задолго до Луначарского его кромсали первые Романовы и Пётр I, вырывая из окровавленного тела русской речи целые органы, нарушая, таким образом, работу всего организма. Это и понятно: плебейм не нужен язык победителей, язык духовно богатый, насыщенный сильнейшими образами и звуками, благотворно действующими на телеса и сознание говорящего. Вместе с остальными сторонами человеческой жизни упрощаются театр и кино, напиваясь всё большим насилием и стержовностью, ибо Система человеческого миропорядка питается и существует за счёт таких качеств; важно помнить это, чтобы понимать причину ежедневных перемен. Трудно не заметить, насколько все они, проявляясь в разных сферах общества, синхронны друг с другом, насколько очевидны их взаимосвязь и системность; и оттого трудно не поверить в эту идею глобального заговора против человечности и мудрости. Теперь искусство и литература, всегда подчинявшиеся так или иначе веяниям современности, теряют статус законодателей морали, выгрызаемые изнутри червями самолюбования и соперничества. Теперь законодателями морали становятся масс медиа, поддерживаемые деньгами международных корпораций и холдингов, вдохновляемые социальными инженерами, извращёнными философами и жестокими идеологами «золотого миллиарда». Литература влачит своё жалкое существование в эпоху вымирания бумажных книг, ставших теперь символами забытой народной мудрости и старых идеалов; новая литература стала не более чем средством увеселения тех немногих, кто всё ещё не отказался от чтения бумажных книг и чтения вообще. Язык потерял главную функцию, – передачу мудрости через дыхание живущих в сознании многомерных образов, – и продолжает превращаться в нечто малозначащее для человека. Однако, специалисты массового психического воздействия по-прежнему удачно используют языковые хитрости для убеждения и побуждения людей к тем или иным действиям.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Новая жизнь. Я смотрю на мир другими глазами. Словно я переродился в другое тело, пусть и похожее на предыдущее. Вокруг меня другие люди, другие идеи, другой уровень жизни и мировоззрения. У меня другая работа, точнее, дело жизни. Всё кругом и во мне – другое. И только одно осталось неизменным – борьба. Борьба за ресурсы и влияние. Более очевидным для меня стало то, что в реальности из человеческого общества стёрты такие понятия, как закон, справедливость и право; вероятнее всего, я осознал это в полной мере только тогда, когда ощутил отсутствие всего этого на самом себе. В этом мире каждый сам за себя; даже офицер элитного подразделения, ашкенази, дитя сионизма рано или поздно обречён быть проглоченным его же породившей Системой. Борьба против Неё, на сегодняшний момент, является самым страшным «грехом» на свете, куда более страшным, чем самые жестокие преступления против человечества. Ещё бы, ведь именно такими преступлениями славится царство Большого Брата. Чаще всего те, которые не знают реального положения дел на Земле, поверив росказням пропаганды, считают защиту нынешнего миропорядка своим священным долгом. Где-то в глубине их жалких душонок прячется страх перед неизвестностью, которая ожидает мир человеческий после падения существующей Системы. Общество, знающее только один путь и идущее только по протоптанной дороге, не способно вообразить, что в любой момент можно выйти за рамки, установленные Большим Братом, и идти по иному пути: не по тропе, усыпанной костями и залитой кровью под прицелом лазерных винтовок и ядерных ракет, а по полю, поросшему разнотравьем и озарённому светом восходящего солнца. Система делает всё, чтобы люди не задавались главнейшими вопросами морали, не брались за изменение общества всерьёз, не спрашивали друг друга и самих себя: «Неужели мы не можем жить по-другому? Неужели это единственный путь?». А те, кто задаёт эти вопросы на всю страну, на весь мир, рано или поздно становятся жертвами шакалов, следящих за строгим выполнением планов по установлению Всемирного государства. Будь я простым человеком толпы и если бы когда-то сам не принимал участие в осуществлении этой глобальной затеи, я бы ни за что не поверил во всё это. Всякому, кто попытается убедить меня в мифичности данной истории, рискует получить тройную порцию горьких и нелицеприятных фактов, свидетелем которых я стал.

Утренняя прохлада и вечернее умиротворение способствуют усилению задумчивости, углублению философских раздумий. Я увожу свои мысли всё выше и выше, под самые облака. Я как будто смотрю на нашу жизнь с высоты облаков, и очевиднее для меня становится вся трагичность происходящего. Иногда мои мысли заходят так далеко, что мне самому становится жутко и одновременно радостно от того, что я начинаю воспринимать вокруг: я могу слышать звуки, которых прежде никогда не слышал, передо мной проявляются во всей красе удивительные явления, которых я раньше не мог чувствовать и видеть. Этот мир разрастается вокруг меня с бешеной скоростью, я растворяюсь в нём, точно дымка, на пару минут нависшая над оврагом, и порой становится неопишимо страшно, когда я теряю дорогу назад, в мою привычную жизнь.

Теперь я начал ценить каждое мгновение, каждую частицу изменений, отмеряющую собой очередную каплю времени. Я не жив и не мёртв, я вышит из мысли и слова Бытия, я вечен и всемогущ, как и всё во Вселенной.

Всё яснее и глобальнее для меня становится мысль о том, что мельчайшая кроха времени, прожитая нами, и все перемены, привносимые ею, неповторимы! Больше никогда! Никогда не будет точно таких же фраз с точно такой же интонацией, таких же мыслей, взглядов, прикосновений, звуков и ощущений; природа и космос больше никогда не повторят того же самого один в один со всеми нюансами и мельчайшими подробностями. Каждую секунду происходят изменения, в корне меняющие нас и всё вокруг, и органы чувств любого

существа не способны уловить реальную быстроту, с которой меняется Вселенная. И мне до слёз жалко и одновременно радостно прощаться с тем настоящим, которое уже давно стало прошлым. Я уже привык видеть свою жизнь, как часть истории; это особая смесь грусти и счастья смотреть на происходящее глазами будущего, словно я – человек двадцать третьего века, который изобрёл машину времени и оказался здесь и сейчас. Окидываю взором окружающий меня быт, людей, природу, и всё кажется таким чужим, таким странным, в некоторых моментах даже диким. Я смотрю на всё, окружающее меня, как бы свысока, с высоты своего нравственного и интеллектуального превосходства. И убеждаюсь: я здесь случайный прохожий, путник, заблудившийся и забредший в неизвестные мне дали. А иногда я пробую представить себя человеком прошлого и всё равно испытываю те же ощущения. И тогда понимаю: нет эпох и мгновений, довлеющих над остальными по значимости и важности. Все они равны и слиты воедино, между ними нет границ, как таковых; мы не в состоянии это осознать потому, что нашим органам чувств ведомо только раздробленная и классифицированная информация.

Бросив свою прошлую жизнь со всем её содержанием: родными, друзьями, работой, религией и родиной, я стал просто человеком, но человеком свободным. Я благодарен девушке, письма которой оживили, раскрыли мою душу. И для меня теперь нет ближе и роднее этого человека. Даже если её уже нет в нашем мире, она всегда со мной, в моём сердце. Она мой ангел: бережёт от ранений и гибели. Иногда по ночам я слышу шаги в моей комнате, ощущаю, как прогибается постель, точно эта девушка садится на кровать и подолгу смотрит, как я сплю. Она давно не снится мне. Не знаю, почему. Я соскучился. Приснишь мне ещё хотя бы раз.

А я искренне верил в то, что мои братья по духу и делу жизни не ведут за мной слежку. Но, оказывается, отдел собственной безопасности давно завёл на меня дело по подозрению в пособничестве мировому терроризму и предательстве родины. Jeremy на тот момент сбежал, найдя и прихватив с собой письма и мой дневник. Вероятно, они заинтересовали его, потому что я много раз зачитывал ему отрывки из них. И лишь потом я понял, что сама судьба таким образом помогла мне сохранить мой дневник и те письма... Однажды в мой дом и на дачу нагрянул спецназ... Наверно, будет лучше рассказать эту историю более подробно...

Прошло, примерно, две недели с того момента, как утром я обнаружил пропажу мальчика. Он сбежал ночью после нашей ссоры. Я страдал, подобно отцу, преданному сыном. Признаю свою вину. Многого не учёл. Почти сразу я уехал в большой город, и продолжилась моя прежняя жизнь, мои суровые рабочие будни, но рядом уже не было Сары, девушки, которую я считал практически своей женой. Я хотел помириться, но она восприняла произошедшее радикально, прокляла день нашего знакомства и запретила мне даже попытаться связаться с ней. Я чувствовал себя самым одиноким человеком на свете. Я был уверен, что таким образом Yahve¹⁰ мстит мне за предательство моего народа. На тот момент моя совесть ещё только прорезалась, точно коренные зубы у ребёнка, взамен выпавших молочных. Прозрение приходило постепенно... Во мне спорили два внутренних голоса подобно двум разным личностям с противоположными точками зрения. Работа, которую я раньше любил, давалась мне всё тяжелее. И это не могло не вызвать подозрений у соратников и начальства.

Ранним утром, в глубоком сне, я блуждал по бесконечному лабиринту коридоров с несметным количеством дверей. Я не мог понять, где нахожусь, и существует ли вообще

¹⁰ Yahve – иудейский бог.

выход оттуда. Я надеялся найти хоть одну живую душу, хоть какой-то предмет, но вокруг царил мёртвая тишина, прилипшая к стенам и потолкам коридора. С каждой минутой надежда угасала. И вдруг мне вообразилось, что я единственный живой человек на этом свете, и свет этот состоит из одних только коридоров и дверей. Жуткое чувство, как вспомню... И когда вера в чудо была потеряна, я почувствовал, как чип в моей кисти врезался между костями, уходя в глубь руки. Явственно ощущалось, как он вошёл в мою вену и, растворившись, превратился в какую-то ядовитую жидкость; она потекла по жилам, причиняя резкую боль. Я пришёл в ужас! Эта жидкость вела себя как живая! Она проникала в каждую клеточку моего тела и привносила в ней чудовищные изменения. Иммуитет сопротивлялся кое-как. Я упал на колени и с трудом держался, чтобы не потерять сознание. И вдруг знакомый голос той самой девушки из снов надрывно крикнул мне откуда-то из-за спины: «Беги!!!». И я, собрав последние силы, встал с коленей и бросился бежать. Чувствуя за собой погоню, я бежал по коридорам, сворачивал во всё новые и новые повороты, пока, в конце концов, не дёрнул ручку запертой двери, из-под которой через щель струился белый свет. Я из последних сил принялся дёргать за ручку, колотить в дверь, но выбился из сил и в изнеможении упал на колени. ОНИ стояли передо мной. «Считывайте!», – сухо скомандовал знакомый мужской голос. Я не успел взглянуть на них, как жидкий яд вонзил невидимые клещи в мою голову, и в полусознательном состоянии я отчётливо, со всеми запахами, звуками, ощущениями и эмоциями переживал в бешеном темпе все события моей короткой жизни. Последним, что я увидел, были бесконечные коридоры с несметным количеством дверей и безликие тени, стоявшие надо мной. Затем в сознании наступила абсолютная темнота. Кажется, моё тело рухнуло на пол. «Обнуляйте!», – глухо прозвучало где-то рядом... Я умирал...

...И вдруг очнулся. Сердце бешено колотилось, дыхание участилось, перед глазами плыл туман, а в ушах звенело; я пропах потом и страхом. Присел на кровать, держась за голову... Зачем я так напился вчера! С трудом встал на ноги, подошёл к окну, заглянул во двор, подошёл к экрану, включил трансляцию. По каналу шёл какой-то остросюжетный фильм; и неожиданно для меня из динамиков раздался женский крик: «Беги!!!», и прогремели киношные выстрелы. Шок электричеством пробежал по спине. Я бросился к окну: к моему забору подъезжали служебный транспорт спецназа, из которого выбегали вооружённые бойцы. Я быстро надел майку, шорты и кобуру, достал фонарик и, вооружившись огнестрельным оружием и ножом, начал быстро спускаться в подвал. Открыл проржавевшую дверь, ведущую в старый подземный тоннель с низким потолком, и вылез наружу на заднем дворе соседнего дома. Я всегда знал про этот проход, вероятно, когда-то оба эти дома принадлежали одной семье. Никогда не думал, что однажды он спасёт мне жизнь! Я прокрался в соседский гараж, сел в машину, завёл её и выехал на дорогу. Не проехал и ста метров, как за мной уже гнались штатские машины. В неизвестном квартале с какими-то по-бедняцки узкими и не самыми чистыми улочками мне удалось запутать этих охотников за головами. Я заглушил двигатель и кинулся к фуру с открытым кузовом, залез и спрятался в горах мешков с чем-то сыпучим. Водитель вышел из здания, сел за руль. Машина тронулась с места, и я в полутьме, практически наощупь, стиснув зубы, кухонным ножом сделал глубокий надрез на тыльной стороне кисти, достал капсулу с чипом и, выглянув из кузова, выбросил её в одно из открытых окон первого этажа. Только я успел нырнуть обратно в горы мешков, как из-за угла дальнего дома появилась штатская машина. Она шла по сигналу, издаваемому моим чипом. Фура, в кузове которой я прятался, выехала на главную улицу, и, смешавшись с потоком разнопородистых машин, ускорила ход. Так я оторвался окончательно.

А кровь в месте пореза не останавливалась! Я зубами разорвал майку, попытался затянуть рану, но вдруг машина остановилась в одном из производственных районов. Я замешкался, не успел вылезти из кузова и был обнаружен двумя рабочими. Они приказали

спуститься на землю. Я настороженно вылез из кузова, готовый в любой момент открыть стрельбу. «Руки вверх! Кто такой?! Что ты там делал?!», – они подошли ко мне, поднявшему руки над головой. Когда слишком близко приблизились ко мне, очевидно, чтобы обыскать, я достал оружие и взял их под прицел. Надеялся ускользнуть. Но из дома, возле которого припарковалась фура, вышел ещё один рабочий, вооружённый посерьёзнее меня, и, пригрозив превратить в пепел, приказал опустить оружие. Так я попал в плен. Эти люди остановили кровь на руке и пристегнули меня наручниками к трубе так низко, что я мог только сидеть. Под вечер, когда в помещение, где меня держали, вместо людей в военной форме вошли люди арабо-индийской внешности, я понял, куда попал.

Во время жестокого допроса вскрылось, кто я и что я.

– От тебя мало пользы. Засланец ты или беглец, для нас не имеет значения. Надо казнить тебя, как врага человечества. Но прежде нам нужна информация... Мы её вытянем. А потом ты умрёшь, – равнодушно проговорил один из них.

Я попытался объяснить, что сам пошёл против военного начальства и глобальной Системы, бежал и ищу убежища. Но мне не поверили. И это было вполне ожидаемо.

– Мы не придаём значения ни единому твоему слову, исчадие ада. Правда говорится под страхом смерти, под пытками... Ты будешь просить нас о смерти, будешь умолять... Только от тебя зависит, как долго ты будешь мучиться. Что поделаешь: мы вынуждены действовать в рамках закона военного времени. А ведь это вы начали войну, которая продолжается уже несколько веков и предстаёт под разными личинами. Вы виновны в том, что каждый день на планете гибнут миллионы людей от самых разных бед, созданных вами. Кому, как не вам, знать, что никогда человечество, покуда царствует Большой Брат, не получит те истинные блага, те безопасность и равенство, под стягами которых вы вершите свои дьявольские дела. Будь ты проклят, сын Сатаны.

Один из его людей подошёл ко мне, достал стрелковое оружие и приставил дуло к моей ноге. Я застыл... Замер... Внутри душа вся вздыбилась. Они превратят меня в грудку окровавленного мяса! Я взглянул испуганными глазами на того, кто говорил со мной, являясь самым главным в этой «компании». И меня осенило. Рубец! Рубец на щеке! Палестина, Сирия, Ирак, Афганистан... Я видел этого человека во сне, я был им... Как его звали?! Имя! Имя!

– Разрешите мне покаяться, – вдруг вырвалось из моих уст, – Последнее слово!

Мой мучитель вопросительно посмотрел на главного.

– Хм... – задумался тот.

– Это моя последняя воля. Умоляю вас! – обречённо произнёс я сдавленным голосом.

– Хм... Ладно, – главный кивнул, глядя на моего мучителя, дав ему знак убрать оружие, и тот выполнил приказ. В это время секунды шли за дни: я прокручивал в своём воображении тот странный сон, в котором видел этого человека, ставшего главарём какой-то подпольной организации, и в котором лично переживал его детство и юность. Кто-то из близких называл его по имени, но кто именно? Мать? Сестра? Любимая девочка? Лучший друг?

– Я виновен. Я ненавижу себя не меньше, чем вы. Я виновен. Я виновен в том, что родился в еврейско-украинской семье и ходил в синагогу... виноват, что любил свою семью, народ и страну так, как научили родительское воспитание и общественная культура... виновен в том, что воспитан хитростью, ненавистью и эгоизмом. Но не виновен я в том, что рождён человеком с душой и совестью, что однажды полюбил врага и предал всё, чем раньше жил! Не виновен в том, что понял ошибочность и несостоятельность собственных убеждений. Что однажды поставил под сомнение всё, к чему шёл, за что сражался и чем дорожил больше всего на свете. Судьба подбрасывает нам задачи, казалось бы, совершенно неразрешимые, и каждый раз, когда мы оступаемся, она бьёт нас, преподавая очередной урок, прощает, несмотря ни на что, и никогда не отбирает право на исправление! Снова и снова она даёт нам шанс, и зачастую – не в этой жизни, а в другой. Ведь даже мальчик, плюю-

щий в тарелку сестры, чтобы отобрать у неё обед, в конце концов, будет просить прощения у Бога, и Бог отпустит ему грехи. Бог даст ему второй шанс, зная, что его вина лишь в том, что раннем детстве он потерял отца и рос без должного воспитания. Не так ли, Салам?! – я посмотрел прямо в глаза человеку, которого видел в своём сне; сейчас он выглядел намного старше, и седина уже наполовину выбелила его когда-то чёрные, как смоль, волосы. Я вдруг понял, кто сидит передо мной. Это сам лидер «Сопrotивления»! От моих последних слов выражение его лица поменялось. Чёрные бездонные, как океанская пропасть, глаза сверкнули в лучах тусклого вечернего света, струящегося из окна.

– Наджам Хан, теперь можно? – солдат вновь приставил оружие к моей ноге.

– Нет! Подожди... – главарь остановил его, нагнулся ближе и прищурился, сканируя меня глазами, – Откуда ты знаешь моё детское имя? Я сменил его сразу после атаки на мою деревню. Его никто не знает, даже спецслужбы.

– Наджам Хан, возможно, у него есть какие-то другие источники, – предположил один из его людей.

– Исключено! – отрезал тот, – Я всё подчистил. В той бойне никто из моих родных и близких не выжил.

В общем, нет смысла пересказывать наш разговор, главное, что Салам, он же Наджам Хан, лидер «Сопrotивления», пощадил меня и принял в свои ряды. Он принял моё появление в его жизни как знак свыше. Мне же самому долго не верилось в чудесное спасение, за которое я благодарен этому совпадению; оно показало мне, насколько реальна незримая связь между всеми событиями и живыми существами во Вселенной.

С того дня мне не давал покоя вопрос: кто показал мне во сне Наджам Хана, будто бы зная, что обстоятельства рано или поздно сведут нас? Может, сама Судьба? Через несколько дней мы покинули страну на корабле и осели в Азии.

Вся имевшаяся у меня секретная информация военной разведки Северо-Американского союза перестала быть секретной, по крайней мере, для высшего командования «Сопrotивления»; я выдал им всё: местонахождение и планировку военных баз, пароли, секретные разработки, компьютерное, иное оснащение армии, персонал, – всё, что знал я и о чём догадывался... Я обучал смуглых мальчиков и юношей различным системам рукопашного боя, методикам развития физической и эмоциональной выносливости и просто по-отцовски, побратски наставлял. Высшее командование советовалось со мной в стратегических вопросах и каждый раз убеждалось в эффективности предлагаемых вариантов. Я быстро заслужил уважение среди своих новых соратников, однако не все могли привыкнуть к тому, что бывший сионист полностью отдаёт себя освободительному движению.

Здесь давно взяли за добрый обычай обращаться друг к другу только так: к равным по возрастной категории – «брат» или «сестра», к старшим – «отец» или «мать», к младшим – «сын» или «дочь», к самым маленьким – «внук» или «внучка». Но без фанатизма: внутри семейных пар, конечно, обращения «брат» – «сестра» не было. Здесь я обрёл настоящую семью. И это чувство... оно не передаваемо! Вне зависимости от национальности, цвета кожи, культурной и языковой принадлежности, все здесь родня! А разве все люди не родственны? На собраниях «Сопrotивления» народы и племена с самыми несовместимыми различиями и противоречиями живут и радуются разнообразию точек зрения, истинно уважая желание другого человека, его право на свободу мысли и выбора образа жизни. Никто никого не убеждает в собственной правоте, не пытается навязать кому-либо своё мнение и не ставит его превыше других. Прежде я не верил в то, что такое единство народов возможно. А теперь я растворился в нём... Я счастлив! Во многих странах мира, в их бедных и малозаселённых районах есть наши базы, в которых мы живём и строим наши планы по атаке на войска всемирной армии, что взяла под контроль большинство больших и малых государств. Многие жители нижних городов, деревушек и нищих кварталов регулярно посещают наши

базы и помогают, чем могут, другие живут и трудятся прямо там, обслуживая наш военный персонал.

Теперь я живу по-настоящему. Я жив! Теперь я вижу и чувствую то, о чём писала Настя в своих письмах. Я научился радоваться каждому новому дню, каждой мелочи жизни и только теперь понимаю, что в мире не существует мелочей. Боже, как я вас люблю! Я отдам всего себя, чтобы обеспечить этих людей всем необходимым! Я буду до самого конца стоять на защите наших рубежей!

Кстати, я ещё не писал о том, как нашёл свой дневник? Несколько месяцев назад Наджам Хан направил меня в Африканское отделение «Сопrotивления». Наши воины, набранные в своё время из местных парней, готовились к диверсии против размещённой в том районе военной базы всемирной армии. Солдаты этой базы разве что на языке журналистов назывались «миротворцами». Местные жители их боялись, потому что вместо того, чтобы поддерживать мир и порядок, эти бойцы занимались прямо противоположным и чувствовали себя абсолютно безнаказанными. Когда я туда приехал, в одном из наших штабов мой африканский коллега обмолвился о парнишке-беглеце, носившего в народе прозвище «мальчик-мудрец». Я и мой сослуживец Wajahat¹¹ попросили его показать этого паренька, и мы втроём отправились в деревню, где, по слухам, жил юный пророк. Два часа мы искали его дом, пока, в конце концов, чернокожая женщина (как я понял, тоже из нашего движения) не провела нас в свой дом и не позвала мальчика по имени. К моему неопиcуемому удивлению, она крикнула: «Jeremy!». Я остолбенел: в прихожую вышел мой изрядно похудевший и бедно одетый маленький друг, которого я однажды спас от смерти, дав ему кров и достойную жизнь. Мы посмотрели друг на друга; он узнал меня: стеснительно улыбнулся и посмотрел на женщину. Она что-то сказала ему на своём африканском наречии. Не дослушав её, Джереми медленно двинулся к нам, но потом сорвался с места и бросился мне на шею. Я чуть не расплакался. Женщина удивилась. «Forgive me!¹²», – по-английски сказал мой мальчик дрожащим голосом, – «Прости меня, пожалуйста! Я обманывал тебя!». Он посмотрел на меня блестящими от слёз глазами. Я с трудом сдерживал эмоции, пряча их за застывшей улыбчивой маской.

Вечером я отпустил своего коллегу, решив остаться в деревне до утра. Джереми вернул мне мой дневник, и я даже поначалу сказал ему: «Оставь себе», но он уговорил забрать его. Хорошо помню нашу с Джереми полуночную беседу на крыльце дома под звёздами африканской саванны, в холодных лучах крупной луны. Он рассказал мне историю своего побега из особняка родного отца, которым оказался один из директоров крупнейшей международной корпорации по производству военной техники для армии Большого Брата. Это произошло, когда мальчику исполнилось 6 лет, он отказался ходить в школу и делать всё, что приказывал отец. Мать свою он потерял, когда ему было 4 года. Возможно, именно смерть матери, которую он горячо любил, подтолкнула на жёсткую конфронтацию с отцом, ставшего настоящим врагом. Джереми почему-то именно отца обвиняет в смерти матери. Мутная история. Потом был побег, но отец долго ребёнка искать не стал. По рассказу мальчика можно сделать вывод, что отец особо не убивался горем по пропавшему сыну, вздохнул с облегчением и продолжил спокойное управление любимым бизнесом. Однажды активисты «Сопrotивления» подобрали и приютили маленького беспризорника, дали ему кров и новую семью. Он вызвался быть юным разведчиком в бедных районах одного из крупнейших городов Северо-

¹¹ Wajahat (Ваджахат) – азиатское мужское имя.

¹² Forgive me! (англ.) – Прости меня!

Американского союза. Он занимался этим делом до тех пор, пока какие-то люди не схватили его, не увезли его в нижний город и не оставили там без связи со своими людьми и без средств к существованию. Тогда-то в его жизни и появился я... Когда жизнь мальчика висела на волоске.

– А знаешь, кто были эти люди? – вдруг спросил он меня.

– Люди Большого Брата...

– ...И люди Наджама Хана, – неожиданно продолжил Джереми.

Вероятно, я ослышался.

– Наджам Хана??? – переспросил я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

– Да... Ты веришь ему?

– Yeah, sure¹³. В чём я должен ему не верить?

– А я не верю. Ты никогда не задумывался, как он смог сбежать из сионистского плена? Что это за лаборатория, которая дарит нам секретные разработки? Что это за электричество нового поколения? Античипы? Почему люди «Сопrotивления» так легко проходят блокпосты? Почему они остаются чаще всего не замеченными, когда везде камеры, всё сканируется и отслеживается?

– Не понял, к чему ты ведёшь. Кстати, кто тебя привёз сюда из Америки?

– «Сопrotивление»... но не по указу Наджама Хана. Меня забрали сюда мои земляки. Надеюсь, Najam Khan¹⁴ не знает, что я жив, – он помолчал, потом продолжил. – Ты знаешь, я раскусил его, – тихо проговорил он.

– Стоп! Стоп! Стоп! – остановил я его, – Джереми, ты понимаешь, кого ты сейчас оговариваешь??? Этот человек не просто руководит азиатским отделением «Сопrotивления», он создал всё это! Мы освобождаем миллионы людей из-под гнёта Большого Брата – только благодаря Наджаму Хану! Он объединил нас всех, чтобы население Земли стало, наконец, свободно и само вершило свою судьбу...

Джереми тяжело вздохнул.

– Ну и не верь. Это твоё дело. Я просто тебя предупредил, – сказал он, и после нескольких секунд раздумий перешёл на другую тему, – В некоторых африканских племенах с древних времён ходит легенда о нелюдях, которые пришли из другого мира и смешались с нашими женщинами... До этого люди жили по законам чести и справедливости, но чужаки перевернули жизнь с ног на голову, извратили людей и стали королями новой цивилизации. А в Европе (или где-то там) была целая идеология, посвящённая этой истории. Она утверждала, что мир, который мы видим, создан чужаками из параллельного мира, что это всё – декорации, и все наши проблемы созданы искусственно, чтобы мы барахтались в собственной грязи и никогда не смогли увидеть реальный мир. Эти чужаки питаются нашими самыми низменными чувствами, которые существуют на одном уровне с миром этих существ.

Я не знал, как реагировать на слова мальчика. Уж слишком серьёзно он говорил.

– А ещё... Люди этой идеологии считали, что чужаки из другого мира смешались с нашими женщинами и образовали королевскую династию, которая расползлась по большинству стран и стала управлять ими. Так началась известная история человечества с его конфликтами, деньгами, вечной борьбой за ресурсы... – он посмотрел мне в глаза, надеясь найти в них понимание, – Сейчас власть этих чужаков называют властью Большого Брата; этот глаз принадлежит нашему всемирному королю, и он следит за процессом окончательной оккупации нашего мира, – голос мальчика стал громче и возбуждённее.

– Джереми... Ты уже достаточно большой, чтобы верить в сказки.

¹³ Yeah, sure (англ.) – Да, конечно.

¹⁴ Najam Khan – Наджам Хан.

– Это ты ребёнок, если веришь, что какая-то добрая исследовательская лаборатория дарит нам самые лучшие в мире разработки, способные сделать нас незаметными для радаров... Мне кажется, мировое правительство делает вид, что не может вычислить местонахождение наших баз. Вся проблема в том, что вы все до одного верите Наджаму Хану!

– Ну ты и фантазёр... А ведь я говорил: дети и политика – вещи несовместимые! Ладно... Я иду спать, — я встал.

Джереми обиделся.

– Хорошо... – он попытался показать безразличие, – Иди, но потом ты вспомнишь мои слова.

И я ушёл, а Джереми остался сидеть на крыльце дома. В постели я долго ворочался: слова мальчика отчего-то не давали мне уснуть. Сна было ни в одном глазу. Я встал с кровати, вышел на крыльцо и опять сел рядом с Джереми, запрокинув голову к небу.

– Почему не спишь? – спросил я.

– А ты?

– Не хочется.

– Вот и мне... не хочется.

Я тоже поднял взгляд. Над нами висела огромная бездна, наполненная миллионами застывших в воздухе светлячков-звёзд. Подсвечиваемая сзади мощным прожектором, на невидимых нитях над нами повисла луна.

– Знаешь, почему я не хожу в школу, не учусь буквам и цифрам?

– Не знаю.

– Потому что я хочу видеть больше, чем вы. И я вижу. Вы же не самую реальность видите, а слова и числа. Настоящего мира вы видеть не можете, потому что думаете и понимаете всё происходящее только с помощью каких-то органических понятий. Это самообман. Вы уродуете своё сознание. Зачем? Всё ваше образование построено на ошибочных законах и учит смотреть на мир неправильно. Дети изначально видят намного больше вас, а вы учите их приспосабливаться в царстве денег, где каждый человек обречён всю жизнь бороться за крохи со стола богачей.

Он говорил так уверенно и так искренне, так справедливо, что я начал верить в его слова. Да, пожалуй, он был прав.

– Ладно... Тогда что есть реальность? – поинтересовался я, – Ты сам-то знаешь?

– Это сложный вопрос. Я думаю, что это... Истина, которой мы почти не знаем, – сказал Джереми и задумался.

– Истина... – я тоже погрузился в размышления.

– Представляешь, какая это вечность? – он поднял голову к небу. И я последовал его примеру.

И мы долго сидели вот так, молча, вглядываясь в бездонные недра ночного неба. И бог весть какие мысли приходили нам в голову. В памяти всплывали голоса и запахи из моей прошлой, североамериканской жизни, а сгустки звёзд как будто выстраивались в знакомые мне человеческие силуэты и пейзажи.

Конечно, эту беседу я воспроизвёл здесь своими словами, потому что дословно её не помню. Но основную идею я, думаю, передал.

Утром я попрощался с Джереми, поблагодарил его маму за гостеприимство и уехал. Меня ждали обычные партизанские будни.

Вчера мы успешно провернули очень сложную операцию, к которой готовились три месяца. Не буду вдаваться в подробности, не имею права. А вечером в честь этого события был устроен небольшой праздник.

Пока помещение заполнялось народом, по обыкновению, можно было услышать байки молодёжи или притчи стариков. Прозвучало несколько интересных историй, и слово взял дед Аhtar¹⁵, смугловатый седой пухтун¹⁶, одетый в светлые свободные одежды. Он известен всем как один из самых мудрых и старых людей этого района, но никто, включая самого деда Ахтара, не знает его точный возраст. Мужчины, юноши и мальчики окружили его, сидя, подобно самому рассказчику, в позе лотоса на узорном ковре; женщины, девушки и девочки сидели в скромных женственных позах. Дед молвил:

– Когда-то я, будучи уже немолодым, воевал на стороне Российского союза против моджахедов. В то время наш имам¹⁷ всё время делал акцент на том, что люди, которые с именем Аллаха лишают жизни других людей, – не мусульмане. Аллах вдохнул дух в тело каждого, и только Он может забрать этот дух обратно. Имам говорил: видишь, как много людей убивают друг друга? Ты ошибочно думаешь, что это большая война. По-настоящему большая война произошла между Германией и Россией. В нашей стране вообще мало кто знает об этом событии, а ведь оно обнажило действия мирового правительства, да так, что долгое время «большие дяди» старательно заматали следы. Немногие знают, что произошло тогда на самом деле. Весь мир оказался обманут...

Я подсел поближе и стал внимательно слушать рассказ пожилого мужчины.

– Имам говорил, – продолжал он, – Люди, которые имеют почти полную власть над миром, в те давние времена устроили сначала одну Мировую войну, а потом вторую. Первая война должна была разрушить три империи и обогатить без того богатейших людей планеты. А вторая должна была подчинить им весь мир без остатка и построить Новый мировой порядок. Имам рассказывал мне историю о том, что в России мировое правительство убило русского короля и его семью, посадило на трон сионистов, которые вывозили из России в Европу и Америку всё ценное и которые убивали тысячи невинных людей... Мировое правительство готовилось к захвату и переделу России. Но их планам помешал один грузин, кто-то говорит, что он был грузинским евреем, но это уже неважно... Он начал поднимать Россию, уничтожая сидящих во власти сионистов одного за другим. Он был очень смелым человеком, решив помешать планам самых могущественных людей того времени, и таким образом нажил себе множество влиятельных врагов не только в Европе и Америке, но и в самой России, нажил врагов, которым однажды помешал окончательно разграбить эту страну и отдать её под контроль мирового правительства. Каждого, на кого падало хоть малейшее подозрение в содействии сионизму, этот грузин приказывал убить или посадить в тюрьму. Медленно, но верно, он строил новую Россию, повесив на окно в Европу «железный занавес» и защищая страну от тех, кто, как ему казалось, работал на врагов России...

Я оглянулся: народу набрался полный зал (если его можно назвать залом, потому что это достаточно небольшое помещение). Все: от мала до велика, – сидели вокруг деда Ахтара, внимательно слушая его историческое повествование.

– Запад, этот оплот мирового сионизма, боялся сильной и неподконтрольной России. Мировое правительство начало строить для неё достойный противовес. Этим противовесом стала Германия; сионисты сделали эту страну своей армией, которая должна была захватить весь мир и установить Новый мировой порядок. А ведь когда-то мировое правитель-

¹⁵ Ahtar – Ахтар (где звук «х» произносится придыханием)

¹⁶ Пухтун – от слова «пухту» – с языка урду переводится как пуштун, представитель одного из народов, преимущественно, Афганистана и Пакистана, имеющего европейскую, арийскую генетику.

¹⁷ Имам – мусульманский священнослужитель.

ство точно так же поступило с Францией, другой европейской страной. Так вот, сионисты и подобные им покровители сатаны создали для Германии новую религию на основе старой, но более жестокую и циничную. Они потратили несметные богатства на поддержку и выдвижение во власть новой политической партии. Они воспитали и обучили в духе новой религии многих людей; самого упорного, фанатичного из них, пусть и телесно слабого, но духовно очень сильного человека было решено поставить во главе Германии. Мировое правительство давало ему всё: деньги, материалы, связи, любую поддержку, – чтобы он вёл страну к всемирному господству германской нации, к Новому мировому порядку. Они позволили ему завоевать всю Европу и начать завоевание России. Король Германии был уверен, что сможет быстро и практически без потерь захватить эту гигантскую страну. Но война затянулась... Прошёл год... второй... третий... Армия Германии продвинулась далеко вглубь России, но столица всё ещё не была взята, солдаты устали морально и физически, им приходилось воевать в адских условиях. Силы противников были равны, – проговорил старик и вздохнул.

– Дед Ахтар, а этот президент Германии, про которого ты говоришь, – это случайно не тот, который убил шесть миллионов евреев или около того? – задал вопрос один из слушателей.

Старик удивился такому вопросу. Потом усмехнулся:

– Да! Да, я знаю эту версию. Но в реальности всё было совсем не так. Эту страшную историю про шесть миллионов убитых евреев придумали сами евреи, чтобы убедить мир в необходимости создания Израиля. А сколько во время войны погибло представителей других национальностей? Несоизмеримо больше, даже если и шесть миллионов евреев погибло. Так что это всё... Одним словом, официальная история, – пренебрежительно пробурчал дед, немного помолчал и продолжил, – Да, религия Германии верила в теорию о всемирном еврейском заговоре. Точнее, мировое правительство убедило германцев в том, что евреи виноваты во всех бедах человечества. Еврейский заговор стал поводом для того, чтобы Германия насильно собрала евреев в большие группы и отправила в будущий Израиль, хотя сами евреи этого не хотели, – им хорошо жилось среди и за счёт чужаков. Но так как тайные общества и еврейские консерваторы желали воплотить в жизнь мечту древних иудеев вернуть их потомков на родину, германские власти по указанию «сверху» согнали евреев в такие группы и содержали их в специальных учреждениях, где они в довольно неплохих условиях ожидали своего скорого отъезда в Палестину или на Мадагаскар – в них планировалось выделить землю для еврейских семей. Так что убивать евреев германские власти изначально не планировали.

Так вот... Мировое правительство дало команду вооружённой до зубов Германии оккупировать Европу. Пока германцы захватывали одну развитую страну за другой, Лига объединённых государств не сделала абсолютно ничего, чтобы объединить силы и остановить воинствующую Германию. Когда почти вся Европа была захвачена, часть германских войск двинулась на Россию, убеждённая и убеждающая своих спонсоров в том, что победа будет молниеносной. Но, как я уже сказал, война затянулась, и не было видно конца этой мясорубке. Германская армия увязла в болотах и снегах России. И вот тянулся уже третий год, а Германия ещё не взяла столицы. С каждым днём власти Германии теряли расположение мирового правительства. После победы армии России рядом со своей столицей, после ряда крупных побед, Большой Брат переходит на сторону России, потому что по Его прогнозам победит всё-таки она. И вот, бизнесмены Большого Брата сокращают поставки оружия и денежные переводы властям Германии. Мировое правительство начинает вести тайные переговоры с Россией. Влиятельнейшие, богатейшие люди мира предлагают её президенту сделку; один из пунктов договора – сотрудничество России в создании Израиля в обмен на жизненно необходимые крупные суммы денег и военную помощь в борьбе против Гер-

мании. Что ж... У президента России практически нет выбора. Он вынужден принять эти условия. Теперь германский президент понимает, что мировое правительство его бросило, а ведь тысячи, возможно, миллионы евреев живут на землях, подконтрольных Германии, в ожидании переселения в новый Израиль.

Не видя более смысла содержать их за свой счёт, немецкие власти принимают решение отправить евреев на смерть вместе с толпами пленных из других народов. Я даже не исключаю, что мировое правительство позволило Германии это сделать, чтобы, так сказать, принести некоторую часть евреев в жертву их богу Яхве ради того, чтобы «богоизбранный» еврейский народ вернул себе, наконец, Святую Землю на Ближнем Востоке. Сионисты верят, что именно оттуда абсолютная власть сионизма распространится по всему миру... – он задумался и продолжил, – О чём это я?.. В итоге, мировое правительство кредитами и военной силой начинает помогать русским войскам. Видимо, поэтому Запад до сих пор считает, что именно он выиграл войну, а не русские. Возможно, если бы не помощь мирового правительства, это противостояние России и Германии длилось бы ещё много лет... И вот Германия бежит, бежит до самой своей столицы... – дед Ахтар о чём-то задумался и продолжил, – Заканчивается война. Германию делят между собой Запад и Россия. В это же самое время евреи не упускают свой шанс и, чтобы просьба о создании Израиля звучала более убедительно, придумывают историю о шести миллионах своих убитых собратьев. И на международном саммите президент России голосует за создание государства Израиль... – дед Ахтар опустил глаза и пригладил бороду, – Даже если принять за правду их рассказ о пресловутых шести миллионах... Что это по сравнению с морем, океаном смертей среди других народов, особенно славянских? – он посмотрел на сидевших впереди детишек, лица которых были серьёзные, а глаза – взрослые.

– Да, дедушка Ахтар, – обратился к нему зашедший в помещение и присоединившийся к слушателям Наджам Хан, – Ведь не только создание Израиля было поводом к войне. А насчёт захвата мира нацистами... Мировое правительство, наверняка, рассматривало вероятность того, что на каком-то этапе Германия сдуется, или что-то пойдёт не по плану.

– Я понял, к чему ты клонишь, – отозвался смуглый круглолицый старец, – Да, они начали войну не только для того, чтобы подчинить себе человечество военным путём и создать Израиль... Кроме того, они не были полностью уверены в успехе. Конечно, немаловажным мотивом стала гигантская прибыль от продажи вооружений и от кредитов, которые были жизненно необходимы странам, ввязавшимся в войну. Ведь Америка, где процветал капитализм, в то время переживала крупный экономический кризис, насколько я помню; ей нужны были деньги, много денег. На деньги, вырученные от войны в Европе, Большой Брат отстраивал свою будущую укреплённую крепость – Северную Америку, где в своё время осела часть мировой элиты; могущество этой страны росло за счёт миллионов смертей, бед и катастрофических разрушений на соседнем континенте. В Европе царили смерть и страдания, в Америке – веселье и развитие. Очевидно, по условиям договора между королём России и мировым правительством, банки Запада помогли русским отстроить свою разрушенную страну. Потом этот король был отравлен врачами-евреями, потому что он знал слишком много, его влияние стало довольно-таки большим в мире, нарастающая сила России пугала Запад. Через некоторое время многие заговорили о нездоровом страхе этого человека за свою жизнь, патологическую подозрительность. А ведь он прекрасно знал, что мировая элита хочет избавиться от него, – дед Ахтар встретился взглядом с Наджамом Ханом, – Ну... вот, наверное, и всё, что я хотел вам сегодня рассказать.

Толпа заметно оживилась. Некоторым этого повествования показалось мало.

– Хочу добавить, – он снова глянул на Наджам Хана, – Что... Иудеи, масоны и прочие, им подобные, создали все известные нам государственные строи. А тогда капитализм, социализм, национал-социализм, он же нацизм, какой был в Германии, – все эти три враж-

довавшие между собой идеологии являлись звеньями одной цепи, марионетками в руках Большого Брата. Люди, которых Он приводил к власти при разных государственных строях в разных странах, говорили по-разному, делали по-разному, но главные цели, о которых они, чаще всего, сами не знали, и конечный результат их действий были одними и теми же – создание Нового мирового порядка, глобального государства. Для Большого Брата неважно, каким образом Он получит мировое могущество. В реальности, сама борьба между строями и идеологиями есть средство... Я скажу точнее... Эта борьба – просто театр, чтобы мы думали, что все процессы в мире идут сами по себе, что есть политики, которые всё решают, а ты их выбираешь, и ты уверен, что от тебя зависит твоя жизнь и жизнь миллионов людей. Но однажды... сценарий подойдёт к концу... однажды проиграет финальная песня, и на руинах всех существующих идеологий взойдёт новая, впитавшая в себя все скверные качества своих предшественниц. Имя этой идеологии – **НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК**. К тому моменту эта бессмысленная, кровавая, безумная борьба между странами, народами и религиями изменит саму культуру мысли и поведения человека, и он примет воцарение Мессии, посаженного мировым правительством на всемирный трон, как должное, как единственное спасения для цивилизации... – дед печально вздохнул, потом изменился в лице, – Ну, хватит о грустном! У нас сегодня праздник или нет? Рассаживаемся по местам! Сынок, – обратился он к Наджаму Хану, – Принимай эстафету!

И начался праздник. Зрители окружили центр помещения, который стал сценой овальной формы. Я сел в первом ряду, как один из самых уважаемых бойцов «Сопrotивления».

Сначала в центр вышел и произнёс речь наш бессменный лидер. Потом его заметили. Все выступавшие искренне выразили благодарность тем, кто прямо или косвенно участвовал в успешно выполненной операции. После громких аплодисментов начался импровизированный концерт, организованный гражданскими. Включили музыку. Почти все песни и мелодии, прозвучавшие на концерте, были в национальном стиле разных народов и племён этого региона. Особенно запомнился парень лет двадцати трёх с очень красивым голосом, который пел старую, но известную песню; даже я где-то слышал её один или два раза. От большинства присутствовавших здесь людей этого парня отличала его славянская внешность: русые волосы, мягкие черты почти не тронутого загаром лица и голубые, как небо, глаза; по национальности он – kalasha¹⁸. (Каждый раз видя калашей, я удивляюсь, как же далеко ушёл этот европейский народ от своей западной родины). Когда этот парнишка пел припев, все: и дети, и взрослые, – подхватывали и пели с ним в унисон. «Это моя ошибка или же твоя? Тебе решать. Жизнь – это постоянное вопрошание: почему произошло так?», – примерно, такие слова были в этом знаменитом припеве. Я тоже подпевал, насколько помнил текст, и видел кругом лица, исполненные скорби и надежды... Все молились... молились этой песней... И на глазах женщин проступали слёзы... Каждое слово песни отзывалось в душах горькими воспоминаниями из прошлого... «О, Небо! О, Небо! Скажи, где я могу найти свободу, где нет страданий? Скажи, где я могу найти такой мир?»...

А потом были весёлые песни, и все хлопали в ритм зажигательной музыки востока, поддерживая местных певцов; и неопиcуемая радость разливалась по всему помещению. Всюду улыбались, подтанцовывали и шутили. В эти мгновения я снова обратил своё внимание на то, что имел неразрывную связь с каждым из присутствовавших, ярко переживал это особенное чувство родства.

Но больше всего мне запомнился афганский танец девушки лет двадцати-двадцати трёх, одетой в национальный костюм, а, точнее, в яркое свободное платье с воротом и подолом, вышитыми разноцветно-золотым бисером; из-под пёстрого подола выглядывали широ-

¹⁸ Kalasha (рус.: калашы) – народ с европейскими корнями, с древности проживающий на территории Афганистана и Пакистана; исповедует язычество, родственное славянскому и скандинавскому.

кие штанишки до лодыжек; чёрные слегка волнистые волосы девушки были распущены и то нежно ложились на худенькие плечи, то взлетали и подпрыгивали; босые ноги её быстро бесшумно топали и перебирали на одном месте, когда девушка кружилась на ковре, расшитом небогатым узором. Движения тоненьких, изящных рук подчёркивали гибкость запястий и пальцев, она сначала по-цыгански покачивала плечами, потом – бёдрами; то и дело танцовщица загадочно улыбалась, сверкала своими выразительными карими подведёнными чёрной сурьмой¹⁹ глазами, робко опускала пушистые ресницы, снова и снова играла взглядом со зрителями, которые отхлопывали ей ритм под местную национальную музыку, состоявшую преимущественно из игры барабанов и струн. Девушка в процессе танца частенько поправляла усеянный блёстками длинный полупрозрачный шарф, спадавший с её шеи и плеч, и неслышно подпевала мужскому голосу, доносившемуся из динамиков; от девушки исходили какие-то дурманящие, пьянящие мужчин флюиды...

– Кто это? Ты знаешь её? – перекивая шум праздника, спросил я у сидящего рядом соратника, выходца из местных.

– Ромайла! – ответил тот, – Красавица!.. Но врагу не пожелаешь такую жену!

– Почему? – удивился я.

– Характер... – перекивал он музыку и унисон ритмичных хлопков, – ...Дьявольский! Поэтому до сих пор не вышла замуж. Я сам с ней мало знаком, но слухи ходят, что сложный человек.

После выступления Ромайлы, на пятиминутном перерыве местные девушки и женщины пронесли по рядам подносы с традиционным для этих мест чаем, сваренным на молоке. Потом было ещё несколько выступлений, но уже на серьёзные темы (например, очень проникновенные стихи читал мальчик с девочкой). И вдруг один из моих братьев по оружию настоял на том, чтобы я взял слово.

Я несколько смутился, когда публика уговаривала меня, вышел на импровизированную сцену, улыбнулся. И зрители затихли. В «зале» стояла почти полная тишина. Я заговорил на местном диалекте – смеси английского и урду:

– Братья и сёстры! Спасибо! Спасибо за вашу самоабвенную любовь и заботу о национальном освободительном движении «Сопrotивление»! Спасибо за то, что вы, несмотря на все тяготы жизни в современном оккупированном обществе, не побоялись встать на путь борьбы! Я искренне благодарен всем, кто так или иначе принимал и принимает участие в наших спецоперациях, жертвует нам средства, ресурсы и оказывает всяческую поддержку и помощь. Ни на секунду не забывайте, что вы стараетесь не для себя. Вы стараетесь не для «Сопrotивления». Вы стараетесь и жертвуете своим временным благополучием и безопасностью ради всего человечества, ради тех, кто придёт в этот мир после нас! За нашими плечами годы борьбы, тайной или явной. Мы знаем наших врагов в лицо. Мы знаем их планы. Мы идём на шаг впереди них... Никогда не забывайте, что мировое правительство, те, кто получают максимум выгоды от мировой оккупации – это жалкая кучка, это меньшинство, и оно держит мир в страхе и лжи, которые, как цемент, склеивают глупое большинство в современную модель общества. Когда-то давно мы были кирпичиками этой глобальной пирамиды, мы несли на своих плечах всю тяжесть системы, мы лгали сами себе, мы жертвовали собой, своими судьбами ради построения Нового Мирового Порядка. Но в нашу жизнь пришёл Наджам Хан. Человек, который посвятил и посвящает до сих пор свою жизнь освобождению народов из тюрьмы оккупации. Человек, который пожертвовал своей семьёй ради нас с вами, ради тысяч, миллионов семей, нуждающихся в свободе и справедливости. Он объединил народы под флагом Истины и Чести. Он доказал, что люди разных племён, разных национальностей и разных вероисповеданий могут и должны жить дружно и сообща.

¹⁹ Сурьма – восточный мягкий косметический карандаш для подводки век.

Он доказал, что чума конфликтов и войн между странами, народностями, религиями и идеологиями разносится по миру верными шакалами сионизма и мирового правительства. Эти шакалы – агенты специальных подразделений, расшатывающих общества и веру людей в возможность жить свободно и счастливо. Мировое правительство уже почти не скрывает своего абсолютного господства над людьми и пытается внедрить в их мировоззрение моду на рабское послушание. Люди уже почти смирились с участью холопов, бесправных животных, двуногого скота. И только в наших силах это остановить! Идите на зов справедливости и чести! Следуйте за Наджамом Ханом! Сражайтесь за своё будущее, основанное на человечности и равенстве!

Публика взорвалась овациями. Я переглянулся с Наджамом Ханом; он поблагодарил меня одобрительным кивком головы, слегка улыбаясь.

Я сел на своё место, и ещё, наверное, секунд двадцать все гудели, воодушевлённые моей речью. Я и сам был «на подъёме». Когда началось следующее выступление, от моего приподнятого настроения не осталось и следа: что-то не давало душевного покоя. Я вышел из «зала» и зашагал к выходу, ведущему на улицу. С крыльца открывался вид на невысокие холмы, окутанные чёрным сумраком. Небо, казалось, вот-вот рухнет на землю под тяжестью несметного количества подвешанных к нему бриллиантов. Ночь была безлунная, тихая, прохладная...

Я зашагал к склону, чтобы подняться на вершину некрутого нагорья и посидеть там в одиночестве. Путь наверх дался мне почти легко, и я устало опустил на сухую траву. Меня окружали глубины и высоты пейзажа, погружённого во тьму. Яркие, переливающиеся звёзды свисали в неба и своими белыми зрачками заглядывали прямо в душу. Я лёг на спину и застыл: ночное небо поглотило моё сознание. Под тяжестью бездны я на мгновение закрыл глаза... А когда открыл... Я не почувствовал под собой земли. Я словно потерял центр тяжести! Я воспарил, несомый неведомой силой в пространство вечности, пугающее своей неизвестностью. Я уже не слышал посторонних звуков: кромешная, ужасающая тишина просачивалась в меня сквозь глаза и уши, сквозь поры кожи и заливала холодным покоем все ритмы биения внутренних органов... И вот уже стало тяжело дышать. Ужас! Свет миллионов звёзд протыкал тело насквозь, и я почувствовал, как этот свет наполняет меня изнутри... Я пролетал мимо солнц и галактик, оставляя далеко позади свой прежний дом, Родину, свою любимую, тёплую planet Земля, оставлял суетливые, тревожные мысли, поставленные перед собой задачи и накопленную память, память обо всём, что произошло со мной и что несколько секунд назад было так дорого... Я перестал ощущать течение времени... Когда свет космоса наполнил меня до краёв, я ощутил, как это внутреннее сияние разрывает плоть, принося невыносимую боль. Белые ослепительные лучи протыкали мою кожу изнутри... Какой-то странный оглушающий шум доносился повсюду. Я чувствовал: из меня вырывается наружу новое солнце! Собрав последние телесные силы и воздух в лёгких, я закричал, но крика не услышал!

– Ману! – женский крик копьём пронзил мёртвую тишину.

У меня внутри всё перевернулось.

– Ману! Что с тобой?! – чьё-то горячее прикосновение ужалило мне руку.

Я не мог говорить, не мог пошевелиться. Перед глазами появилось женское лицо, окаймлённое чёрными волнистыми волосами. Кто-то больно бил меня по щекам. «Живой...», – подумал я и заметил, что способность думать вернулась ко мне. Чьи-то руки взяли меня за плечи, потом под лопатки...

– Неу!²⁰ – звал меня женский голос, – Are you ok?²¹

²⁰ Неу! (англ.) – эй!

²¹ Are you ok? (англ.) – Ты в порядке?

Тут я понял, что земля у меня за спиной, что я лежу на ней, но кто-то отчаянно пытается меня приподнять. Потом ладони снова зашлёпали меня по щекам.

Я начал приходить в себя и уже почувствовал прилив сил в конечностях.

– Всё! Всё! Достаточно! – я схватил кисть руки, замахнувшуюся над лицом.

– Что произошло?! – взволнованно вопрошала девушка.

– Ничего! – я отпустил её горячую руку и сел, – Я в порядке.

– Точно? Ты кричал на всю округу! Что произошло?!

– Не суетись, – сухо приказал я; мне было неловко перед девушкой за то, что для меня самого являлось загадкой, – Нужно отдышаться.

Я бросил взгляд на лицо девушки и сквозь густой мрак ночи увидел в нём знакомые черты.

– Ты кто? – бросил я с подозрением.

– Ромайла.

Я задумался.

– Какая Ромайла?

– Shujauddin²². Из рода Маликов. Мой дом в десяти километрах отсюда.

Я помолчал...

– Ты следила за мной?

– Нет... – она немного смутилась, – Просто мне было интересно, куда ты пошёл один...

ночью...

– За солдата боишься? За себя надо бояться! Твоя семья уже, наверно, тебя ищет.

– Они уже спят.

С тяжелым выдохом я умылся воздухом, поставив руки на согнутые колени.

– Тебе надо идти домой, – констатировал я, – Я провожу, – встал и отряхнулся.

– Не надо! – неожиданно отказалась она, – Я не хочу никуда.

– Не понял... – нахмурился я, – ...Почему?

– Я хочу побыть здесь, – легко объяснила девушка.

– Тогда я тебя отнесу.

– Что?! Не отнесёшь! – возмутилась она, – Я просто хочу здесь посидеть... с тобой... –

она посмотрела мне прямо в глаза.

– Какая ты капризная, Ромайла! Это не ты танцевала на концерте? – спросил я и, окинув глазами её одежду, узнал знакомое афганское платье.

– Да. Как тебе мой танец?

– Ну... – я чуть смутился, но постарался сделать скептическое выражение лица, – Очень даже ничего... Ну так что? Сама пойдёшь, или тебя отнести?

Девушка решила давить на совесть:

– Ты меня хочешь нести силой?! Беззащитную девушку? Тоже мне... офицер «Сопротивления».

После продолжительных уговоров идти домой, она вынудила меня остаться на месте.

Я обречённо сел рядом с Ромайлой.

– Хорошо, посидим... Всё, сидим... Дальше что? – не понимал я.

– А почему ты кричал? – она повернулась ко мне.

– Потому что кое-что увидел... – честно признался я.

– Как интересно! А что именно?

– Хм. Да ничего!.. Ты лучше скажи, что добавляли в чай? Почему у меня такие галлюцинации?!

²² Shujauddin – Шуджауддин.

Ромайла улыбнулась и успокоила: она лично помогала женщинам его готовить и ручается, что никаких добавок в напитки не клали.

Потом слово за слово, и потянулась беседа о жизни, о смерти, о Боге, о вечности и о любви.

– Однажды я очень сильно полюбила одного человека. Его звали Агуан²³... У нас была такая крепкая, крепкая-прекрепкая любовь. Мы поклялись друг другу в вечной верности, в том, что будем думать друг о друге каждую секунду своей жизни. Мы были одним целым, мы не могли прожить друг без друга ни дня. В каждой своей молитве я просила Аллаха помогать ему во всех его стараниях и делах. И Он услышал меня, и дал ему возможность учиться в Englistan'e²⁴. Агуан хотел сбежать со мной ночью за 5 часов до вылета в Лондон, тайно пожениться и вместе снимать квартиру в этом регионе. Но его родители раскрыли все планы. Они отправили Арьяна в Лондон рейсом раньше... В Инглистане он поступил в высшую бухгалтерскую школу, пообещал приезжать ко мне раз в полгода. А в итоге не приехал ни разу. Несколько месяцев мы общались по Сети. Он говорил, что по-прежнему сильно любит меня, что скоро бы будем вместе и уже никогда не расстанемся. Однако с какого-то момента он стал всё реже и реже выходить на связь. Через какое-то время он перестал отвечать на мои звонки. Я поняла, что он бросил меня. Я больше не была ему нужна, – немного сдавленным голосом проговорила Ромайла, – ... Так я потеряла смысл жить. До Арьяна я постоянно жила для родителей, для рода, для друзей... Но потом на долгое время он заменил их всех, а когда исчез из моей жизни, в сердце больше не было никого, кроме него. И тогда я решила уйти...

Она остановила рассказ и, сглотнув горечь воспоминаний, продолжила:

– Меня чудом спасли. Жизнь обрела новый смысл в борьбе, в международном партизанском движении. С тех пор я поклялась, что отныне никогда не открою сердца мужчине. У меня много поклонников, много воздыхателей, но у них нет шансов. Я больше не верю в любовь между мужчиной и женщиной. Это всего просто морок, созданный в сознании по причине каких-то химико-биологических процессов в человеческом теле. Вот и всё. Для меня такой любви не существует. Есть любовь к своему народу, родственникам и своим близким, есть дружба, есть сопереживание, есть самоотверженное служение вере и правде. А любви нет...

– А как же семья? Неужели ты не хочешь жить с мужчиной, с которым ты будешь, как за каменной стеной? Неужели не мечтаешь воспитывать детей? – удивился я.

– «Соппротивление» – это моя семья и моя защита. Здесь все мне братья и сёстры, родители и дети...

Я не знал, что как с этим поспорить.

– Не переубеждай меня. У тебя всё равно не выйдет, – предупредила она.

В беседе закралось молчание.

...Иногда мне в голову приходит такая мысль... Посуди сам... Однажды ничего этого не будет. Ни нас, ни всего того, что сейчас кажется незыблемым и вечным. Исчезнет всё: дома, улицы, транспорт, современный климат... Но будет что-то другое, какой-то другой мир, и править им будут другие законы, немыслимые нашему человеку, – говорила девушка медленно, продумывая каждое слово, – Каждый раз, когда я ловлю себя на мысли о том, что мира, в котором живу, однажды не станет, не станет близких и родных, всех известных земных красот и того, что запечатлелось в моём разуме и соткало меня, как сознание, каждый раз, когда я представляю себе, что всё, происходящее сейчас, больше никогда не повторится, и что некому будет даже вспомнить обо всём этом... вот тогда становится по-настоя-

²³ Агуан (рус.: Арьян) – восточное мужское имя; распространено на территории, которая в Средних веках именовалась Арией (Aria) (сейчас это часть Афганистана и, возможно, некоторые западные территории Пакистана).

²⁴ Englistan (т. е. Инглистан) – так в Пакистане и Индии называют Великобританию.

щему тоскливо... А ведь люди искренне верят, они, сами того не понимая, крайне убеждены в том, что жизнь будет идти своим чередом, что всё всегда будет по-прежнему. Их мир измеряется столетием. Они думают, что это половина вечности. На самом деле, что такое столетие для Вселенной? Мгновение. И то, что люди растягивают в своём сознании на часы, месяцы, годы, – ничто! Вот живёт на свете человек: такой терпеливый, тужится, старается, чтобы улучшить свой быт, социальное положение, репутацию, строит грандиозные планы, мечтает, надеется, верит... Но проходит время, и ничего нет: ни человека, и, как правило, ни плодов его деятельности. И вечность задаётся вопросом: а был ли человек? «Хм, – спрашивается ответ, – Нет. Мимолётная иллюзия. Так, померещилось, показалось». Всё вокруг – иллюзия. Я – иллюзия. Они – иллюзия. Мы все – случайные миражи, волею каких-то неизвестных явлений проявившиеся в этом мире. Все наши усилия, наша борьба за или против чего-либо – бессмысленны. И тогда получается, что мы отвоёвываем только одно – право достойно существовать здесь и сейчас, здесь и на ближайшие десятки лет – в материальной ипостаси; на десятки, сотни лет, – в памяти других людей. Вся наша жизнь – это бесконечная череда непомерных усилий, постоянных попыток занять одно из лучших мест среди собратьев. Это борьба за право быть частью глобальной иллюзии. Мы отдаём всё, что у нас есть, чтобы ничто, в конечном счёте, не приобрести и ни к чему не прийти, потому что мы не знаем, куда идём. Мы просто топчемся на месте, расходуя ресурсы планеты и силы Вселенной... Поэтому я не боюсь умирать. Новое тело – новая жизнь... Как видишь, я не слеую за лидерами суннизма и шиизма. Я сама по себе. У меня свой ислам.

Я молча лёг на спину. Она последовала моему примеру.

– Я не настолько пессимистичен, но во многом твои мысли схожи с моими... сестра, – улыбнулся я и подал ей руку. Она посмотрела на меня, и наши ладони сжались. И мы долго лежали так, глядя в звёздное небо, пока нас не одолел сон...

Спустя, казалось, час или чуть меньше меня разбудил крик пролетавшей птицы. Я открыл глаза. Солнце золотыми лучами озаряло холмистую местность. Ромайла спала, лежа вплотную ко мне, повернувшись на правый бок и положив голову мне на грудь; моя рука обнимала её за плечи. Я закрыл глаза и вернулся в сон.

Прошло, наверное, несколько минут, как до меня донеслись далёкие мужские голоса. Я открыл глаза, поднял голову и понял, что лежу один. В голове звучала мелодия, под которую танцевала на вчерашнем концерте Ромайла. Я сел, задумался, вытер лицо ладонями, поднялся и зашагал к базе.

Ну вот и всё. Закончилась моя холостяцкая жизнь... Я женился.

Два месяца прошло с нашей первой встречи. Люблю её такую... такую необычную, такую воинственную и нежную, строгую и капризную, сильную и слабую... Как до этого дошло? Долго рассказывать... Сначала месяц она меня избегала, потом я получил от неё пощёчину, потом она просила, чтобы я её ударил... Не хотела верить в то, что опять влюбилась, и что влюбился я. Она боялась снова оказаться брошенной. Бедная моя Роми, какая ты чистая, какая светлая...

Наджам Хан собрал офицерский состав. Обсудили новую операцию, которая должна быть выполнена совместно с европейским отделением. Участникам вшиты чипы и розданы «легенды». Как я не отговаривал жену и Наджама Хана, приняли решение дать ей небольшое задание и взять её с собой. Я побрился впервые за два месяца, мы с Роми оделись так,

как ходят в Европе. Участники летели в разных самолётах транзитом через Саудию и другие страны. Достигнув пункта назначения, мы с Ромайлой должны были остановиться в столичной гостинице, номер в которой для нас был заранее забронирован. Когда мы вышли из такси и направились к парадной двери, я увидел знакомую молодую женщину, выходящую из hotel. Мысли мои спутались, женское лицо чем-то неприятным отозвалось в памяти. Хорошо, что я был в чёрных очках и головном уборе, поправив который, сумел прикрыть лицо рукой, чтобы мадмуазель не узнала меня. Она шла за ручку с каким-то скользким типом, одетым излишне элегантно, и эта его вычурность скорее отталкивала, чем привлекала. «Не так давно живу на Востоке, но совершенно отвык от сладкой, красивой фальши западной цивилизации», – подумал я. Сара со своим, как я понял, не то парнем, не то мужем, не то любовником, прошла мимо нас и села в подъехавшее такси. Я остановил Роми. Рядом с нами остановился носильщик, держа в обеих руках наши чемоданы.

– Мы здесь останавливаться не будем! – недовольно сказал я.

– Почему? – недоумённо подняла брови Ромайла.

– Здесь живут мои старые знакомые. Если они узнают меня, то сообщат в полицию.

Роми тяжело вздохнула.

Нам пришлось найти другую гостиницу, но уже дешевле. Распаковав вещи, мы отправились в ресторан, который размещался на первом этаже. Мило беседуя с женой на английском языке, я окинул взглядом зал, почти до отказа заполненный посетителями. Возле барной стойки стоял, очевидно, ресторатор, молодой, лет двадцати девяти – тридцати, человек арабского происхождения, весь при параде: в дорогом деловом костюме с бэйджигом на груди, со слегка приглаженными недлинными волнистыми волосами и гладком выбритым подбородком. Что-то притягивало к нему моё внимание, что-то очень близкое, почти родное; и в процессе беседы с Роми я поглядывал то на неё, то на этого молодого араба. В конце концов, она это заметила.

– На кого ты там всё смотришь? – она повернула голову вбок, готовая взглянуть на объект моей «слежки».

– Не поворачивайся... На ресторатора смотрю.

– А что с ним?

– Похож на кого-то... Не могу понять, на кого. Как будто чей-то брат или сын.

– Европейец? Может, кто-то из твоей прошлой жизни?

– Нет, араб.

Не выдержав интриги, я дожевал кусок стейка, вытер салфеткой губы и встал из-за стола.

– Сиди кушай. Я скоро приду.

– Куда ты?

– Я быстро.

Я проследовал к барной стойке и подошёл к ресторатору.

– Добрый вечер. Меня зовут Thomas Kollmer, скульптор, художник.

– Добрый вечер, – с дежурной улыбкой отозвался араб.

– Мы с женой остановились на несколько дней в этой уютной гостинице. Просто в восторге от Вашей кухни. Не ели прежде ничего подобного. Могу я написать благодарность в книге посетителя? – я смотрел на него и пытался понять, откуда могу знать этого человека; на его бейджике было написано: «Салим Дакар. Ресторатор».

Выслушав мою похвалу, молодой человек улыбнулся шире и вроде бы искренне.

– Я очень рад, что Вам всё понравилось. Это наша работа. Да, конечно, я с удовольствием предоставлю Вам возможность письменно высказаться о нашем ресторане, – любезно ответил он и достал толстую книжицу.

Через пару минут я вернулся за стол.

– Ну что? – любопытствовала Роми.

Я молчал. Искал в памяти зацепки. Потом разочарованно произнёс:

– Не могу вспомнить. Я его знаю или знаю того, на кого он похож.

– Ну да Бог с ним. Давай ужинать.

До самого отбоя я не мог забыть этого араба. «Такой знакомый! Как я мог забыть?!», – думалось мне, когда я уже лежал в постели.

– Спи, завтра тяжёлый день, – Роми заметила мою задумчивость, поцеловала в щёку, обняла. Ещё немного покопавшись в памяти, я уснул. Нас ждали тяжёлые дни секретной операции, проводимой европейским и азиатским «Сопrotивлениями».

– Наши «источники», добывшие протоколы заседаний мирового правительства, сообщают о разработках и получении сверхсекретного оружия – особого нановируса, который будет являться одновременно чипом и корректором поведения и состояния здоровья. Наши информаторы говорят о том, что вирус должен распространяться воздушно-капельным путём, а также через кровь и слюну. Свойства этого вируса уникальны и не имеют аналогов в мире. Вирусные клетки, проникая в кровь человека, должны распределяться по всему телу, попасть во все органы тела, в кожу и волосы и превратить человека в один большой ходячий чип, который будет содержать всю информацию о человеке, его банковский счёт, номер социальной страховки и так далее. Мы называем это вирусом, потому что это бионанооружие позволит дистанционно управлять инфицированным человеком и, при необходимости, наносить физический и психический вред, а также останавливать все жизненно необходимые процессы, т.е. убивать... Первая недоработанная версия вируса уже запущена; она ещё не обладает всеми желаемыми свойствами и приносит с собой тяжёлые симптомы: высокую температуру, лихорадку... приходят сообщения о смертельных исходах. Вспышки эпидемии зафиксированы в нескольких регионах Африки и Латинской Америки... – сухо проговорил Наджам Хан.

Азиатское отделение «Сопrotивления». Главный штаб. Лидер и несколько его советников из командного состава, включая меня, стоят вокруг галлограммы медленно вращающейся Земли.

– Лаборатория уже занялась созданием вакцины? – спросил Наджама Хана один из нас.

– Да, работы идут полным ходом.

– Какие сроки? – спросил я.

– Месяц, – отозвался Наджам Хан.

– Нужно спешить... – добавил мой соратник.

Я посмотрел на Наджама Хана. Он старался скрыть стресс за лидерской серьёзностью и решительностью; мне показалось, что какая-то новая интонация прозвучала в его голосе. И тогда в голову закралась мысль, что, вероятно, Наджам Хан знает об этой секретной разработке немного больше и чего-то недоговаривает. Но если так оно и есть, то, стало быть, в этом есть логическое объяснение, и он считает, что ещё не пришло время для обсуждения сокрытых им сведений.

Сегодня утром не ожидалось громких событий и неожиданных поворотов судьбы. За вкусным лёгким завтраком мы с Роми обсудили последние местные новости, попили чаю со сладкими гренками, оделись в лучших традициях этой местности и пошли на местный базар.

Солнце поднялось высоко над городком и пекло, как подобает в осенний период; между торговых лавок было не протолкнуться: в толпе мелькали то юноши в западной или национальной одежде, то смуглые пожилые мужчины в светлых длинных рубахах местного производства, то девушки и женщины, одетые в пёстрые восточные наряды, порой с элементами европейского стиля, и накрывшие свои волосы полупрозрачными яркими шальями. Прилавки ломились от обилия самых разнообразных сортов фруктов и овощей, специй, чая и прочей продовольственной продукции. Более сотни голосов слились в единый неразборчивый галдёж, который то и дело пытались перекричать зазывалы.

Мы подошли к лавке с женскими украшениями. Ромайла попросила у продавца стопку разноцветных браслетов и одела себе на руку. Браслеты чуть слышно звякнули.

– М-м? Нравится? – она сделала несколько нежных движений рукой, словно в танце.

– Да, – улыбнулся я.

– Купим? – умоляюще взглянула она.

– Купим-купим, – засмеялся я, – Куда мы денемся? Ты ж меня в покое не оставишь.

Роми радостно заулыбалась. Я расплатился, и мы проследовали дальше по торговому ряду.

Когда стояли у прилавка, обвешанного шальями самых разных цветов и орнаментов, а Роми примеряла у зеркала то одну, то другую, то третью, то десятую, я услышал разговор стоявшего рядом мужчины и продавца соседней лавки.

– Слышал, мальчик-пророк умер? – спросил торговец платьев.

– Какой? – напряг память его собеседник.

– Не помню имени. Его ещё называют африканским Джидду Кришнамурти.

– Йог, что ли?

– Да какой йог! Разве Кришнамурти был йогом?

– А разве нет?..

– Ману! В какой мне лучше: в этой... или в этой? – отвлёк меня вопрос Ромайлы.

Я повернулся к ней и сухо ответил, кивнув на одну из двух представленных для выбора:

– В этой.

– Окей, – согласилась Роми и отдала шаль продавцу, – Заверните.

Когда моё внимание вернулось к разговору двух мужчин, они уже обсуждали недавно вышедший в стране закон.

Мы вернулись домой. Вечером к нам заглянул Намаюн²⁵, мой лучший друг. Роми принесла чай со сладостями и начинала разливать напиток из красивого чайника²⁶ по расписным *piala*'м²⁷.

– *Bhai*²⁸, плохая новость пришла из африканского отделения... – осторожно начал гость, поправляя прозрачные очки (он близорук); его всё время не то усталые, не то грустные глаза с чуть приспущенными веками отчего-то стали ещё печальнее, и я сжался весь внутри, предчувствуя плохую весть. Хамаюн продолжал, – ...Сегодня утром стало известно, что Джереми, твой юный друг и наш общий соратник, тот мальчик, к которому ты ездил в гости... в общем он заразился... и умер после долгих мучений.

И тишина поглотила гостиную. Время остановилось, и даже часы на стене, казалось, перестали на несколько секунд издавать свой характерный звук. Я выдохнул, и голова слегка закружилась. Закрыв глаза рукой и с трудом сдержался, чтобы не заплакать. Слёзы настойчиво просились наружу.

²⁵ Намаюн – мужское имя, распространённое в Афганистане и Пакистане.

²⁶ Чайник (пак.) – «чайник».

²⁷ *Piala* (пиала) – чашка с широкими краями без ручки.

²⁸ *Bhai* – переводится с местного наречия как «брат».

– Я слышал... – немного сдавленным голосом проговорил я, – ...Сегодня на базаре... двое мужчин говорили, но я надеялся, что это не про него.

Роми застыла в дверях и слушала.

– Сегодня ночью его кремируют, а прах развеют по реке, – тихо, с сочувствием сообщил Намаюн²⁹, – На церемонии будут присутствовать местное население, бойцы и высшее командование африканского отделения. Всё пройдёт на высшем уровне.

Я несколько раз удручённо кивнул и сжал губы.

– Он заслуживает, чтобы мы со всеми почестями проводили его на тот свет.

Я кивал. В горле стоял ком, который невозможно было проглотить. В воздухе зависла горечь утраты... и мёртвая тишина.

– Мы все скорбим вместе с тобой, – сказал Намаюн и, попрощавшись, ушёл.

Я не спал всю ночь. Ушёл в горы. Нашёл тот самый холм, где познакомился с Роми, и всю ночь смотрел с его вершины в звёздное небо, вспоминая наш последний с Джереми разговор. На утро я пришёл домой, отказался от всех намеченных дел, взял с собой побольше воды и снова ушёл в горы. Я безвозвратно потерял дорогого мне человека, который был как сын, даже больше, чем сын, это была родная душа... Jeremy стал жертвой агрессивного мира, в который однажды пришёл, чтобы нести людям Истину и гуманность. И я ничего не сделал, чтобы обезопасить его. Я оставил его там, в бедном, нищем африканском районе, я не настоял, я даже не пытался уговорить его уехать со мной... Что творится?! Что творит Большой Брат?! За что? За что гибнут люди?! За что погиб этот невинный добродушный ребёнок, ангелочек, который явился, чтобы наставить нас на путь построения идеального общества людей-богов?! Мы сделаем всё, Джереми, чтобы твои мечты воплотились в реальность!

– По всему миру ходит слух, якобы незадолго до своей кончины мальчик-пророк из Африки предсказал скорый конец освободительного движения.

– Да не мог он такого предсказать.

– Не веришь, послушай новости.

– Это наши враги пустили дезинформацию, чтобы ударить по нашему боевому духу.

Такой разговор между двумя моими соратниками я услышал сегодня днём. Я подошёл, расспросил поподробней об этом предсказании.

Позже обсудил эту тему с Наджамом Ханом на вечерней прогулке.

– Abu³⁰, ты что-нибудь слышал про предсказание мальчика-пророка из Африки?

– Да, слышал. Ты что, веришь ему?

– Нет, конечно... Но хотелось бы знать, что именно он говорил.

– Этот мальчик, про которого ты говоришь, своё, как многие заявляют, предсказание сделал в бреду, в состоянии лихорадки. Какое же это предсказание? – Наджам Хан изобразил удивление, – А то, что он на самом деле сказал, ушло на тот свет вместе с теми, кто сидел у постели мальчика и тоже был заражён. Вирус в нищей, голодной, слабой Африке погубил немало невинных жизней. Поэтому... тайна пророчества развеяна над рекой вместе с прахом его свидетелей, – он немного помолчал и добавил, – Насколько я знаю, речь в этом «предсказании» шла не столько о падении «Сопrotивления», сколько о чём-то достаточно образном, что напрямую не касалось ни падения, ни «Сопrotивления» вообще.

²⁹ Намаюн (рус.: Хамаюн или Гамаюн) – мужское имя, распространённое в Афганистане и Пакистане; происходит от имени второго падишаха Индийской империи моголов.

³⁰ Abu – на местном наречии «отец».

– Получается, что он сказал что-то абстрактное, а люди расценили это как знамение, как предсказание о смерти освободительного движения?

– Абсолютно верно... Люди есть люди. Не стоит верить слухам, даже если они родились в нашей семье.

Я задумался.

– Джереми был воспитанником «Сопrotивления», но, когда я с ним виделся, он уже не верил в нашу победу... и в тебя тоже не верил.

Наджам Хан посмотрел на меня.

– Правда? – удивился он, – Отчего же? Может, я его чем-то обидел?

– Он рассказывал о своих подозрениях...

После этих слов лидер погладил свою почти полностью выцветшую бороду.

– ...Я уже не помню, что точно он говорил... Не знаю, откуда это в нём взялось, – добавил я.

– Бедный, бедный Джереми... – грустно произнёс Наджам Хан, – Он сам запутался... Он слишком долго блуждал в себе и заблудился окончательно... Да примет Allah³¹ его душу... – лидер поднял глаза к небесам, потом посмотрел перед собой, задумавшись, и сменил тему, – Ты как-то говорил, что владеешь русским языком? Не забыл его ещё?

Я не ожидал такого вопроса.

– Нет, не забыл... Периодически перечитываю старые письма одной русской девушки; я нашёл их в Балучистане... Эти письма – можно сказать, раритет. Благодаря чтению русского текста я до сих пор могу писать практически без ошибок. Что насчёт произношения, я не практиковался в русской беседе уже более двух лет... Мне здесь не с кем говорить на этом языке.

– Я предоставлю тебе такую возможность, – поразил меня Наджам Хан, – Ты едешь в Россию.

Я... я опешил... Я онемел. Сглотнул и спросил:

– Зачем? Когда?

– Через несколько дней первая партия противовирусной вакцины будет доставлена в центр и в отделения, с которыми у подпольных учёных есть связи, – это Чайна³², Европа и Северо-Американский союз. Все другие регионы ждут нашей помощи. Мы повезём противоядие в специально помеченных грузовиках для перевозки скоропортящихся продуктов; эти метки использует само мировое правительство для транспортировки наркотиков и сырья для их изготовления. Так что всё пройдёт гладко. Вспоминай русский язык; заодно увидишь, как живёт российское отделение «Сопrotивления».

Накануне моего выезда в штабе были оговорены важные подробности и улажены последние формальности.

В назначенное время, рано утром, я попрощался с женой и отправился на военную базу. Когда я сел в кабину грузовика, из толпы моих сослуживцев выплыл силуэт Ромайлы.

– Ману! – кричала она мне, подбегая, – Ману, подожди!

– Что случилось? – испугался я.

– Јану³³, я должна сказать тебе... я хотела сказать позже, но не выдержала. Скажу сейчас.

³¹ Allah – мусульманский вариант слова «бог».

³² Чайна (China) – Китай.

³³ Јану – переводится с местного наречия как «любимый».

– Что такое? – нахмурился я.

– Janu, – она бросилась ко мне в объятия, крепко сжав шею руками и чуть ли не плача, – У нас будет малыш...

Я сделал глубокий вдох, и радость ударила в голову. Я обнял её так же крепко. Она заплакала.

– Почему ты плачешь? – я немного отстранил её, чтобы посмотреть на Роми и вытереть слёзы с её смуглого личика.

Она молчала и только тяжело сглатывала.

– От счастья, – сдавленным голосом прошептала Ромайла.

Минут пять я успокаивал её.

– И ещё я переживаю за тебя. У меня плохое предчувствие. Постарайся вернуться как можно скорее, хорошо? – смотрела она на меня покрасневшими от слёз глазами.

– Конечно, я постараюсь. Я сделаю всё, что от меня будет зависеть, чтобы побыстрее увидеть тебя... точнее, вас... – я имел ввиду Роми и нашего ребёночка, которого она носит в своём чреве.

Ещё несколько раз я вынужден был её успокаивать. Мы попрощались. Уходя, она несколько раз обернулась, с трудом сдерживая слёзы.

– Могу я найти человека по имени, городу и улице?

– Э-э... Я не совсем понял, что ты сейчас сказал, брат... У тебя очень сильный акцент, – сказал мой собеседник на чистом русском.

– Я говорю... найти... – изо всех сил я старался сказать как можно правильной, но проблема была в том, я что забыл, как должны звучать слова и некоторые буквы; кроме того, вполне возможно, я не всегда правильно ставил ударения. Хорошее владение русским письмом при проблемах с произношением – это результат обильного чтения русского текста в прошлом и катастрофического недостатка живого общения с носителями этого языка.

– Найти? – переспросил парень.

– Да!

– Кого или что?

– Женщину... Woman, – уточнил я по-английски.

– Женщину... Какую?

– Nastya.

– Это имя... Настя?

– Да!

– Фамилия этой женщины...

– I don't know...

– Э-э, давай всё-таки по-русски. Я в английском не силен, прости. Я больше «немец».

– Эм... Я говорю: я не знаю.

– Вот! Уже лучше!.. – обрадовался он, потом задумался, – Мда, без фамилии искать... А как ты её искать собираешься?

– Город и улица.

– Город... и улица... Ну, всё равно... Не факт, что найдём. Город, улица... Какие?

– Царская горка...

– Это город? Я правильно понял?

– Да!

– А улица?

– Польская.

– Хм... Нам нужно найти женщину по имени Настя, живущую в городе Царская Горка на улице Польской...

Я кивнул... Парень облегчённо вздохнул:

– Да-а... тяжело тебя понимать... Она тебе кто? Почему ищешь?

Я достал из своей сумки заранее выложенные из моего дневника русские письма и протянул собеседнику. Он заинтересованно полистал их, удивлённо поднял брови...

– Письма написаны доленинской графикой, но вроде ещё свежие... хм... интересно... очень интересно... Она – автор?

Я кивнул.

– Тогда всё ясно... Сейчас отдам приказ. Пусть ищут.

Он позвонил кому-то из своих.

Я напряжённо ждал: а вдруг найдут.

– Открыли поиск... Ищем... – спокойно ответили нам, помолчали и выдали результат, – Город не найден... Есть Царское село... Горки... Царской горки нет, – среди нынешних и старых названий. Даже села такого нет...

– Теперь можно только предположить, что под Царской Горкой подразумевается город с каким-то схожим названием... Возможно, что и с улицей дело обстоит так же.

Я разочарованно пожал плечами.

Сегодня весь день общался со своими собратьями по «Сопrotивлению». Русские устроили мне своеобразную пресс-конференцию, потому что Наджам Хан отозвался обо мне, как о человеке с очень интересной судьбой. Слушая мою ломаную русскую речь, они радостно улыбались, точно смаковали слухом этот американско-азиатский акцент. Они расспрашивали меня о жене, о месте, где живу, в общем, узнали обо мне всё, что я мог о себе рассказать. Честно говоря, этот приезд в Россию радикально изменил моё представление о русских. Раньше они казались мне грубыми и «недалёкими». Теперь я понимаю, что просто верил в американскую пропаганду, которая традиционно выкрашивала Россию в самые хмурые цвета.

– А кто ты по национальности, если не секрет? – спросил меня один.

– Я наполовину еврей, наполовину украинец.

Все удивились.

– У нас тоже есть евреи, но их мало, что, собственно, логично, – высказался другой.

– То есть ты ашкенази? – спросил пожилой мужчина.

– Да, – кивнул я.

– Так ты не еврее-ей, – деловито протянул он, – Знаешь разницу между хазарами и евреями?

Кто-то был искренне удивлён. Я тоже недоумённо взглянул на старика.

– Опять ты за своё, Михалыч! – отреагировал другой мужчина, – Твои исконные сефарды уже вымерли, наверное, давно, как динозавры. Какой теперь смысл делить?..

Потом они расспрашивали меня о том, как и откуда я пришёл в «Сопrotивление». Моя небольшая, но насыщенная неожиданностями автобиография поразила их. Сопереживая описанным событиям, они кивали, цыкали, проявляли особое уважение и всячески братались со мной, и всё выпытывали о самых разных подробностях; казалось, о чём бы я ни говорил, им всё равно будет мало.

– Рассказывай, рассказывай! Ты так быстрее русский вспомнишь, – с армейской бесцеремонностью уговаривали меня мужчины.

Ближе к вечеру голова раскалывалась; я объявил time-out³⁴ моим слушателям, отправился в свою комнату и выпил лекарство от головной боли. Но в покое меня оставили ненадолго: через два часа в дверь постучали.

– Войдите, – громко сказал я, закрывая свой дневник, в котором заканчивал новую запись.

– Ману! – вошёл мужчина средних лет, – Мы сегодня устраиваем плановое собрание в нашей большой аудитории. Ты нам нужен. И будет хорошо, если ты позволишь прочитать на публику одно из тех писем...

– Я-а-ар-р! – устало возмутился я по-пакистански, – Я очень сильно устал... Моя голова...

– Хм... Ты выпил лекарство?

– Да...

– Ну, так что ты переживаешь? Голова скоро пройдёт.

В общем, он меня уговорил. Прихватив с собой русские письма, мы отправились на мероприятие. Вошли в небольшой зал, где лидер российского «Сопротивления» Владимир говорил о привезённой мною вакцине, стоя на самодельной сцене перед публикой, сидевшей на стульях. Мы прошли по рядам и сели поближе к «сцене».

– Часть вакцины уже развозят родственникам и всем, кто, так или иначе связан с движением. На всех жителей России нам не хватит. Острая проблема дефицита препарата стоит во всех странах. А это значит, что необходимую дозу вакцины получают сначала дети, а уже потом – все остальные. Противоядие успешно протестировано. Достаточно пяти кубов вакцины, чтобы обезопасить себя от смертельного вируса, запущенного преступными лабораториями Большого Брата. В России ситуация обстоит намного лучше, чем в Африке и Латинской Америке: в нашей стране зафиксировано всего два случая заражения вирусом; инфицированные находятся в тяжёлом состоянии. Послезавтра начинаем вакцинацию. Лаборатория предупредила нас, что у препарата есть побочные действия, но они не существенны.

Я слушал его поверхностно, потому что в это время думал не о вакцине, а о той самой русской девушке; я чувствовал, я был уверен, что она в реальности она выглядела именно так, как мне привиделось во сне. Теперь это уже зрелая женщина. Она была рядом. В этом помещении. Где-то совсем рядом. Я чувствовал её присутствие. Неужели я наконец её увижу? Oh my God!³⁵ А что будет, когда она услышит свои письма? Откликнется? Объявит о том, что она – автор этих писем. Периодически я окидывал взглядом публику, искал в лицах знакомые черты. Потом одёргивал себя: какая чушь! С чего я взял, что она здесь?

Затем лидер российского отделения «Сопротивления» предоставил речь одному из соратников. Высокий коренастый парень лет тридцати-тридцати пяти вышел на сцену и обратился к собравшимся:

– Добрый вечер, братья и сёстры! Все мы прекрасно знаем, что народ России, как и народ любой другой страны, в делах своих должен руководствоваться принципами справедливости и милосердия. Люди должны знать законы Вселенной, чтобы правильно обустроить государство и семейный быт, не допуская ошибок в образе мышления и в образе жизни. «Сопротивление» – это не просто освободительное движение. Не просто международное освободительное движение. Это ещё и школа жизни, это образец будущего государства без власти, в котором не будет рычагов насилия и запугивания населения. Мы построим новое общество на принципиально иных началах. Однако... даже если допустить мысль о том, что однажды наступит момент, и противник одолеет нас, и наши мечты не осуще-

³⁴ Time-out (англ.) – тайм-аут, перерыв.

³⁵ Oh my God! (англ.) – О, Боже!

ствятся... Мы не просто уверены, мы абсолютно точно знаем, что наше дело продолжат потомки, подняв волну сопротивления новой силы, большей высоты и мощи... – громко звучал его строгий голос; публика одобрительно зааплодировала, – Ну что ж, не будет о грустном... Я хотел бы познакомить вас с нашими восточным гостем американского происхождения – Эммануилом Разумовским, но он настаивает, чтобы его называли просто Ману, – на этих словах я встал, повернулся к аудитории и с улыбкой кивнул, – Он проделал долгий путь через всю Азию, чтобы привести нам антидот. Неожиданно для меня и всего российского «Сопротивления» наш гость привёз с собой письма, написанные одной русской девушкой, близкой нам по духу. Это очень старые письма. Мы искали и продолжаем искать их автора, но пока безуспешно. Ману! – обратился он ко мне, и люди, сидевшие в передних рядах, передали оратору упомянутые записи, скреплённые в тонкую книжечку; он взял их в руки и, листая, проговорил, – Я уже почитал некоторые из них... Хочу прочесть вам небольшой отрывок... хотя делать так, конечно, не совсем этично. Но эти записи – больше, чем письма. Здесь много рассказывается о мировой ситуации, о простом и великом... Эти письма изменили жизнь Ману, он очень дорожит ими... – парень взглянул на меня, – Записи доказывают, что ещё задолго до рождения «Сопротивления» русские люди отказывались принимать Систему и Новый Мировой Порядок. Больше всего меня впечатлило одно... кажется, оно должно быть в конце... Да, – он остановился на определённой странице, – Вот оно. Я попрошу максимально возможных тишины и внимания, – все маломальские шепотки стихли, – Благодарю, – улыбнулся он, сделался серьёзным и начал читать:

*«1 ноября 20:12
г. Царская Горка*

Стемнело. Над крышами небольшого города сияет ледяной лик полной луны, рассыпая по улицам серебряную пыль, которая ложится на жухлую траву и асфальт, излучая волшебное сияние. Ничего особенного: самый что ни на есть обыкновенный вечер, закат осени. Но блажен тот, кто в обычном видит необычное, как и тот, кто в необычном видит обычное. Ведь осознание того, что всё существует, что существует даже то, чего нет, – это и есть высший уровень миропонимания. Всё существующее – существенно. Погружаясь в подобные размышления, стремишься закрывать глаза своего человеческого «Я» и видеть мир внутренним взглядом, который воспринимает всё в спектрах иного порядка. Начинаешь понимать, что одна из самых больших ошибок человека – выделение его сознанием тех или иных частей Вселенной, приведением их в статус идеала или отрицательной единицы; потому-то человек и платит за эту ошибку разбившимися надеждами и разочарованием в собственной жизни. Нельзя любить одного конкретного человека, одну землю, один язык, один случай из жизни... Люди, цепляющиеся за что-то одно, в сознании своём рвут все связи этого избранного со всем сущим, а, значит, пытаются кромсать неделимую Истину, которая, противясь влиянию человека, посылает ему сильную отдачу в виде сопротивления, пытается отрезвить ударом Судьбы. Я иногда забываю обо всём этом, и сама бреду по протоптанной человечеством дороге заблуждений, чреватых непредсказуемыми последствиями. Но в моменты тишины, такие, как сейчас, разум успокаивается, освобождается от иллюзий суетной жизни, становится искренним сам с собой и заводит философские беседы... О, как теплы и родны мне дали, в которые стремится ведомая верой мысль. Иногда кажется, что кто-то или что-то помогает мне прийти к тем или иным выводам...

На свете: том, этом и других, – нет понятия смерть; конец есть начало. Всё живо. Системы распадаются, образуя всё новые и новые формы бытия. А смерти нет. Есть жизнь и продолжение, перевоплощение и движение. Великолепная игра стихий и явлений. На следующих уровнях жизни мы будем чем-то иным и, быть может, никогда не вспом-

ним о том, кем были. Даже Земля – живой организм – всего лишь клеточка в маленьком органе нашей галактики. В любой системе все элементы взаимодействуют друг с другом по некоему священному Закону единства, который отводит каждой частице свою особую роль и организует её работу по одному для всех частиц принципу. Этот Закон единства делает систему системой, давая ей толчок к саморазвитию и преобразованию в системы новых уровней; такой системой (иначе говоря, организмом) является наша планета. И всё, что на ней и в ней происходит, подчиняется своему Закону, который я предпочитаю именовать Душой-Судьбой планеты; все жизни и судьбы Земли тесно и неразрывно переплетены друг с другом невидимыми связями не только причины и следствия, но и родства. Этот закон регулирует все взаимоотношения и взаимозависимости между существами и явлениями, приводя все их усилия к одному знаменателю, т.е., так или иначе, хотим этого или нет, все мы осуществляем программу, заложенную в своеобразной спирали ДНК Земли. Разумеется, мы в силах менять нашу судьбу, но она, в любом случае, не выйдет за рамки системы и впишется в ту самую Программу-Судьбу. Ибо так же, как и всякая частица, действующая вразрез с общим ходом развития своей системы, неминуемо отторгается и становится частью чуждых систем, так и всякое, противоречащее Закону Земли, подлежит исключению из этого организма, как бестолковое и непригодное либо угрожающее единству и деятельности всего организма. Всё сущее состоит из бесконечного множества систем, вложенных друг в друга по принципу матрёшки. Одно и то же явление можно рассматривать с точки зрения разных систем, в которые оно включено. Всё включено во всё, ничто не остаётся в стороне без смысла, без цели. В этом и есть суть вселенской бесконечности. На нас влияют мощнейшие законы систем, в которые включены наши планета, галактика, измерение и так далее...

Даже на простом человеческом уровне понимания мы способны, настраивая наши ауру и мозг-передатчик на волну братского нам по планете элемента, иметь с ним единый канал связи на любом расстоянии, в любой момент и даже при временном разрыве в тысячи лет; зная особую технику, мы можем обмениваться с братским элементом энергией и даже принимать его вид. В мире всё создано из одних и тех же материалов, будь то из эфира или основных солнечных лучей, которые открыл великий и могучий Никола Тесла, или из кварцевых частиц квантовой физики. Но я уверена, как бы глубоко не заглядывало человечество во Вселенную, оно каждый раз будет убеждаться в том, что не существует в природе самой малой величины, что даже в самой крошечной и безжизненной песчинке сокрыто бесконечное множество галактик, а то и того больше... А если смотреть ещё глубже, то можно прийти к выводу, что, поскольку мы являемся элементом Единой Бесконечной Системы Бытия, каждый из нас способен настраиваться на энергетический канал любого другого элемента Вселенной и взаимодействовать с ним без применения устройств-протезов. Однако, чем чаще будут устанавливаться подобные контакты, тем больше человек будет отстраняться от своего мира, и сознание может навсегда застрять в другой системе, с которой он породнился, а это означает смерть и разложение видимого тела.

Подводя итог всего написанного, важно помнить, что сей Порядок вещей правил, правит и всегда будет править космосом.

Думаешь: магия? Отнюдь, никакого волшебства, просто над крышами города сияет ледяной лик полной луны, рассыпая по улицам серебряную пыль, которая ложится на жухлую траву и асфальт, излучая волшебное сияние. Ничего особенного: самый что ни на есть обыкновенный вечер, закат осени. Но блажен тот, кто в необычном видит обычное, как и тот, кто в обычном видит необычное...

Крепко обнимаю.
Твоя дочь».

Когда он закончил читать, в зале ещё несколько секунд стояло молчание; неожиданно тишину нарушили аплодисменты лидера. Публика взорвалась овациями; они горячей волной ворвались в моё распахнутое сердце. Я был неописуемо счастлив за себя и Настю. Я ждал, что, быть может, она откликнется, оборачивался в зал, искал её глаза... Но ничего. Мои надежды снова не оправдались. Потом прозвучало несколько оценок прочитанного, мне вернули письма, и я, откланявшись, проследовал в свою комнату, заперся и устало сел на кровать.

Подумал, встал, включил настольную лампу и прикрепил письма на прежние места в моём дневнике. Вспомнилось, что одно из них было прочитано мной не полностью; оно было предпоследним в хронологическом порядке. С унынием в сердце я берусь дочитывать последнее письмо, чтобы, может быть, уже никогда не взять эти записи в руки. Я принимаю решение отдать письма русскому «Сопротивлению». Прощай, Настя... Последнее письмо... Спасибо тебе за всё. Не знаю, что это было: мистика, случайность, или просто моё большое воображение виновато... Твои письма были мне путеводной звездой. Я прошёл большой путь... И вот я здесь, в России, жду встречи, ищу тебя в толпе незнакомых людей... Ты уже зрелая женщина, лет сорока-пятидесяти, но я уверен, мы найдём общий язык... Где ты? Жива ли? Была ли вообще? Кто ты? Зачем ты?.. Не хочу расставаться. Но надо... Сколько можно надеяться? Да и на что я надеюсь? Верю в то, что однажды по-настоящему увижу тебя, что тоже расскажу тебе свои самые заветные мысли? Верю, что мы будем по ночам, при свете луны и звёзд вести душевные беседы о жизни, о мирах и вселенских тайнах? Как глупо. Это почти невозможно. Один шанс из сотен миллионов. Но ведь не зря же это всё было в моей жизни! Для чего, Настя, для чего???

Уже за полночь. Я прочитал последнее письмо. Завтра откреплю все твои записи и отдам Владимиру... Им они нужнее.

«29 мая 19:45 г.

Царская Горка

Закрываю глаза и вижу знакомое мужское лицо, скромно обставленную комнату, старый деревянный стол, накрытый стеклом; тусклый свет от строгой советской лампы освещает тебя, сидящего передо мной и держащего в руке белый квадратный будильник с блестящим металлическим ободком вокруг круглого циферблата. Всюду стоит приятный запах ароматизированного туалетного мыла, приправленный остротой застывающего на электронной плате оловянного припоя. Мы сидим между деревянным столом и таким же деревянным шифоньером высотой почти до самого потолка. Голубые глаза при мутно-жёлтом свете лампы темнеют; взгляд становится тяжелей и угрюмей под тёмнорусыми прямыми бровями. Есть в этой хмурости особенная печаль, море доброты и скорби.

Я с трепетом и стеснением поглядываю то на твоё красивое и мудрое лицо, то на циферблат будильника. Ты ставишь его на стол и, прокручивая стрелки, учишь определять по ним время. После подробных объяснений спрашиваешь: «Поняла?». В ответ отрицательно мотаю головой. Ты тяжело вздыхаешь и начинаешь урок заново. Затем переходим к изучению работы маятников. Оказывается, Земля – это гигантский живой магнит, в невидимых лучах которого мы живём; оказывается, мы и всё на свете имеет такие же лучи. Они суть магнитное поле, поясняешь ты и начинаешь водить тонким пальцем по странице научной книги, читая вслух сложные научные термины мне, совсем маленькой девочке, которой недавно исполнилось шесть лет. За окном по подоконнику настойчиво топают тяжёлые капли дождя.

Стук в дверь. С коротким скрипом усталых дверных петель на пороге появляется какой-то мужчина. Он подходит к нам, сообщает о том, что кому-то из его знакомых

нужна твоя помощь, и уходит. Недолго думая, ты закрываешь книгу, и мы одеваемся на улицу.

Из поклажи ты берёшь только свой старенький советский портфель из коричневой кожи на маленькой ручке; о зонте не может быть и речи. Выдвигаемся в путь. Сырая осенняя прохлада бьёт в лицо. Холодно. Я торопливо выбегаю под дождь легко одетая; уши прикрывает вязаная шапка с бумбончиком. Один твой шаг равен моим пяти; я спешу за тобой полубегом и протягиваю ручку. «Иди сама!», – строго говоришь ты и руки не подаёшь. Мы оба знаем, что там, куда идём, нас ждёт сломанный телевизор или радио, или ещё какая-нибудь электроника, нуждающаяся в ремонте; как и всякий раз, ты починишь её абсолютно бескорыстно, не взыскав ни денег, ни другой материальной награды; лишь изредка тебя убеждают взять литровую банку варенья и то только потому, что сладкое – твоя слабость.

Непогода бесчинствует в сером, продрогшем до бетонных костей постсоветском городе. Мелкий редкий дождик сыплет с белой вышины, разрезая пространство тонкими копьями и врезаясь во взволнованные ветром лужи. Мы переходим дорогу по выцветшей «зебре». Гремя и скрипя своими ржавыми железными колесами, с особым предупреждающим звоном мимо цокает старый советский трамвай. Мы поднимаемся на пригорок, выходим на полосу железной дороги и идём вдоль неё, минуя границы города. Быстрая ходьба согревает, и вот уже становится жарко. Слева от пригорка, на котором по уложенным поперёк деревянным шпалам ползёт пара металлических ужей, возвышается «полуживой» завод довоенной постройки, а справа – заброшенные сады, в гуще которых то и дело виднеются руины бывших дач; где-то там еле заметен сквозь янтарно-багряные ветви деревьев дохленький огонёк зажжённого костра, вокруг которого пристроились зачуханные бродяги. Над головой, не высоко, не низко, беззвучно рыдают тучи всё яростнее и безутешнее, и слёзы их бьют по лицу так больно, так больно, что хочется сесть и плакать вместе с тоскливым небом. Иногда мы останавливаемся и ждём, когда с дикими воплями и шипением мимо нас быстро проползут стальные зелёные анаконды, в сотнях глаз которых мелькают лица людей, съеденных этими странными животными. Как и прежде, в такие моменты я глубоко задумываюсь о том, куда спешат эти громадные змеи, что ждёт их там, на краю земли.

Мы уже далеко от города; насквозь промокли. Дождь лупит по лицу. Мои силы на исходе. «Папа!», – я прошу тебя остановиться и отдохнуть. Некоторое время мы стоим. Идём дальше, но уже медленнее. В какой-то момент я подставляю ладошку под дождь и вижу в падающих каплях маленькие лица. Удивительно, все они совершенно разные и в то же время очень похожие друг на друга, и есть в них что-то очень родное. Они сплюсциваются при ударе и вливаются в маленькую лужицу на моей ладони. С каждой новой каплей лужица всё шире и глубже, и лиц в ней всё больше и больше. Я замедляю шаг и вскоре совсем останавливаюсь, наблюдая чудо; трудно поверить, неужели это происходит на самом деле, здесь, со мной. Я заглядываю в отражение дождевой воды и вижу в нём детское личико в смешной вязаной шапке. Тревожимое каплями дождя, отражение колеблется, дробится мелкой рябью и превращается в отражение совсем другого человека. Ещё немного, и оно изменяет свои черты, становясь совершенно другим. Лица перетекают из одного в другое снова и снова в постоянном преобразении черт и форм. И вот уже скорость этого преобразования не позволяет улавливать отдельных людей, все они слиты в едином процессе перевоплощения; все они лишь варианты бытия единого, не делимого ни временем, ни расстоянием, и ни чем-либо ещё... Вдруг в отражении появляется твоё лицо и, дрогнув, превращается в детское личико в смешной вязаной шапке...

«Папа!», – закричала я, захлёбываясь страхом, – «Папа!».

Поднимаю голову на тебя, а тебя нет... Только рельсы, тучи, ливень и заброшенные сады...

Я вздрагиваю от грохота. Сквозняк настезь распахнул окно, и шторы с тюлем вздулись, точно готовые нести комнату в открытое море. Вздурораженная, я подбегаю к окну и силюсь закрыть его. Затем усталым шагом подхожу к журнальному столику, вырываю из тетради клетчатый лист и пишу, пишу тебе письмо.

*Крепко обнимаю.
Твоя дочь».*

Что-то снится... Какие-то подземные залы, люди, факелы... В сознание ниоткуда врывается знакомый мужской голос...

– Я тоже когда-то верил в скорую победу справедливости, мечтал об идеальном обществе без угнетённых и нищих... С детства я вёл борьбу против израильских оккупантов, которые отобрали у моего народа родную землю и будущее. Я видел, как евреи безжалостно расправлялись с моими единоверцами, сносили наши дома или заселяли в них свои счастливые семьи. Я родился и жил в оккупации, в этой тюрьме под открытым небом, вынашивая в себе благородную месть. Тех, кто пытался защитить свою Родину от поругания иудеев, масс медиа и мировые политики называли боевиками, террористами, умалчивая о том, какие зверства устраивала армия Израиля на наших землях. Мой народ верил в ХАМАС, как в самого Аллаха... Повзрослев, я стал одним из лидеров освободительной армии Палестины, несколько раз был серьёзно ранен, но никогда не оставлял надежды на скорое обретение свободы моим многострадальным народом... Пока однажды мой друг детства, который стал ярким сионистом, не взял меня в плен... Они безжалостно пытали меня, а потом взялись за мою семью: молодую жену и двоих маленьких сыновей... И тогда я сдался... Сионисты и американцы предоставили мне всё необходимое для создания подпольной военной организации, международного партизанского движения сначала, – в Азии, а затем и в других регионах. Я продолжил борьбу... но уже как агент мирового правительства... Я с воодушевлением занялся строительством самого крупного в мире освободительного движения. Несколько десятков лет я собирал под своё крыло униженных и обездоленных самых разных национальностей и вероисповеданий, всех, кого не устраивала существовавшая модель общества. Всё это время Большой Брат знал о наших перемещениях, планах и заговорах; я скажу больше: чаще всего, именно мировое правительство ставило те или иные задачи перед борцами «Сопrotивления», и те послушно выполняли их, думая, что самостоятельны в своих идеях и действиях. Мировая элита позволяла нам убивать сотни и тысячи своих солдат, и чем больше становилось жертв нашей войны, тем быстрее «Сопrotивление» зарабатывало репутацию реальной бескомпромиссной силы, защищавшей интересы простых людей, и тем больше свежей «крови» вливалось в наши ряды. Иногда Большой Брат устраивал показательные бои, на которых отряды «Сопrotивления» терпели огромные потери, и, таким образом, лишний раз доказывал, что ведётся настоящая борьба между двумя непримиримыми противниками. В конце концов, даже самые приближённые к мировой элите политики поверили в это. Настолько этот проект был сверхсекретен... – я открыл глаза и в дымке помутнённого сознания увидел перед собой Наджама Хана, расслабленно сидящего на мягкой софе, – Проснулся?... ну и славно... Думал, сам с собой разговариваю, а ты, видимо, притворялся всё это время... – как ни в чём не бывало продолжал он.

Голова моя раскалывалась. «Что происходит?! Где я?!», – хотел было закричать я, но рот оказался накрепко заклеен. Я попытался шевельнуться, но был связан по рукам и ногам к стулу, на котором сидел.

– М-м-м? М-м-м! М-м-м-м!!! – мычал и рычал я, прыгая, ворочаясь в попытке ослабить узы.

Наджама Хана моё положение абсолютно не смущало.

– Это бессмысленно, солдат! Ты больше ничего не сможешь сделать. Это не сюжет голливудского экшена: никаких happy end'ов, никаких неожиданных поворотов судьбы...

Тебя ждёт морская пучина и стая голодных акул. Ты должен достойно принять свою горькую участь.

Я продолжал изо всех брыкаться, рычать, тяжело дыша через нос.

– Я думал, тебе интересно дослушать мою историю до конца... – он собирался встать.

Я стих.

– Что? Всё-таки интересно? – усмехнулся Наджам Хан и встал, – Да, зря ты пошёл против меня... Ну что ж, я всё сказал, – он подошёл к двери и достал ключ, – Всё равно тебе осталось недолго... Как и твоим «братьям и сёстрам», – с театральным пафосом произнёс он и исчез за дверью. Послышался звук закрытия двери на замок.

– М-м-м-м-м-м-м!!! – протяжно зарычал я Наджаму Хану, отказываясь верить в происходящее, и снова начал брыкаться, извиваться, делать всё, чтобы освободиться.

Вдруг где-то наверху, как я понял, этажом выше, затопали люди; откуда-то донеслись приглушённые мужские крики. Я замер, прислушиваясь, и продолжил операцию по самоосвобождению. Спустя минуту помещение, в котором я находился, качнуло так сильно, что мой стул чуть не опрокинулся. Где-то далеко раздался громкий пронзительный, будто эхом усиленный металлический скрежет. Топот людей усилился. Голоса умножились: теперь кричали и мужчины, и женщины.

– Наверно, он здесь! – взволнованно воскликнула женщина за дверью.

– Ключи!

Дверь попытались открыть, но безуспешно.

– Не подходят...

– Так найдите!

– Несут! Несут!

– Открывайте!

– Сейчас-сейчас!..

Тишина.

– Что вы там копаетесь?!!

– Не кричите на меня!!!

Дверь отворилась, и на пороге появились какие-то люди.

– О Боже! Здесь человек связан! – ахнули они и бросились меня развязывать.

Я, наконец-то, смог говорить и нормально двигаться.

– Судно подорвалось на mine! Поднимайтесь на палубу! Быстрее! – затараторили они.

И я кинулся прочь из каюты. Коридоры были битком набиты испуганными спешащими пассажирами самых разных национальностей и рас. «Международный рейс», – понял я. Повсюду царили паника и хаос.

– Берите спасательные жилеты и поднимайтесь на палубу! Сохраняйте спокойствие! Не создавайте давки! – кричали в поворотах. Пол под ногами стремительно накренился.

Двигаться приходилось по течению толпы, протискиваясь между плечами и локтями людей. Всюду стоял оглушительный гвалт. И вдруг я вспомнил, что вместе со мной на корабле плывут почти все наши из балучистанского «Сопrotивления».

– Роми! – завопил я, – Роми! Хамаюн! Ваджахат!³⁶

Поднимаясь по длинной лестнице, я спрашивал у прохожих: «Вы не видели здесь девушку такую... индийской внешности лет 20—25?», но взволнованные люди, не дослушав вопроса, отвечали отрицательно и спешили дальше.

Я выбежал на палубу и на несколько секунд замер в оцепенении: окружённый бескрайней чёрной водой, наш корабль медленно ложился на бок. Палуба кишела растерянными, неистовыми людьми в оранжевых спасательных жилетах и без; всё вокруг освещал сереб-

³⁶ Ваджахат (Wajahat) – мужское имя, распространённое в Пакистане.

ристый свет прожекторов и фонарей. Меня чуть не затоптала полная женщина, что-то кричащая на непонятном языке. Все кругом двигались и кричали, толпа несла меня непонятно куда. Вдруг мой взгляд поймал лицо какого-то чёрного мальчика, втиснувшегося между мной и пожилым мужчиной; парнишка быстро зыркнул на меня и исчез в толпе. Холодная волна ужаса прокатилась по моим внутренностям. Я видел... Джереми.

– Джереми! – закричал я, расталкивая впереди шедших людей, – Джереми-и! Стой!

Скоро я оказался возле перил. На быстром ходу от корабля отплыл, разрезая волны килем и гудя мотором, белый катер с несколькими пассажирами, среди которых мелькнул силуэт Наджама Хана.

– Джереми!!! – заорал я ещё громче, пытаюсь перекричать разноголосье людского хаоса, и начал подбираться ближе к месту, где пассажиров усаживали в шлюпки.

– Только женщины и дети! – донеслось до меня, – Потом все остальные!

– Ну не хватит шлюпок! – закричал чей-то мужской голос.

И толпа взорвалась спорами.

Я глянул вперёд, и увидел, как чёрный мальчик, без спасательного жилета, без каких-либо средств для спасения, сидит на бортике, свесив ноги над водной пропастью.

– Джереми!!! – вырвалось из меня.

Плеск воды внизу. Мальчика нет.

– Джереми!!! – завопил я и бросился в воду.

– Куда он без жилета?! – ахнули женщины.

Полёт был недолгим. Ледяная вода вонзилась в моё тело; от резкой смены температуры я чуть не потерял сознание, уходя глубже под воду. Всплыл, жадно заглатывая холодный воздух, и на выдохе яростно закричал:

– Дже-ре-ми!!! – оглянулся я и заметил чью-то голову над водой, – Джереми?! – голова отдалялась прочь от корабля. Я поплыл за нею, – Джереми, остановись! Куда ты?!

Но ответа не было. Я плыл десять минут, двадцать минут, но ни на метр не приблизился к мальчику. Я даже поразился его умению быстро плавать. На какой-то момент я оглянулся на корабль и застыл... На достаточно большом расстоянии от меня огромный пассажирский лайнер, перевернувшись на бок, полностью спрятал его под водой. Свет на палубе ещё не погас и озарял её почти пустую. От увиденного у меня всё внутри сжалось от ужаса.

Когда я повернулся по направлению к плывшему мальчику, то уже не увидел его.

– Джереми!!! – кричал я, озираясь по сторонам, но ответа не услышал. Я позвал его ещё несколько раз так громко, что охрип.

Разочарование и скорбь опалили мне сердце. Куда плыть? Что делать? Я устал. Устал плыть. Начал ощущать, как конечности отказываются двигаться. Смерть в таких случаях неминуема, понял я, и тело, замерев на мгновение, стремительно опустилось под воду так, что она накрыла его с головой; пузыри ослепили, жидкий лёд вонзился в мои глаза и уши. Шум воды над головой. Я поднял глаза: на воду упал некий продолговатый предмет, от которого тянулся канат к маленькой лодке. Собрав последние силы, я подплыл к предмету, ухватился за него, чудом вырвался на поверхность воды и сделал долгожданный вдох... Из ниоткуда донёсся громкий деревянный стук.

Я открыл глаза. Свет. Белый потолок.

– Ману! Ты что, уже спишь? – проговорил приглушённый мужской голос. Удары по дереву возобновились.

«He speaks in Russian»³⁷, – сообразил я.

Присел на кровать, сжал лицо руками, пригладил ими волосы против их роста.

– Иду! Иду! – я встал и открыл дверь.

³⁷ He speaks in Russian (англ.) – «он говорит по-русски».

– Спал, что ли? – удивился Ярослав, примерно, мой ровесник ростом чуть ниже меня, светловолосый, щупленький.

– Ага, – сонно ответил я.

– Тогда извини, что разбудил... Хотел обсудить кое-что очень важное. Но вижу: ты не в том расположении духа сейчас.

– Нет, нет, говори.

– Ладно, потом... неважно выглядишь. Что-то нехорошее приснилось?

– Кошмар... – тяжело вздохнул я, отведя взгляд в сторону и вспоминая отрывки жуткого сна.

– Кошмары просто так не снятся. Я не суеверный, а ты? Расскажешь, про что сон? Если не секрет.

Я помолчал, составляя в голове план повествования, и озвучил историю вкратце. Мой русский друг выслушал и поменялся в лице.

– Мда-а... – сочувственно протянул он, – ...Это меняет дело...

– В смысле?

– В смысле: нам точно надо поговорить. Наедине. И не здесь.

– Почему не здесь?

Парнишка настоял:

– Не здесь.

Я удивился: в штабе «Сопротивления» нам не угрожали прослушка или слежка.

Одетые по-осеннему, мы вышли на улицу провинциального российского городка и прогулочным шагом двинулись по мокрому тротуару проспекта, подняв вороты верхней одежды. Стояла тихая прохладная ночь. Под ногами сыро шелестели пожелтевшие и опавшие с деревьев листья. Как давно я не видел листопада! На душе стало тепло, как в детстве или юности, которые прошли в Северо-Американском союзе. Только улицы здесь совсем другие, всё вокруг чужое, незнакомое, и прохожие какие-то хмурые, недовольные; дворы – чёрные, недружелюбные... При свете уличных фонарей мы шагали в ногу; мой новый друг рассказывал о существовании других миров, богов, эгрегоров³⁸, жизни после смерти, но ощущалось, что не ради этой темы он пригласил меня прогуляться.

– Знаешь, почему я разговариваю с тобой об этом? – доверчиво и по-братски посмотрел он на меня, – Потому что, когда я тебя увидел, сразу почувствовал: что-то особенное в тебе есть. У меня чуйка на таких людей...

Я шёл с добродушным выражением лица и внимательно слушал своего собеседника, пытаюсь уловить подтекст...

– Ты когда-нибудь задумывался: как понять, спишь ты в данный момент или нет? Даже во сне мы, чаще всего, не понимаем, где находимся – в реальности или в иллюзии, которая создана не то нашим мозгом, не то чем-то иным, не то тем и другим одновременно. Как вообще определить: реален ли вот этот мир, который мы видим, трогаем, нюхаем? Наши органы чувств, с помощью которых мы контактируем с миром, на самом деле искажают настоящую картину всего происходящего вокруг нас? Ведь возможности наших тел слишком ограничены, нельзя об этом забывать... – он посмотрел в небо, затем посмотрел прямо перед собой, – Так вот... чем чаще я задаю себе эти вопросы, тем меньше верю тому, что вижу и ощущаю... Иногда смотрю на что-нибудь и не верю в то, что оно реально... Трогаю – и всё равно не верю. И ничто не может убедить меня в том, что оно реально... ты не думай, что я с ума сошёл... Даже приборы для физиков, химиков... они постоянно доказывают нам, что

³⁸ Эгрегор – здесь: энергоинформационный сгусток, порождённый психикой большого количества людей; он покрывает большую территорию и влияет на всех её жителей.

мы видим далеко не всё, что есть на самом деле; да мы не видим и молекулы из того, что есть... Я не слишком сложные вещи говорю? – как бы извинился он.

– Нет, нет...

– Мне кажется, ты очень даже в этом разбираешься...

– Ну-у, не то, чтобы очень...

Навстречу по городской улочке шла девушка, закутанная в тёмное пальто; тень от накинутого на голову капюшона скрывала глаза незнакомки. Когда она подошла совсем близко, и мерцающий свет фонаря полностью озарил лицо, светлые глаза её, тот самый взгляд девушки из сна пронзил меня насквозь и тут же исчез в тени капюшона. Молодая дама прошла мимо. Я остановился. Застыл. Я бросился к ней, тронул за плечо, по привычке обратившись: «Excuse me³⁹». Она резко повернулась на меня. Очень похожая на Настю незнакомка зыркнула на меня зелёными глазами, испуганно отстраняясь.

– Что? – не расслышав, переспросила она возмущённо, слегка нахмурившись.

– Ману! – позвал меня Ярослав.

Я растерялся:

– Nothing... nothing... just... Im sorry⁴⁰, – от волнения я забыл русские слова; вглядывался в знакомые черты, и не мог поверить, что наконец-то увидел их в реальной жизни. Как похожа!

– Ману! – подбежал ко мне Ярослав и потянул за локоть, – Девушка! Ради бога, извините, он обознался. Извините.

Девушка подозрительно кивнула. Мы отошли.

– Я думал, что это она! Та самая девушка, которая написала эти письма. Их читали на собрании.

Ярослав усмехнулся:

– Ты мистик... Как же это возможно? Столько лет прошло. Она уже давно не девушка.

– Очень похожа. Очень! Я тоже удивился...

– Бывает... Так, о чём это я? – задумался Ярослав, вспомнил и продолжил, – А! Вот... – теперь я слушал его уже не так внимательно, мысли были заняты неожиданной встречей, – Получается, что мы, наше тело: наши органы чувств и даже мозг – получают и обрабатывают информацию с большими погрешностями, и в результате получается, что сознание воспринимает созданную в голове картину как реальность, как истинный окружающий мир. Всё, что мы чувствует, видим и слышим – закодированная копия реальности, это всего лишь электрические разряды, которые шастают по нашим нервным клеткам. А какой он, реальный мир, мы не знаем и знать не можем с таким, как сейчас, строением тела... Да я думаю, что и нет во Вселенной такого тела, которое бы видело реальность во всей полноте. Мне вообще кажется: увидеть реальность может только дух, бестелесная оболочка. Те, кто вышли из материи, могут пребывать здесь и сейчас, но мы не будем их видеть, потому что наше тело приспособлено к восприятию мира грубых частот. Они... те, кто вышли из своих тел... я не знаю, родные они мне или нет... этих людей я называю богами... Я слышал их... я знаю: они всегда с нами, они помогают нам, они никогда нас не бросят. И ты знаешь... даже если с «Сопротивлением» что-то случится, даже если! – боги сделают так, они повлияют на тонкий мир и, таким образом, на грубый... и борьба продолжится. Я тебе обещаю! Пройдёт немного времени, и улицы назовут нашими фамилиями! – взволнованно говорил мой друг; его синие глаза светились то радостью, то тревогой при свете ночного фонаря.

– Мне кажется, я уже слышал нечто подобное... – проговорил я, – От другого человека.

³⁹ Excuse me (англ.) – Простите.

⁴⁰ Nothing... nothing... just... Im sorry (англ.) – Ничего... Ничего... просто... Извините.

– Я сразу понял, что ты разбираешься! Есть вещи, которые даже не каждый наш поймёт... Что уж говорить о тех, кто живёт в Системе. Это вообще овощные культуры: рождаются, растут, дают плоды, гниют и разлагаются... Живут в своём призрачном мире... Беспомощные, жалкие людишки... Их жизни бессмысленны, забиты пустой суетой; чувства низменны, образ жизни прописан до мелочей их безымянными хозяевами... Люди стали бестолковыми существами... Их жизни не имеют ни реальной цены, ни какого-либо коэффициента полезного действия... Забавно наблюдать со стороны, как они набивают себе цену, соревнуются друг с другом ради статуса и господской подачки; каждый хочет доказать, что он стоит дороже других. А для мирового правительства они все – ничтожества, дармовая рабочая сила, бесплатный биоматериал... – мой необычный собеседник глянул по сторонам, не поворачивая головы, – Вроде достаточно отошли... Теперь я буду говорить, а ты не сбавляй ход и не меняй поведение, – назидательно буркнул он.

– За нами следят? – удивлённо спросил я, не оборачиваясь и поднимая выше ворот.

– Возможно... Предположим, что да. Камеры могут быть где угодно.

Мы прошли несколько метров молча, и он продолжил, но голосом уже совсем другого человека – не философа и мечтателя, а побитого жизнью бойца:

– Я не последний человек в российском «Сопrotивлении»... Знаю всю эту кухню... Мой отец был командиром российского отделения, героически погиб, сражаясь против оккупантов. Сам я, в прямом смысле, воспитан «Сопrotивлением»; за свою недолгую жизнь трижды ранен, дважды был на грани жизни и смерти. Вся моя жизнь – война, невидимая большинству обывателей... война против оккупации моей страны и всего мира. Я через многое прошёл и многое видел. «Сопrotивление» – это моё всё... понимаешь?

– Понимаю.

Ярослав, не взглянув на меня, продолжил:

– С недавнего времени я начал ловить себя на мысли, что всё идёт как-то не так... Произошли какие-то внутренние изменения, которые для большинства наших остались незамеченными...

Я напрягся.

– Твой сон... он многое объясняет, – продолжал он, – Боги показали тебе его не просто так... Они предупреждают нас.

– О чём? – спросил я, хотя сам знал ответ на свой вопрос.

– Нас предали, – сурово произнёс Ярослав.

– Кто?

– Тот, на кого ты никогда не подумаешь.

Я понял, что он имеет в виду Наджам Хана.

– Не-ет, это невозможно.

– Ты слышал, что сказал наш главный? Препарат может вызывать побочный эффект. В Китае от него уже погибло несколько десятков человек. И это только начало. В Африке цифры ещё больше. В Америке тоже самое.

– Я этого не знал... – я растерялся, замедлив шаг.

– Это по последним данным. Начальство не озвучивает их.

– Наверное, потому что от вируса погибло ещё больше?

– Антидот не готов – это факт.

– Тогда почему лидеры отделений приказали его колоть? – спросил я сам себя.

– Они подчиняются напрямую Наджаму Хану. В «Сопrotивлении» далеко не всё идеально, в том числе избирательная система. Я давно пронюхал, что если проходят выборы, то всё делается так, чтобы у руля отделения стоял нужный Наджаму Хану человек. Короче... Они хотят нас всех угробить... – в тихом гневе проговорил Ярослав.

– Я... Это невозможно! – я не знал, что думать и как себя вести.

– Я сам сначала не мог поверить, – горько отозвался друг, – Но здравый рассудок...

– Откуда ты знаешь про эти жертвы? – нервно перебил я его, – Что, если твой источник – провокация?

– У меня несколько таких источников в разных странах, и все они говорят одно и то же.

В это трудно поверить, но это так...

– Это может быть спланированной акцией против нас. Вдруг твои источники – какие-нибудь шпионы мирового правительства, которым поручено дезинформировать нас! – яростно глянул я на него.

– Ману! Ты думаешь, я не рассматривал этот вариант? Я уже несколько месяцев не могу спать спокойно. Недавно я всё понял... А эти жертвы... Они окончательно открыли мне глаза, – он тяжело вздохнул через нос, плотно сжав губы, – Я ни с кем не поднимал этот вопрос, иначе меня бы приняли за провокатора. Даже если ты не поверишь мне, я думаю, что наш разговор состоялся не зря... Сам подумай: эта версия многое объясняет... Десятилетиями мировое правительство медленно завоёвывало власть во всех странах мира... Теперь их цель – разрушить последних носителей идеи сопротивления... Подумай сам: насколько это логично! Нет никакой лаборатории! Нет никаких тайных покровителей! Нет никакого успеха в борьбе против Большого Брата. «Сопротивление» – это сверхсекретный проект мирового правительства, ещё одна гигантская мистификация. Весь мир поверил в неё так же охотно, как он верит в международный терроризм, в честные выборы, в эволюцию человечества и его светлое будущее. Я думаю, мы не единственные, кто понял, что «Сопротивление» – это театральная постановка, просто мы о них «почему-то» не знаем. Вера в скорую победу над Новым Мировым Порядком ослепила всех настолько, что мы не заметили... не захотели заметить очевидного...

Он говорил уверенно, сильно, стараясь успокоить собственное волнение. То, что я услышал, переворачивало во мне всё, что долгое время было основой моего мировоззрения. Нагоняя атмосферу уныния и горечи, начался мелкий дождик.

– Мне тяжело об этом говорить, брат... – признался он, – Но это правда, независимо от того, верим мы в это или нет. «Сопротивление» – это наш общий мыльный пузырь, в котором мы жили все эти годы, и скоро наступит момент, когда он лопнет... Я не знаю, что они задумали. Понятное дело, что конец «Сопротивления» – это конец любого инакомыслия в мире. Но неужели это всё? Трудно поверить, что это единственная цель... Обычно они убивают несколько зайцев одним выстрелом.

Мы подошли к небольшому мосту. Ярослав предложил остановиться у железных перил и перевести дух. Вокруг стояло несколько невысоких жилых домов и один магазин с закрытыми дверями и окнами. Мы поднялись на середину моста. Ярослав поставил локти на перила, а я вцепился в его прутья потными руками; взгляды наши были обращены на чёрную воду реки, на которой раскачивалась мелкая серебристая рябь. Он предложил мне план действий. Я помолчал и ответил, что ещё не успел отойти от шока, не готов принимать какие-либо серьёзные решения и дам ответ позже, когда всё ещё несколько раз обдумаю. «У нас нет времени. Всё произойдёт со дня на день», – торопил Ярослав. Я хотел было поспорить...

Внезапно – тихий, глухой шум падающего тела. Не оборачиваясь, понимаю, что в Ярослава стреляли. Мгновенно среагировав, прыгаю в воду, просочившись через широкий низкий проём в перилах моста. Ледяная вода вгрызается в тело, и я погружаюсь в тину речных глубин...

– Отнесите его в кладовку, когда все лягут спать... и чтобы никто не видел!

– Может, будет проще его кх-х-х?

– Нет... Наджам Хан сказал оставить его в живых...

– Зачем???

– Это уже не имеет значения. В лучшем случае, его ждёт пожизненное заключение...

Выполняйте! У нас нет времени на пустые разговоры!..

Шелест листьев... Открываю глаза: сизое небо сыплет на меня капли дождя. День или утро. Быть может, вечер. Сажусь: голова раскалывается. Ноги ноют. Оглядываюсь: где я? Встаю с мокрой пожелтевшей травы. Отряхиваюсь; почти насквозь мокрый. Вокруг деревья: яблони, груши, вишни; кусты и обугленные деревянные доски. Кроны деревьев переливаются жёлтой, красной, бурой и тёмно-зелёной листвой... Ветер гуляет по верхушкам деревьев. Где-то неподалёку горит костёр, – его накрённая худенькая струйка дыма тянется к небу. Откуда-то доносится гул старого поезда... Железная дорога! Иду на звук... Выхожу к подножью пригорка. Гудок приближающегося поезда всё громче, железный скрежет и топот тяжелых колёс взрывают тишину этих мест... Неожиданно на пригорке появляется длинная череда зелёных старинных вагонов со стеклянными окнами и быстро несётся мимо, оглушая пространство грохотом и скрипом железа. Я поднимаюсь на пригорок и стою на месте; нагоняемые бегом поезда воздушные потоки обдувают меня. Ощущается терпкий солёно-горький запах... Перед глазами проносится множество окон с мелькающими в них лицами людей.

В голове возникает мысль о том, что этот поезд проезжает так долго, потому что огибаёт своим длинным змеиным телом всю планету, но вдалеке показывается кончик его хвоста и проносится мимо, открывая пейзаж по ту сторону железнодорожных рельсов: на пригорке стоит силуэт маленькой девочки лет пяти-шести, она стоит спиной ко мне. Поезд превращается в сжимающуюся точку на горизонте... Я перешагиваю через железные кнуты рельсов и подхожу к девочке, одетой в старинную одежду; она плачет, закрыв лицо руками.

– Чего ты плачешь? – приблизился я, – Что случилось?

Она, в вязаной шапке с бумбончиком, одетая в лёгкую осеннюю куртку, штанишки и резиновые сапоги, несколько раз тяжело всхлипывает, отрывает ладони от лица и поднимает на меня заплаканные глаза...

В её лице мне многое знакомо.

– Папа! – дрожащим голосом проговаривает она, – Ушёл! А меня оставил здесь! – она делает тяжелый вдох и начинает снова тяжело рыдать.

Я оглянулся вокруг: осень, дождь, железная дорога, заброшенные сады и костёр там, среди крон деревьев... Ловлю себя на мысли, что не помню, как сюда попал. Я никогда здесь прежде не был... Но всё так знакомо!..

«Я сплю! Это сон!», – думается мне. Но я вижу, слышу, обоняю и осязаю всё вокруг абсолютно отчётливо. Всё реально, как никогда! И грусть, царящая здесь, и морозящий дождь, и небо, невысокое-ненизкое, эти осенних оттенков волны крон там, внизу... Шум и шелест, пронизывающий насквозь ледяной ветер и солёно-горький запах пропитанной сажей гальки, устилающей шпалы... Не может быть! Неужели вся моя жизнь, все эти вооружённые бои, партизаны, предательства и раскаяния, любовь и просвещение... Неужели, всё это – сон, один долгий сон? Неужели всё это время я спал... да, я знаю: время во сне и наяву течёт с разной скоростью. А это значит... что я мог спать всего не более суток, а во сне увидеть несколько лет моей зазеркальной жизни... О Боже! Голова болит. Значит, меня оглушили чем-то тяжёлым. Значит, я лежал здесь относительно долго.

Ущепнул себя: больно! Всё вокруг реально. Тяжело вздохнул, подошёл к девочке и сел перед ней на корточки...

– Не плачь, – ласково прошептал я, – Не плачь... Как тебя зовут?

Она несколько раз тяжело вздохнула, выравнивая дыхание, и, не отрывая от лица ладошек, проговорила жалобно:

– На-астя...

Сердце кольнуло. Я отвёл взгляд и сглотнув отозвался:

– Настя... Красивое имя... Я знаю твоего папу, Настя. Он очень хороший человек. Он оставил тебя здесь не потому, что не любит тебя... Он ушёл туда один, потому что тебе нельзя было туда. А теперь он ждёт. Пойдём, я отведу тебя.

Девочка открывает своё круглое детское личико и смотрит на меня покрасневшими от слёз голубыми глазами. Она долго смотрит, потом вытирает сопливый носик рукавом куртки и кивает: «Угу»...

– Ну вот и славно... Давай ручку! – я встаю с корточек и протягиваю ей руку. Она поднимает на меня удивлённый взгляд из-под русой чёлки... и кладёт руку в мою большую грубую ладонь.

Я делаю маленькие шаги, чтобы девочка могла идти неторопливо. Дождик закончился. Только холодный ветер носится повсюду, перешёптываясь с увядающей листвой деревьев и лаская своей ледяной кожей наши лица и руки. «Как хорошо», – думаю я и вздыхаю с облегчением, – «На самом деле, ничего этого не было... Нет, ничего нет... ни Наджама Хана и его „Сопrotивления“, ни Большого Брата и мирового правительства... Есть только жизнь... простая, обычная жизнь». Мы идём вдоль железнодорожных путей туда, куда умчался поезд; не знаю почему, но я абсолютно уверен, что выбрал правильное направление... Она о чём-то спрашивает меня, я отвечаю по-отцовски добро, ласково, и в её глазах загорается огонёк интереса. «Скоро придём... Скоро... Совсем скоро», – обещаю я...

Чем ближе мы к назначенному месту, тем светлее тучи, теплее воздух... Перед нами над горизонтом, над маленькой точкой, в которой сходятся линии рельсов, пелена белых облаков открывает небо, и вечернее солнце острыми, невыносимо яркими лучами пронзает сырое, хмурое пространство, слепя глаза и грея душу. Мы шуримся. Настенька от неожиданности восклицает: «О-ой!» – и смеясь прикрывает глаза рукой. Я отворачиваюсь, несколько раз моргаю, восстанавливая зрение, и вижу, что деревья садов и трава – всё так быстро зеленеет, словно при ускоренной съёмке. Я показываю малышке, она тоже замечает это и смеётся: «Ух-ты!». С каждым нашим шагом туча, как старая грязная ширма, сползает с чистого, безмятежного голубого неба, с этого стеклянного купола, накрывающего мир. Девочка снимает шапку, расстёгивает куртку; я следую её примеру. Мы идём за солнцем по дороге, облитой янтарно-золотым светом заката. И в мыслях только усмешка над самим собой: «Надо же! Приснитесь же такое! Джереми! Наджам Хан! Ярослав! Заговор каких-то богачей, каких-то оккультистов против всего человечества! Чушь какая!». А вокруг всюду распеваются и щебечут птицы, жужжат и заходятся сладостным трекотом насекомые в густой зелёной траве, разноцветные бабочки порхают, делая плавные взмахи крыльев; нас ласкает тёплый летний ветерок, и дышится так легко и приятно; на кронах деревьев поспевают плоды: яблоки, груши, вишни, сливы. Даль, горизонт вокруг нас чисты и светлы... Никогда ещё мне не было так хорошо, как сейчас... Заходящее солнце целует нас своими горячими сухими губами, точно мать, утешающая заплаканных чад. И мы идём, не замедляя шага, навстречу слепящей половине заходящего солнца, прикрывая глаза руками; и вот, солнечный диск вырос на полнеба, а мы всё идём, идём... и солнце всё ближе, ближе... И весь мир нас любит, и мы его любим со всем возможным и невозможным, реальным и нереальным... И в какой-то момент понимаем, что находимся внутри бесконечного и всеобъемлющего света... Вокруг – только свет и ничего больше. Он поглощает, растворяет в себе телесную и моральную тяжесть, воспоминания, мысли, чувства... И нет ничего, никого, кроме света... Всё – свет... Мы – свет... Везде и всегда – свет. Свет... Свет...

Свет... Греющий, слепящий глаза свет... Прикрывая лицо ладонью, отвернул голову в сторону... Открыл глаза, моргнул несколько раз... Сквозь жёлтую пелену воспалённого от яркого света зрения вижу серую стену, белый потолок, невключённую настенную лампу... Я лежал... Поднял голову, щурясь и прикрывая глаза рукой, окинул глазами помещение, в котором находился. Стена, потолок, пол, какие-то предметы, несколько стульев... пыльно... Из маленького незашторенного окна – ярчайший бело-жёлтый солнечный свет, обливавший пропитанное пылью и сыростью неизвестное помещение. Тело с трудом слушалось... Но я всё-таки сел... Голова... Невыносимая боль по всей черепушке... Схватился за голову... От боли грубо промычал: м-м-м-м...

Оглянулся ещё раз: какое-то подсобное помещение или что-то в роде этого... Прислушался: тихо, – ни голосов, ни шагов, ни каких-то других посторонних шумов... Я ничего не понимал. Одежда на мне мокрая, неприятно пахнущая.

Немного придя в себя, попытался подняться на ноги... Качнуло в сторону... Поднялся. Едва не упал. Но всё-таки встал... Заметил дверь; перебирая ватными ногами, подошёл к ней. Дёрнул за ручку: заперто. Замок выглядел как-то необычно, но знакомо... Сунул руки в карманы, достал кучу мелких карманных предметов, обнаружил на них надписи русской буквицей и понял, что нахожусь где-то в России. Ещё раз пристально огляделся вокруг. Надо найти ключ. В конце концов, не нашёл. Насупился. Снял верхнюю одежду. Звать кого-нибудь было рискованно. Но подошёл к двери и негромко крикнул:

– Лю-юди-и!

По ту сторону двери было всё так же тихо и безразлично.

– Лю-юди-и! Кто-нибудь! Откройте дверь!

Приложил ухо к щели между дверью и косяком и прислушался, затаив дыхание. Пугающая тишина. Теперь тишина начала меня пугать.

– Лю-юди-и! Наро-од! Э-эй!!! – дёргая за ручку, зарычал я.

Но меня никто не услышал. Либо здесь никого не было. Тогда я предпринял несколько попыток разбить дверь подручными средствами. Через полчаса с горечью признал, что всё безуспешно... Сел на пол, опёршись спиной о дверь. А в голове причитали мысли: «Опять брежу! Проклятый сон! Разучился отличать сновидение от реальности. Может, я – душевнобольной или наркозависимый? Помню Ярослава... Помню, как он говорил: мира, в котором мы живём, не существует! Наша жизнь – один большой сон, созданная нашим сознанием параллельная реальность. Ничего этого нет! Мой разум снова закинул меня в какие-то виртуальные декорации... Как я устал!!! Я хочу выйти отсюда! Кто-нибудь! Скажите, как и куда? Заберите меня отсюда!» – мысленно взмолился я всем ангелам и богам; опустил голову и заплакал... как маленький ребёнок.

Когда я перевёл дух и немного успокоился, за дверью послышался лёгкий шум. Он приближался. Это был детский плач. По моей спине пробежали мурашки. Я боялся делать предположения. Повернулся лицом к двери, приложил ухо к двери и затих, прислушиваясь.

– Эй! – крикнул я в дверную щель, – Ты кто? Открой дверь!

Плач резко прекратился. В воздухе снова повисла тишина. Я послушал её несколько секунд, но потом устал ждать:

– Эй! Ты меня слышишь?! Открой! Открой эту чёртову дверь!

Но тишина продолжала звенеть в ушах.

– Меня кто-нибудь слышит?! Эй, ты! Кто ты? Я знаю, ты там! Не молчи! Скажи что-нибудь! Открой дверь!

Я замолчал и прислушался. По ту сторону двери раздался тяжёлый всхлип. Ребёнок не ушёл. Я вздохнул с облегчением: эта единственная здесь живая душа – моё спасение. Я понял, что нужно смягчиться, что своим волнением могу спугнуть ребёнка.

– Эй! – как можно спокойнее и дружелюбнее заговорил я, – Привет! Ты чего плачешь? Кто тебя обидел? Ну-ка расскажи мне! Расскажи, и я выйду и всем твоим обидчикам устрою! Ух, устро-ою!

Всхлип повторился. Тяжёлое детское рыдание нарушило тишину. Я немного послушал и принялся успокаивать:

– Ну, тише, тише, тише! Тшь-шь! Не плачь, я тебя умоляю! Такой большой, а плачешь!

– Я не мальчик! Я девочка! – хлюпающая сопливым носом, обидчиво поправила девочка.

Я опешил. О боже, нет...

– Ну прости... Давай знакомится! Меня зовут Ману! А тебя как?

По ту сторону двери прозвучало слово, но так тихо, что я не смог разобрать.

– Как? Ещё раз.

– Надя! – бросила девочка.

– Надя? – удивился я; мне показалось, что она искадила своё настоящее имя.

– Угу, – отозвалась она, и снова заплакала.

– Ну вот, опять! – устало упрекнул я, – Почему ты плачешь? Скажи мне, может, я смогу тебе помочь!

Девочка уверенно заявила: «Нет».

– Всё-таки давай попробуем. Найди ключик от этой двери, и мы вместе решим проблему.

Она ещё немного поплакала, несколько раз всхлипнула и затихла. Я встал и снова приложил ухо к дверной щели. Несколько минут её не было слышно. Потом ещё минут десять... Я начал нервничать и позвал её, – тишина. Ушла, – решил я. И с великой надеждой, что она ушла за ключом, начал ждать...

Спустя минут 20—30 она вернулась:

– Я не достаю!

– Подставь что-нибудь под ноги... Оглянись. Есть какие-нибудь стулья или что-то в этом роде?

Она помолчала, потом ответила:

– Угу.

Послышался скрип; что-то деревянное волочило по полу... Лёгкие шорохи за дверью. Я взмолился. С приятным электронным звоночком замок расстегнулся, и дверь отошла от косяка. Я взялся за ручку и открыл дверь. На пороге стоял стул, а на нём – девочка лет 6—7 с русыми волосами в футболке, поверх которой было одето русское национальное платье на бретельках. Я увидел девчушку, и подумал: как сильно она похожа на ту, что я видел на железной дороге, – такая же круглолицая, такая же заплаканная; даже чёлка – один в один. Я увидел её и обомлел: вроде она, вроде не она... Через силу улыбнулся. Она подняла на меня свои синие опухшие от слёз глаза и застыла, будто бы тоже узнала.

– Привет! – улыбался я, – Ну что, расскажешь, что случилось?

Она скривила лицо, готовая заплакать, и кивнула, с трудом сдерживая слёзы.

Я взял её на руки, убрал с прохода стул и зашагал по коридору.

– Куда идти? – спросил я.

Она всхлипнула, и слёзы покатались по румяным щекам:

– Туда... – указала пальцем девочка.

Я прошёл коридор и, толкнув дверь, вошёл в помещение... В комнате, освещённой не то утренним, не то вечерним низким солнцем, всюду: на кроватях, на полу, – неподвижно лежали люди. Девочка яростно заревела. Я спустил её на пол и подошёл к лежащим. Про-

щупал пульс у нескольких из них – сердца не бились. Тяжело вздохнул. Не мог понять: кто все эти люди, и каким образом нашли они смерть, потому что никаких признаков насилия не было на их телах. Я взял девочку за руку, мы вышли из комнаты, и она плача указала на другие двери. За каждой из них мы находили мёртвые тела людей без видимых травм, признаков отравления или удушения. Ни одного живого человека! Я ничего не понимал. Смерть неуспокоенным призраком витала в коридорах и комнатах этого здания, всюду стояла пугающая, сосущая слух тишина. И вот, я дёрнул за ручку одной невзрачной двери и остолбенел: передо мной появилась комната, в которой я когда-то был; всё стояло на своих местах: тумбочка, стол с настольной лампой, кровать, на которой я спал. Это моя комната в российском отделении «Сопrotивления», – ахнул я. Бросился в помещение, огляделся: всё правильно, это она! Да! Да! Не может быть! Это штаб нашего движения! Это невозможно!

Я в панике метался по комнате; осознание того, что всё происходящее реально, сдавливало мне горло сильнее и сильнее; я через силу сделал глубокий вдох и заплакал... даже сейчас, когда я пишу об этом, я не могу сдержать слёз... Ещё никогда я так не плакал... Никогда... я смотрел на стены, окно, мебель... и не видел их... всё слилось в одну искривлённую слёзами картинку...

Девочка с жутким плачем бросилась ко мне, обняла мои ноги, вздрагивая от тяжёлых всхлипов... Я убрал её руки от моих ног, присел и обнял... и мы вместе заплакали...

Сколько так длилось, трудно сказать... может, пять минут, может двадцать. Тогда я всё понял! Абсолютно всё! Соединил все события, все воспоминания, всё, что я чувствовал и слышал! Гигантская запутанная мозаика догадок и версий сложилась в одну картину... Я отошёл от девочки и приподнял подушку на своей кровати: под ней лежал мой дневник, целый и невредимый. Я взял его, быстро перелистнул страницы: он, родимый, он! В голову ворвалась мысль: сюда скоро придут!

– Уходим! Быстро! – я подхватил девочку на руки и вышел из комнаты; взял из медпункта моток бинта, вошёл в кухню, опустил девочку, нашёл нож с тонким лезвием, облил его спиртом, сделав надрез на руке, выдавил маленькую продолговатую капсулу чипа с липовыми данными, и перебинтовал руку, – Где тут чёрный ход, знаешь?

– Вон там, – указала она.

– Точно?

– Точно...

Надя надела свою куртку, а мне пришлось позаимствовать чьё-то пальто, висевшее на вешалке. Подхватив девочку на руки, я спустился в подвал, миновал несколько поворотов и оказался в плохо освещённом подземном коридоре. Девочка указывала путь. Мы долго шли вдоль сырых бетонных стен; где-то капала вода.

– Где мы выйдем? – спрашивал я.

– В деревне.

– В какой деревне?!

– Там бабушка живёт...

В голове я проворачивал самые безумные варианты. Мысли о гибели «Сопrotивления» перемешивались с яростными вопросами о нашем сомнительном будущем. Что делать? Куда бежать? Я же в России! Я ничего здесь не знаю!

Я спустил девочку на землю, взял за руку... Шли долго... очень долго... я уже почти поверил в то, что этот коридор бесконечен. Надя устала и попросила сделать передышку. Мы остановились. Я спросил, каким чудом она выжила. И Надя, хлюпая носом, ответила:

– Папа хотел, чтобы мне сделали укол. Но бабушка не разрешила и забрала меня к себе. Папа из-за этого сильно с ней ругался... А сегодня я приехала из школы, зашла к нему, а там... все умерли... и папа тоже... – она сделала несколько тяжёлых вздохов, готовая снова расплакаться, но я обнял её, погладил по головке, и она успокоилась.

– Это чудо, Надя! Это чудо! Ангелы спасли тебя! Понимаешь?

Она обречённо кивнула. Мы ещё немного постояли и продолжили путь. Когда черед лампочек закончилась, нам пришлось идти в полной темноте. Но скоро далеко впереди показалась тонкая горизонтальная полоска дневного света. Мы поднялись по ступенькам и, толкнув дверь, вышли наружу: нас ослепил яркий солнечный свет осеннего полудня. Виды осенней природы бросали в глаза жёлто-рыжие и тёмно-зелёные краски, а чистое небо, раскинувшееся от края луга до жёлто-зелёного леса напротив, лилось в глаза тёплой лазурью. Необычайно светлый и нежный пейзаж поразил нас, привыкших к полутьме подземного коридора, и мы даже ахнули.

Пройдя небольшой лесок, мы оказались на окраине посёлка. Надя повела меня к дому её бабушки, но я объяснил девочке, что таких людей, как мы, наверняка, уже ищут у родственников тех, кто входил в «Сопrotивление». Тогда она решила пойти в одиночку к бабушке на разведку. Я спрятался в кустах рядом с лесным массивом.

Через некоторое время Надя вернулась.

– Не бойся. Всё хорошо. Пойдём. Она ждёт нас.

– Я не могу. Иди. Тебе лучше идти домой. Я сам... Мне нужно исчезнуть на долгое время... – ответил я, но на самом деле не видел перед собой никакого будущего.

– Не уходи, – обидчиво попросила Надя и, подойдя, обняла так крепко, как обнимают отца или старшего брата. Я был тронут до глубины души.

– Надя... Тебе нужно идти... Если я не спрячусь, меня поймут и тебя могут забрать! Нет, Надя, иди! Иди, и не испытывай судьбу! Иди!

Она обняла меня ещё крепче и заплакала, но уже по-другому, как-то жалобно, тихо-тихо...

– Не уходи! – пробубнила она распухшими губами, – Или я пойду с тобой!

Я тоже обнял её. И вспомнил про Ромайлу, про нашего малыша, которого я уже почти не надеялся увидеть... Живы ли они сейчас?.. Может, Надя для меня теперь единственный близкий человек на всём белом свете? Я обнял девочку крепче, на глазах застыли слёзы..

– Ну хорошо... – я отстранил её и посмотрел в глаза; она шмыгнула носом и подняла на меня тяжёлый взгляд, – ... Только быстро.

Мы направились во двор. Рядом с крошечным дощатым домиком, звеня металлической цепью, залаяла собака. Мы прошли по тропинке, поднялись по лестнице на деревянное крыльцо... Я оглянулся: нет ли за нами слежки. Вроде, никого. Девочка открыла дверь, и мы вошли в дом. На встречу вышла взволнованная, заплаканная пожилая женщина, одетая по домашнему:

– О Господи! Что творится! Да за что же их, невинных! Господи! – причитала она, – Наденька, солнышко! – она бросилась обнимать девочку, и слёзы потекли по её щекам, – Тимофей! Сирота теперь! Надя! Да что же это такое!!! За что ж нас Господь карает?! За какие-такие грехи?!!

Мне стало жалко женщину. Я принялся её успокаивать.

– Бабуля, пожалуйста, не паникуйте, я вас прошу!

Женщина всхлипывала, высмаркивалась, заходилась плачем и выла от горечи и скорби. Я обнял её. Столько человек погибло... Столько жизней загублено, семей разрушено... Женщины и мужчины, дети и старики... Я знал, что это произошло не только в России... Рядом стояла Надя и тихо всплакивала.

Светлана Александровна провела нас в комнату, где работал старый плазменный телевизор. Надя проследовала за нами. Сели на диван.

– В эфире экстренный выпуск новостей. С вами Алия Стоянова. Здравствуйте. Весь мир обошла трагическая новость: крупнейшая подпольная террористическая сеть под названием «Сопrotивление», имеющая филиалы во многих странах мира, совершила акт само-

убийства в знак протеста против политики, проводимой Всемирным Валютным Фондом и правительствами ряда влиятельнейших стран. Боевики, их родственники и близкие ввели себе дозу смертельного вируса, который убивает человека в течение суток, – на экране появились груды человеческих трупов, – Вирус передаётся воздушно-капельным путём, и уже установлено, что террористы, заражённые вирусом, посетили многолюдные места в столицах и крупных городах по всему миру. Спустя несколько часов боевики международной террористической группировки «Сопrotивление» умерли, успев распространить смертельную болезнь среди сотен тысяч человек. Этот теракт уже прозвали самым крупным за всю историю, велика вероятность того, что он изменит ход истории и поставит под вопрос существующий мировой порядок. Между тем, на границе Германии и Франции был задержан главарь банды, так называемый Наджам Хан, при рождении Салам Дакар, а также в период его преступной деятельности в палестинской военно-политической организации ХАМАС известный как Абу Хасан.

Старый экран показал спецназовцев, ведущих бородатого седовласого человека, похожего на Наджаму Хана, а я уже представлял его бритым и одетым по последнему слову моды, лежащим в шезлонге где-нибудь на Гавайях и беззаботно потягивающим из трубочки фруктово-алкогольный коктейль.

– В ближайшие дни суд вынесет террористу №1 заслуженную меру наказания. Аналитики уверено прочат ему смертную казнь. В настоящий момент на местах преступления работают специалисты, задействованы все необходимые службы и департаменты. Государства делают всё, чтобы изолировать инфицированных и остановить распространение вируса. Лаборатории уже разрабатывают против него вакцину, которая сможет спасти миллионы людей от мучительной смерти. Конгрессы и сенаты большинства стран, а также международные организации созывают экстренные совещания, чтобы принять ответные меры против чудовищного теракта, учинённого одиозной бандой. Пришло время положить конец эпохе страха и лжи... Смотрите нас через пятнадцать минут...

Заиграла музыкальная заставка, и женщина снова заплакала:

– Я чувствовала! Я знала! Всю неделю сердце болело!

Я попытался её успокоить; когда это на короткое время удалось, я проговорил:

– Вы понимаете, что это дело рук мирового правительства?

Женщина посмотрела на меня:

– Теперь я всё понимаю! Всё! Господи! – задыхалась от горя женщина.

– Мне нужно идти. Скоро сюда придут. Нужно спешить.

Она смотрела на меня покрасневшими глазами, кивнула, быстро собрала большой пакет с одеждой и продуктами, проводила до выхода, потому как чёрного хода в этом доме не было. Мы остановились возле входной двери, чтобы попрощаться. Надя стояла рядом с бабушкой напротив меня, опустив голову и сцепив руки впереди. Я дал пожилой женщине несколько рекомендаций, что делать и говорить, когда придут люди в штатском, а женщина поведала о потайных местах в этой окрестности, где удобно переждать некоторое время, пока «шакалы» будут шерстить округу. Потом глянула в кухонное окно и убедилась, что во дворе никого нет. Я стал открывать дверь, чтобы выйти... Надя бросилась ко мне... обняла, заплакала...

– Не уходи!..

В груди кольнуло. Я посмотрел на Надину бабушку: глаза её блестели от скорби и тревоги. Женщина позвала внучку, попыталась отстранить её от меня. Но Надя вцепилась мёртвой хваткой.

– Нет! Не хочу, чтобы ты уходил!

– Надя... отпусти меня... – гладил я её по русым волосам, – Я буду рядом, я не уйду далеко, я буду здесь... Надя... Меня могут убить.

После этих слов она перестала плакать, разомкнула объятия, отошла, не глядя на меня. И бросилась со слезами к бабушке.

– Идите! – поторопила она, успокаивая девочку, – Идите!

Я сглотнул горечь, приоткрыл дверь и, не увидев ничего подозрительного, вышел на крыльцо. Спустился, скрипнул калиткой и быстрым шагом двинулся прочь из деревни, обречённый на пожизненное бегство от людей Большого Брата. Уходя в сторону леса, прислушиваясь к малейшему шороху вокруг и постоянно оглядываясь, я шёл с постоянной мыслью о том, что будет, если меня поймают. Ничто тогда не занимало ум, как забота о собственной безопасности. Пришли тяжёлые времена, самые тяжёлые времена в моей жизни...

В месте, указанном бабушкой, я нашёл в лесной глуши практически незаметную землянку, устроил в ней свой быт и стал жить в ожидании «гостей» в лице спецслужб России или мирового правительства. Так, я стал отшельником, ожидавшем своей страшной участи. Идти было некуда. Без чипа я не мог купить ни воды, ни хлеба, не мог вызвать скорую медицинскую помощь или оплатить поездку на транспорте. Не нужно быть экстрасенсом, чтобы понять, что все населённые пункты, расположенные в окрестностях штаба российского «Сопротивления», подвергались тщательным обыскам; чипы проверялись на подлинность, ведь лаборатория, якобы работавшая на «Сопротивление», наштамповала много подделок.

Две недели я выживал в лесу, как мог. Намерено не пользовался электричеством, чтобы не стать замеченным радаром и спутниками. Замаскировал землянку под небольшой холм.

Это были долгие дни мучительных раздумий и ожидания... Каждое мгновение, каждая секунда была наполнена страхом и скорбью... Ночами я виделся во снах со своими «братьями» и «сёстрами» из разных отделений «Сопротивления», пересекал границы государств, прятался в полуразрушенных кварталах, отстреливался, спасал людей из горевших домов, бродил по коридорам наших госпиталей, искал среди больных кого-то из знакомых, выступал на собраниях... Я несколько раз просыпался среди ночи: иногда из-за кошмаров, а иногда от громких шорохов и странных шумов, доносившихся вне жилища, и тогда, стиснув зубы, ждал, когда сюда ворвётся спецназ или упадёт ракета... А когда всё затихало, я закрывал глаза и видел знакомых и близких; несколько раз мне являлась Роми с нашим сыном, – то ещё совсем маленьким, то уже большим, лет восьми-девяти, и очень похожим на меня... «Когда я вырасту, я стану таким, как ты!», – горделиво заявлял он, а Ромайла улыбалась, такая красивая, кроткая, со счастливыми глазами... В этих снах моя жизнь продолжалась так, как должна была продолжаться, если бы не случилось то, что случилось... В этих снах я видел всех, кого знал в «Сопротивлении», всех любимых и дорогих, но не видел только одного человека, которого теперь ненавидел, казалось, даже больше, чем Большого Брата.

Две недели я ждал, когда меня навестит Надя и принесёт необходимые вещи. Не знаю, как рассказать... не могу со всей полнотой описать то, что пережил за эти дни... Хочется ставить многоточия... хочется вообще ничего не писать, только точку за точкой, точку за точкой... Не говорить, не думать, не надеяться более... Не каждому дано пережить то, что я испытал за свою недолгую жизнь. Слишком быстро она промелькнула, я не успел многого сделать... Зато смог многое осознать. Видимо, в этом и есть моё предназначение – быть свидетелем этой переломной эпохи. Не знаю, кого благодарить за то, что чудом остался жив. Не уверен, что ад моему спасению и есть ли в нём какой-то смысл. Сам уже не знаю, в кого и во что верю. Знаю только: что-то есть там, за картинкой видимого мира; оно всегда с нами... но я до сих пор не понял и не пойму, наверное, никогда, какова роль этого чего-то и зачем все эти подсказки, к чему старания, переживания, если всё равно мы будем в проиг-

рыше. Силы неравны. Теперь таких, как я, остались единицы. Что можем сделать мы, связанные по рукам и ногам?

Когда я сидел в тот злополучный день у Надиной бабушки дома и смотрел экстренный выпуск новостей, до меня начал доходить истинная цель создания «Сопротивления». Ярослав был прав! Всё было так просто! Как я не мог сразу догадаться! Как поздно меня осенило! Долгое время вера в лучшее лучшее ослепляла нас, и мы не видели очевидного! Сколько подсказок давала мне Судьба, Господь, боги или ангелы! не важно, кто или что... Самым ярким предостережением был сон, о котором я накрепко забыл... Я пролистывал дневник в поисках описания этого видения, а когда нашёл и перечитал... Я хочу переписать слово в слово этот отрывок:

«...И когда надежда на то, что я найду здесь хоть одну живую душу, была потеряна, я почувствовал, как чип в моей кисти врезался между костями, уходя вглубь руки. Явственно ощущалось, как он вошёл в вену, растворился в крови и превратился в какую-то ядовитую жидкость; и она потекла по жилам, причиняя острую боль. Я пришёл в ужас! Это нечто вело себя как живое: оно проникало в каждую клеточку тела и приносило в ней чудовищные изменения. Иммуитет чудом сопротивлялся. Я упал на колени и еле-еле держался, чтобы не потерять сознание. И вдруг знакомый голос той самой девушки из снов надрывно крикнул откуда-то из-за спины: „Беги!!!“. И я, преодолевая чудовищную боль и невыносимую усталость, встал с коленей и побежал, как смог. Чувствуя за собой погоню, я бежал по коридорам, сворачивал во всё новые и новые повороты, пока, в конце концов, не дёрнул за ручку запертой двери, из-под которой через тонкую щель струился белый свет. Я из последних сил принялся дёргать за ручку, колотить в дверь, но очень скоро в изнеможении упал на колени. ОНИ стояли позади меня. „Считывайте!“, – сухо скомандовал знакомый мужской голос. Я не успел взглянуть на них, как жидкий яд вонзил невидимые клещи в мою голову. В полусознательном состоянии я отчётливо, со всеми запахами, звуками, ощущениями и эмоциями переживал в бешеном темпе все события моей короткой жизни. Последним, что я увидел, были бесконечные коридоры с несметным количеством дверей и те самые тени, стоявшие надо мной. Затем в сознании наступила абсолютная темнота. Кажется, моё тело рухнуло на пол. „Обнуляйте!“, – глухо прозвучало где-то рядом». Каждое слово этого отрывка теперь звучало эхом в моём сознании; словно я видел, слышал и ощущал этот сон наяву, перечитывая текст снова и снова! Как же трудно об этом писать... Это конец... конец мира... Уже неважно, кто я, где я, зачем я... найдут они меня или нет... всё кончено... мы проиграли...

Сегодня, спустя две недели, Наденька пришла ко мне с корзинкой, в которой были спрятаны завернутые в полотенце гостинцы и необходимый для жизни в лесу инвентарь. Я был безумно рад видеть мою девочку, мою спасительницу. Я ждал от неё новостей. Посадил рядом с собой, и она промолвила:

– К нам приходили плохие дяди... Искали папиных друзей. Мы сказали, что не дружим с ними и не знаем, где они. Бабушка сказала дядям, что всем папиным друзьям в аду гореть... И папе тоже... Они поискали ещё немного и ушли.

– Молодец, бабушка... – усмехнулся я, – ...Она тебя одну сюда отпустила?!

– Нет. Она здесь, рядом... мы грибы собираем.

– Ясно... смотрите новости? Что в мире происходит?

Надя кивнула и ответила:

– Врачи придумали вакцину от вируса. Скоро будут лечить людей.

Мои опасения подтвердились.

– Что за вакцина? Что говорит бабушка?

– Бабушка говорит: нет никого вируса. Наджам Хан всех наших убил, чтобы сделали вакцину, которая и будет вирусом.

Я тяжело вздохнул.

– Скажи бабушке, что это не столько вирус, а скорее чип. Новый чип. Как у тебя в ручке, – я взял её за запястье, повернул маленькую кисть: под нежной детской кожей пряталась маленькая капсула идентификационного чипа, – Только он уже не будет не под кожей, а по всему телу. Скажи бабушке, что это БИОЧИП.

Наденька удивлённо посмотрела на меня:

– БИОЧИП... – повторила она, запоминая слово, – Откуда ты знаешь?

– Ангелы нашептали.

– Ангелы? – подняла брови девочка, – Ты тоже их слышишь?

Я растерялся.

– Ну-у... не то, чтобы слышу... они во сне показывают мне, что будет.

– А-а... понятно... – разочаровалась она, – А я слышу.

– И что они тебе говорят?

– Что всё будет хорошо. И мы победим.

– Так и говорят? – умилялся я.

– Да, – уверенно ответила она, – Это обязательно произойдёт. Вот увидишь!

Я обнял её:

– Победим... Конечно, победим...

Темно и тихо. Ни шороха. Лежу под несколькими слоями одеял, отвернувшись к стене. Веки припухшие. Полусонное сознание рисует перед глазами незнакомые картинки: мелькают лица, какие-то места; и всё это – беззвучно, как в старом немом кино.

Вижу: помещение землянки освещено тусклым светом свечи, горящей на деревянном столе. На скамье сидит невысокий старик: седая борода, тёмная одежда, глубокий капюшон прячет глаза незнакомца. Я открываю глаза. На стену падает тусклый свет свечи. Разум задаётся подозрительным вопросом: разве я не погасил её?! Поворачиваюсь к центру комнаты и застываю к оцепенению: за моим столом сидит никто иной, как...

– Я разбудил тебя? – спрашивает он знакомым добрым голосом, – Извини... Решил проведать тебя, посмотреть, как ты тут поживаешь. Вижу, что не очень.

Я соскочил с постели, схватил из-под матраца нож:

– Как вы нашли меня?!

– Кто мы? Я здесь один, – спокойно ответил он.

– Зачем?!

– Остынь, Ману! Разве так встречают гостей?

– Я тебя не приглашал, – приближаясь к старику, я уже был готов напасть.

– Ты не убьёшь меня, и не пытайся.

– Ещё как убью!

– Вот так ты меня благодаришь, да? – с укором проговорил Наджам Хан, – Если бы не я, тебя бы давно убили вместе с твоим русским поделником. Я подарил тебе жизнь, чтобы ты продолжил борьбу.

– Борьбу?! – возмущённо усмехнулся я, – Какую борьбу?! Всё кончено! Ты лучше меня это знаешь! Я зна-аю, зачем ты меня оставил в живых! Чтобы я мучился до конца своих дней! Ждал, когда за мной придут! Если ты здесь, значит, ОНИ уже нашли меня. А ты пришёл сюда, чтобы посмеяться надо мной! Но, прежде чем они меня возьмут, я отомщу за всех!

Это моя последняя воля перед смертью! Живым ты отсюда уже не выйдешь! – я с рёвом бросился на старика...

...И свеча погасла...

Я рвал ножом окружавший меня мрак, но никого не было рядом. Вокруг ни шороха, ни скрипа деревянных половиц. Наджам Хан исчез.

– Где ты?! Спрятался?! Иди сюда!

В какой-то момент я понял, что, на самом деле, лежу: спине – мягко, телу – тепло... вокруг – беспроглядная мгла. Тишина. Я встал, прощупывая руками пространство, дошёл до стола, зажёл свечу. Огляделся: я один... совершенно один. Входная дверь закрыта изнутри. Подошёл к кровати, сунул руку под матрац – нож на месте... Значит, приснилось... Приснилось...

Вот и пришла русская зима: всё покрылось тонкой белой пушистой плёнкой, а воздух начал щипать кожу. Светлое время суток сузилось до нескольких часов.

В моей землянке всегда тепло: не прекращая, топлю русскую печку, с устройством которой меня познакомила Светлана Александровна. Не бреюсь – не для кого и не за чем. Оброс: теперь похож на Хамаюна, моего балучистанского друга и соратника, которого уже, наверное, нет в живых.

Моя жизнь постепенно налаживается. Только ночные кошмары не прекращаются, а мысли о Роми и нашем малыше не дают мне покоя. Я не знаю, что с ними. Иногда я выхожу наружу, на мороз, к яркому холодному солнцу и чистейшему голубому небу, запрокидываю голову, закрываю глаза и молюсь за «Сопrotивление»... за тех, кто погиб и кто остался жив. Часто перед глазами встают знакомые лица друзей и коллег, а слух всё ещё помнит их весёлые голоса, говорящие на разнообразных языках и диалектах. Все они живут, живут во мне... Память – удивительная штука. Это зеркало жизни, которое помнит всех, кто в него хотя бы раз посмотрел. Даже если их самих больше нет. Каждый, которого я знал, оставил во мне след, и теперь он живёт своей жизнью. Гибель «Сопrotивления» произошла по моей вине: я мог предотвратить то, что произошло. Я постоянно спорю со своим внутренним голосом, который говорит, что силы были неравны, и я бы не смог пойти против начальства «Сопrotивления». Процесс уже был запущен, все козыри находились в руках организаторов и координаторов организации. Я бы не успел ничего сделать – сам чудом избежал смерти. Какой смысл был в моём спасении? Чем больше я об этом думаю, тем меньше мне хочется жить. Я должен был уйти на тот свет вместе с «Сопrotивлением»: либо лежащим среди груд отравленных тел, либо – там, на мосту, рядом с Ярославом...

Теперь вот сижу здесь один, изредка навещаемый Надей и её бабушкой, и жду, как идиот, как загнанное в ловушку животное, когда за мной придут. Неужели Большой Брат не знает обо мне? Ни за что не поверю! Почему его люди принесли меня в штаб и оставили там, не введя вакцины? Если это действительно было сделано по приказу Наджама Хана, то зачем он сделал именно так? Я понимаю, что я мог проснуться слишком поздно, а Надюши вообще могло там не быть. И тогда бы меня арестовали как подельника, как террориста, как врага всего человечества. Или всё-таки Наджам Хан дал мне шанс, но зачем? Неужели?.. Неужели в нём проснулась песчинка совести, и старик захотел, чтобы я продолжил дело «Сопrotивления»?! Ха, да не-ет... Я обречён на гниение здесь или на смертную казнь от лап «шакалов». Разве это жизнь?! Я потерял всё, что у меня было. Больше ничего нет! Ни цели, ни планов, ни веры в завтрашний день... Больше ничего нет! Нет и никогда не будет! Наджам Хан! Будь проклят! Это твой приход описан в священных писаниях! Ты – тот самый волк

в овечьей шкуре! Будь проклят! Гори в аду! Наджам Хан! или как тебя там!.. Будь проклят тысячу, миллион раз! Будь проклят!

Тихо... как тихо... ночь... выхожу на мороз... градусов 15 ниже нуля... холодно... а в моём лесу так красиво... так красиво, что не хочется уходить домой. Лунный свет просачивается через мелкое сито ветвей деревьев и слабо освещает серебристым светом меня, замёрзшие стволы деревьев и снег. Тёмно-синее небо, нависшее над верхушками леса, усеяно бриллиантами: они переливаются, мигают, и я даже начинаю улавливать тихий-тихий, еле слышимый звук, издаваемый их сиянием. Или этот звук издаёт холодный свет луны? Почти неуловим этот необычный звук... Как будто немного шипящий, или нет... или даже какой-то такой... клокочущий что ли, с оттенком хрустального звона, плавно переходящего в хруст, в дыхание, в шёпот, в тишину, в которой можно слышать, как по капиллярам моих ушных раковин бежит кровь... Какими только звуками не наполнена абсолютная тишина... Волшебство в каждой доле секунды, в каждом мгновении... Волшебство, рассеянное повсюду, проникающее во всё...

Как же загадочна зимняя ночь! Тайна, о существовании которой я раньше не догадывался, раскрывается передо мной, словно вселенский фолиант, и начертаны на нём символы, которые я не в состоянии прочесть; чем больше страниц мелькают перед глазами, тем больше я убеждаюсь в том, что мне это никогда не будет под силу. Да, это она самая... Это она... истина, которую невозможно описать так, чтобы не утратить и кванта первородного смысла... она воплощается в виде волшебства, удивительных вибраций этой ночи... истина окружает меня повсюду, дышит, перерождается в изменениях, пульсирует... она касается кожи, разума и сердца и проникает в самую глубь существа. В такие моменты я застываю, глядя в небо. Оно засасывает взгляд так, что невозможно оторваться от этой бездны, от этих звёзд, точно от текста из букв, написанных самой истиной...

Не существует такого людского языка, которым можно описать то, что начинаешь чувствовать тогда, потому что все эти ощущения... они иного порядка, они выходят за грань обычного человеческого восприятия мира. В такие моменты ты понимаешь особенно ясно, что ты не просто человек, ты – часть бесконечного. А поскольку наш разум не способен познать бесконечность, можно лишь предположить, что в ней нет понятия «часть», но есть понятие того, что «часть – это всё»...

Я заметил, что чем меньше изъясняюсь на человеческом языке, тем яснее и гибче разум, крепче память. За несколько секунд до какого-нибудь события, движения или звука я чувствую его приход мимолётным видением где-то в глубине себя. Таким образом, я могу предсказать, я знаю, что произойдёт в ближайшее время, и это предсказание происходит вроде бы совершенно случайно. Теперь я догадываюсь, как общаются между собой животные, не издавая никаких звуков. Может, это и есть тот самый язык зверей, о котором часто упоминается в легендах. А что, если на заре цивилизации люди знали про этот способ общения, пока не научились говорить звуками, пока не перешли от языка души к языку материи, пока не потеряли ключ к подмиру?

Чувства, мысли – это не просто химия тела, какой-то биологический процесс. Это ещё и вибрации, испускаемые душами клеток в невидимый для человека мир. Наша мыслительная сила, насыщенная любовью, – как лекарство на травах. Она лечит мир и нас самих изнутри без хирургического вмешательства. И каждый имеет в своём арсенале это чудодейственное лекарство, но не всякий знает, как им правильно пользоваться. Высокими чувствами и глубокими мыслями можно возбудить в себе такие вихри, что они поднимут сознание на качественно другой уровень.

Совершенно неожиданно пришла ко мне новость о человеке, который пожертвовал всем в своей жизни ради справедливости в обществе. Прошёл почти год с той чудовищной трагедии, унёсшей миллионы невинных жизней. С тех пор, как биочипы под видом вакцин начали вкалывать в тела людей. Всё это время я лежал и засыпал с мыслями о том, что наш бой проигран, что Новый Мировой Порядок воцарился окончательно и бесповоротно. Но нет. Кажется, это ещё не конец. Находятся ещё то там, то здесь новые герои в рядах простых смертных, рождаются самородки, гении, ангелы во плоти, искры вселенского разума... они словно присланы из того мира, чтобы исправить наши ошибки, чтобы помочь тогда, когда мы сами уже не в состоянии идти по намеченному пути... Они приходят, чтобы дать нам новую надежду, чтобы мы обрели ещё большую силу и боролись за наше будущее дальше.

Не-е-ет, не зря пришёл на Землю этот человек, не просто так... Не случайность привела его к тем выводам и поступкам, которые известны теперь на весь мир. Этот человек знал, на что шёл, знал, что это самоубийство. Он велик... он обнародовал правду о том, что на самом деле представляет из себя эта вакцина. Он пошёл против всей Системы, он ничего не побоялся. Где ты сейчас? Прячешься... Только прячься хорошо, иначе они тебя найдут. Будущее за такими, как мы с тобой.

Хотя нет, я трус... Что полезного я сделал? Отсиживаюсь здесь. Наблюдаю, как Большой Брат завершает порабощение человечества. Иногда я успокаиваю себя, думая, что я сделал всё, что было в моих силах... Оправдываю, жалею себя... Нет, я могу выйти из своего скудного жилища и рассказать людям правду. И тогда люди начнут бороться за свою свободу. Меня схватят, мою казнь будут транслировать на весь мир. Мои слова исказят и оболгут, осмеют и забудут, потому что в глазах толпы я навсегда останусь террористом. И только малый, самый малый её процент услышит в моих словах искренность и душевную боль. И продолжит дело сопротивления... Так думал я, брат мой, до твоего героического поступка. Ты был, как и я, слугой мирового правительства, но не смог спокойно смотреть на этот беспредел, не смог задавить в себе совесть и сочувствие. Ты всё сделал правильно, никогда не сомневайся в этом.

Я трус... Не знаю, что держит меня здесь. Я до сих пор не решился выйти к людям и придать ещё больший вес твоим громким разоблачениям. Если бы я был таким же храбрым, как ты, тогда, может быть, восстали бы люди, объединились и действовали сообща, разгромили бы всю эту Систему. Но почему кажется, что в моём откровении не будет никакого смысла, мне всё равно не поверят... Ну вот. Я опять ищу оправдание.

Хочу посвятить оставшуюся жизнь моей Наденьке, её духовному воспитанию. Да, может, это глупо или наивно звучит, но я задумал немного-немало вырастить из неё лидера нового «Сопротивления». Я вижу в ней большой потенциал. Она построит другое освободительное движение, и оно будет намного лучше и сильнее прежнего. Я воспитаю в ней мудреца и воина, оратора и стратега... Я воплощу в ней все качества, которые хотел бы видеть в лидере международной организации, которая изменит ход истории. Вполне возможно, что движение будет носить какое-нибудь другое название...

А Наденька не сможет без меня. Я стал ей вместо отца. Я для неё теперь смысл жизни, а она – для меня. И она не простит бегства или предательства. Расти, Наденька, расти скорее! Нас ждут великие дела!

Мысленная речь также, как и звуковая, нарушает покой разума. Когда мы говорим внутри себя, мы мешаем нашему сознанию улавливать невидимые волны Вселенной и читать доступные нам образы бытия. Нужно меньше говорить. Меньше писать. Меньше читать текстов и меньше думать словами. Нужно приучать себя создавать мысли объёмными, звучащими, обоняемыми и чуть ли не осязаемыми образами. Ибо слово – это звук, упрощённая копия природного образа. А образы – они многогранны и потому ближе к оригиналу, и потому связь с ними – крепче.

Страх перед спецслужбами постепенно отступает... Мысли обретают покой и умиротворение. Жизнь на природе помогает воспринимать мир по-другому. Поэтому я научился радоваться всякому моменту жизни: лучам солнца, замысловатости теней и полутеней, звукам леса, тихому шелестящему топоту дождя, дыханию ветра поверх макушек деревьев... и простейшим мелочам быта. Всё мне здесь в радость. Всё мне здесь как родное. Лес принял меня, он заботливо оберегает и прячет от глаз «шакалов». Моя землянка глубоко врыта в землю и так хорошо замаскирована, что идеально вписывается в неприметный лесной ландшафт. Мой жилище находится там, где не ходят люди; изредка можно видеть какого-нибудь зверя. Я под защитой Высших Сил; они не дадут меня в обиду.

Моя жизнь стала проще и спокойнее. А ещё... я полностью отказался от мяса. Природа и так даёт мне всё необходимое. Варю каши, похлёбки, варенья, компоты, делаю простенькие блюда из грибов, проращиваю пшеницу и рожь, сушу фрукты. Наденька приносит иногда что-нибудь вкусненькое. Ещё я занялся изучением травника Светланы Александровны. Электричеством по-прежнему не пользуюсь из соображений безопасности. Чувствую себя лесником века так... восемнадцатого-девятнадцатого... Новости узнаю от Нади или её бабушки, иногда они приносят что-нибудь почитать... Надо отметить, Наде в школе приходится очень туго: образовательная система, призванная воспитывать в детях рабов Системы, превращать ребят в серую рабочую и потребительскую массу, убивать в них всякую оригинальность и свободу мысли, крепко взялось за мою девочку. Но она не хочет быть как все. Теперь она в школе «белая ворона» первого эшелона. Читает много альтернативной информации по дисциплинам, дискутирует с учителями, задавая неудобные вопросы то на уроках истории, то на уроках физики, постоянно проявляет инициативу и любознательность. Умничка!

Иногда бывает: сижу дома, задумавшись над чем-нибудь, гашу свечу и в кромешной тьме, в абсолютной тишине слышу, как читает молитву имам перед моими братьями из «Сопrotивления», как весело болтают борцы русского отделения. Постепенно зрение привыкает к темноте, и в ней всё чётче проявляются очертания знакомого места, которое находится где-то очень далеко отсюда... Звуки, голоса такие громкие и живые, а запахи и прикосновения настолько явственные... Передо мной открываются улицы Балучистана, смуглые люди спешат на работу, солнце светит высоко над городом, душно, я провожу ладонью по лбу, и она становится влажной. Жара... откуда-то доносится запах пряностей, видимо, со стороны базара... и вдруг из толпы выныривает силуэт пёстро одетой Ромайлы и, приближаясь, становится чётче и чётче. Она встаёт передо мной, улыбаясь и раздвигая руки для объятий; я вижу каждую ниточку паутинки в радужках её карих глаз; каждый чёрный волосок на её голове становится тёмно-русым, освещаясь яркими лучами солнца. Но вот, ещё одно мгновение, и передо мной стоит закипающая от гнева Сара. Она замахивается и больно с характерным шлепком бьёт по щеке. В миг всё кругом растворяется... Остаётся только беспросветная, почти космическая бездна темноты... и такой же тишины...

Да, так и есть... Мир, который мы видим, – это иллюзия. Рано или поздно всё растворится, будто и не было вовсе. Не будет и меня. Я снова буду Всем. Хотя нет. Я есть, был и всегда буду Всем... Я есть Истина. От перемены мест слагаемых сумма не меняется... Я – Истина. Чего мне бояться? Потери тела? Как можно бояться неизбежного? Я бессмертен. Я

вечен. Я никогда бесследно не исчезну. Я буду всегда... Истина всегда со мной и во мне. А это значит, что я всегда един с теми ангелами и умершими предками, которые наставляют нас, направляют на верный путь. Кто бы не был у власти в мире на самом деле, наши помощники лучше нас знают, что мы намного сильнее, чем думаем... Но раз уж Большой Брат затеял эту битву, если не знает, что рано или поздно по закону кармы получит за всё своё зло симметричный ответ из Вселенной, значит, Он не настолько умён, значит, Его знания о мире недостаточны. Он пошёл против законов самой Истины и не понимает, к чему это приведёт. А справедливость – на нашей стороне. И мы рано или поздно победим! Держитесь, черти, мы идём!..

Пять месяцев я ни с кем не общался, ничего не писал и не читал. Из всех сил пытался думать не словами, а образами. И теперь начинаю пугаться тому, каким окружающий мир предстаёт передо мной. Я сказал Наде заранее, что не смогу говорить с ней какое-то время. Она восприняла это всерьёз и не стала спрашивать о причинах. В следующие разы она приходила, только чтобы занести гостинцы, и молча уходила, безуспешно пытаюсь поговорить со мной глазами или жестами. И теперь со мной происходит что-то интересное и вместе с тем пугающее. Слова действительно мешали мне глубже мыслить и явственней почувствовать. Слово, как термин, является упрощённой копией мыслительного образа. Мне кажется, это – настоящее прозрение. Я вижу и ощущаю взаимосвязи, которые раньше были от меня скрыты. Звуковой ряд мысленного слова создавал слишком сильную доминанту в моей голове и не позволял услышать язык Истины, слишком тонкий и еле уловимый; слово оглушало крайне чувствительные органы моего сознания и подсознания. И теперь я начинаю слышать этот язык. Когда я только осознал это, что-то во мне перевернулось, я испугался... И бросился писать. Сделал несколько записей о том, что творится в моей голове. Потом прочёл и сжёг над свечой. Я ходил по лесу и разговаривал с птицами, которые отвечали мне своими тонкими голосами, болтал с деревьями, обнимал их стволы, гладил зелёные листья, касался травы, садился на землю и замороженно слушал... Я испугался тогда того, как стремительно испарялись во мне остатки прежней жизни, как безвозвратно уходил в прошлое прежний я. И тогда, и теперь мне страшно... неизвестность и невероятная громадность того, что открывается... я не знаю, как это описать... я боюсь, что это необъятное, бездонное засосёт меня... Оно манит, оно притягивает... Оно обещает открыть самую великую на свете ТАЙНУ... оно зовёт меня в другой мир... и я уже почти готов слиться с ним...

На этом дневник моего учителя заканчивается. Меня зовут Надежда. Мне 14 лет. Я живу и учусь в России. Мой отец погиб вместе с другими членами международного освободительного движения «Спротивление» семь лет назад. Но так случилось, что моим примером для подражания стал человек по имени Эмануэль Разумовский. Он стал мне вторым отцом. И теперь, спустя много лет, я благодарю его за то, что он не жалел меня, и уроки его были порой слишком суровы для девочки 7—9 лет. Я не знаю, где он сейчас, но верю: там, где меня нет, он однажды увидит эту запись во сне, прочтёт её, и на душе станет теплее. Пусть он знает, что, несмотря ни на что, он – единственный светоч в моей жизни, на который я иду, как на луч маяка в мёртвой темноте безнадёжности самоубийственного человечества...

Когда Ману был найден полицией и арестован, он уже не говорил. Рассказывали, будто он заранее знал, что за ним идут. Собрал вещи и вышел из землянки, чтобы встретить полицейских. Его обвинили в террористической деятельности и заточили в тюремной камере.

Не дождавшись суда, мировое правительство убило его, а народу сказало, что он совершил самоубийство. Но я уверена, что это неправда. За неделю до ареста Ману передал мне свой дневник... Думаю, он уже тогда чувствовал, что за ним скоро придут.

Где бы ты сейчас не был, Ману, знай: однажды мы обязательно победим. Пускай, не через месяц, не через год, не через век. Просто нам отмерено время, чтобы сделать фундамент попрочнее. На нём наши потомки построят новое общество. Мы станем героями легенд, которые будут рассказывать родители своим детям, а дети эти никогда не увидят войн и терактов, нищеты, бродяжничества и голода, не познают ужасов денежной мировой системы, полиции, коррупции и лжи государственных органов. Всё, что сейчас считается основой существования человека, останется только в фольклоре народов мира, как страшные мифы о смутных временах, о времени, когда человечество свернуло на ошибочный путь. Люди учтут прошлые ошибки и научатся жить правильно, не нарушая равновесия во всех сторонах своей жизни. Они будут использовать новые источники энергии, новейшие технологии и не будут высасывать кровь из Земли, не будут отравлять природу и самих себя, а будут жить в гармонии с другими обитателями планеты. Человечество научится жить по совести, будет поступать честно без принуждения и страха, лжи и ненависти, ведь исчезнут поводы ко всему этому. Люди будут творить и трудиться не за денежную плату и славу, а во имя счастья и благополучия всех жителей Земли. Не будет зависти, потому что каждый будет иметь необходимое, достаточное количество и качество всего для счастливой жизни; люди будущего научатся жить по своим реальным потребностям. Все проблемы будут решаться сообща. Так жили наши далёкие предки, когда были в ладу друг с другом, с природой и обществом. Настоящее общество – это когда всё «общее»... Так древние люди управлялись копным правом. Тогда-то они и доказали, что самоуправление – не утопия, что оно вполне может быть взято за основу общественного строя. Я уверена: такую модель общества поддержат не только русские, не только народы России, но и другие народы в других странах мира! Будущее за здравомыслящим самоуправлением!

Наши ангелы, боги, предки, оставившие земные тела, рано или поздно дождутся золотых времён на нашей планете, и радости их не будет предела. Сила нового Сопrotивления будет не в насилии, не в агрессии, и мы добьёмся, обязательно добьёмся победы... В насилии больше не будет смысла: люди поймут, что можно жить без страха и боли, никто не будет обделён и унижен, запуган и травмирован духовно или телесно... Руки человечества отбросят орудие самоубийства и построят новый мир... Те, кто служил Большому Брату, перейдут на нашу сторону, и некому больше будет сражаться на стороне Дьявола. Пирамида Нового Мирового Порядка рассыплется так же, как рассыпается пирамида из высохшего песка под лучами солнца.

Мы будем стремиться изо всех сил! На нас возложена великая миссия. Мы уже строим будущее. Оно уже в нас. В нас – целый мир, целая Вселенная, поэтому нам всё по плечу! Мы боги! Мы можем всё! В реальности нет никаких препятствий, все препятствия в головах, все препятствия – всего лишь электрические разряды в нашем теле! Кого нам бояться? Чего нам бояться? Каждую секунду мы строим своё будущее, будущее миллиардов потомков. Совместно, а не соревнуясь, мы способны решить любую задачу, только если мы едины, если мы идём дорогой любви, а не страха. Если мы все вместе возьмёмся строить этот мир на божественных началах, то он будет самым прекрасным, самым заветным, самым чистым и уютным! Мы построим мир Истины и Света! В это трудно поверить?.. На первых порах, да. Но именно так всё и будет! Потому что нет ничего невозможного. НИЧЕГО!